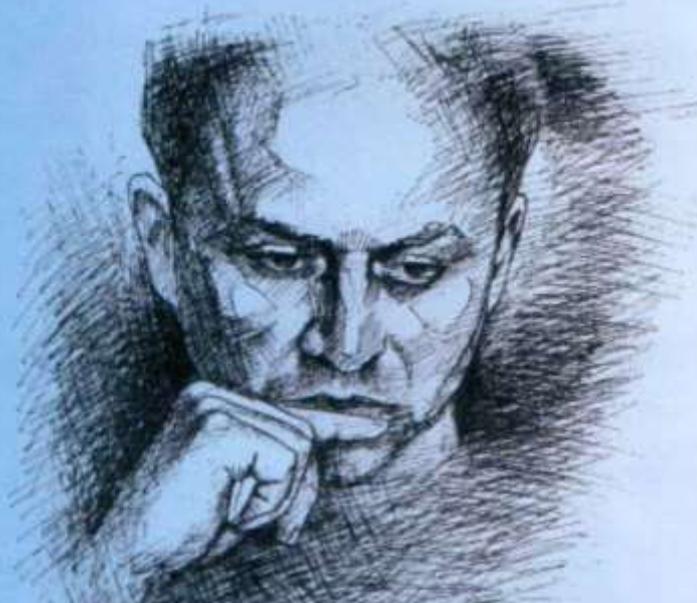

Ашот БЕГЛАРЯН

ЗВЕЗДНЫЙ
МАЛЬЧИК

День рождения

Бои, жестокие и кровопролитные, с каждым днём принимали всё более упорный характер: сёла в Мартакертском районе Нагорного Карабаха порой в течение одних суток несколько раз переходили из рук в руки. Лето 92-го стало крайне тяжёлым периодом, когда многое решал случай. Линия фронта была размыта, на передовой всё перемешалось: противники, часто будучи не в силах или не имея достаточно времени, чтобы чётко определить, где свои, а где враг, попадали в окружение и напарывались на засады. Случалось даже, что два своих же подразделения по неведению перестреливались час-другой... Но страшнее и, пожалуй, ещё страннее и нелепее (впрочем, война сама по себе – это переплетение парадоксов, крайностей и абсурда) было то, что противники не различались по своему обмундированию...

Готовясь к наступательной операции, вторая отдельная карабахская рота отправила группу разведчиков для изучения местности. Мовсес Шахмурадян, самый опытный из разведчиков, пошёл впереди своих товарищей...

Он очнулся и тут же ощутил режущую боль под левой ключицей. «Жив», – скорее удивился, чем обрадовался он и попытался поднять голову, но не сумел. В ушах невыносимо звенело, тошнотворно-кровавый рассол во рту вызывал мучительную жажду. С трудом повернул затёкшую шею: пожухлая трава вокруг была залита кровью...

Тут со всей яркостью представилась ему недавняя стычка. Вражеские разведчики появились из густого орешника неожиданно близко. Их было двое – в таких же, защитного цвета «афганках», как он сам, отличить от своих было практически невозможно. Опасаясь ошибки, он крикнул: «Пароль!» Те молча переглянулись и... спустили курки. Раненый, он успел прыгнуть за ближайший бугор и, преодолевая боль, открыть ответный огонь.

Бой длился минут пять. За это время он успел расстрелять все патроны. Когда опустел последний из двух запасных магазинов, пустил в ход гранаты – все до одной, потому что ему казалось, что через минуту всё равно умрёт от раны. С разрывом последней гранаты наступила мёртвая тишина. Затем всё вдруг исчезло...

Он достал из подсумка кусок желтоватой ваты и наложил его на свербящую рану. От кислого запаха крови мутился рассудок. «Если что, живым не сдамся», – подумал он, прижимая к груди ещё не совсем остывший автомат. Немеряющими пальцами нащупал во внутреннем кармане куртки то, что хранил как зеницу ока, – последний патрон, последнюю надежду. Надежду на спасение, избавление от плена. Сейчас он, конечно, понимал, как трудно будет решиться на это...

Нечто похожее произошло неделю назад при возвращении с вылазки в тыл противника. Разведчиков засекли: еле вырвавшись из окружения и чувствуя сзади горячее дыхание противника, они вынуждены были оставить раненого товарища – Меружана, которого долго тащили. Мрачное предчувствие заставило Мовсеса через минуту вернуться к раненому, спрятанному в овражке. Вернуться с тем, чтобы прикончить его: мысль о том, что его близкий друг может оказаться в руках у остервенелого врага, леденила ему сердце – солдаты противника нередко глумились даже над мёртвыми...

Но рука дрогнула...

– Я не смогу этого сделать, – протягивая Меружану гранату, сказал он. – Возьми, подорвёшься вместе с ними, когда уже другого выхода не будет... Постарайся продержаться, я обязательно приду за тобой вместе с подкреплением...

Тогда обошлось – уже глубокой ночью полумёртвого, озябшего бойца удалось вынести с поля боя и спасти. Теперь же то, что он предлагал с хладнокровием палача другу, ему, возможно, предстояло сделать по отношению к самому себе.

– Ничего, скоро наши пойдут в наступление, – отправляя патрон в патронник, успокаивал он себя. – Тысячу раз был прав ты, старый капитан, вдальбивая нам в головы, что война больше всего не терпит легкомыслия: зачем нужно было соваться вперёд, тем более в такой день?! А ещё, бывалый наш ротный, только сейчас дошёл до меня смысл твоего сравнения солдата на поле боя с охотником: «Одного зверя необходимо терпеливо караулить, поджидая в засаде, другого нужно решительно и неотступно преследовать, третьего же, наоборот, надо остерегаться, стараясь не попадаться ему на пути, иначе самому беды не миновать...»

Раненый прислушался, борясь с чуть унявшимся звоном в ушах. Кругом вроде было тихо, и лишь где-то в стороне, далеко за холмами, грохотала канонада. «Неужели я их укокошил, – гадал он. – А может, выжидают, сволочи... Надо было сразу, как они, – стрелять без лишних церемоний».

Он унёсся мыслями в город: в сладком полузабытьи мерещились мать, хлопчущая на

веранде у печки с праздничным пирогом, и весело снующая рядом сестрёнка.

«Мама, а Моси когда придёт, когда уже темно будет?» – на миг став очень серьёзной, спрашивает она. Сегодня старшему брату исполняется двадцать три, и он обещал отметить день рождения дома...

Вдруг кто-то воровато прикоснулся – он очнулся. Рядом никого не было – лишь на заросшей щеке трепетал сорванный ветром с кустарника сухой лист.

Мучительно хотелось пить. Стараясь не делать лишних движений, чтобы не причинять себе новой боли, он отстегнул от ремня фляжку и с жадностью вобрал в полость рта тёплой, невкусной и неприятной воды. Не глотая её – бойцы, как нехитрый урок, давно уже усвоили, что пить с открытой раной категорически нельзя, – долго полоскал рот, стремясь достать все его уголки, с наслаждением, стараясь не проронить и капли, растёр намоченным пальцем губы и выдохнул воду обратно в скудную солдатскую ёмкость... Грозившая в любой миг обернуться ядом, обычная вода для него, беспомощного и неподвижного, имела теперь цену золота.

«Вот когда человек в полной мере осознаёт органическую и чудовищную зависимость свою от внешней среды. Впрочем, если верить тому, что процентов на семьдесят он состоит из воды, всё становится понятным. Человек как некий резервуар, не стеклянный, железный или глиняный, а сплетённый густо из живых нервов, которые нуждаются в постоянном поливе. В противном случае они, ноя, умирают. Вот несправедливость – эта прозрачная жидкость, сама так любящая свободу, сделала человека навеки своим рабом!.. Эх, превратиться бы сейчас в лужу, просочиться в землю или же испариться медленно и тихо, без боли и страданий, под лучами солнца!.. Уйти меж пальцев кровожадного и трусливого врага, когда тот, подло выждав, пока он полностью обессилеет, наконец приблизится. Увы...»

Вдруг неподалеку раздался отчётливый сухой треск.

«Всё... – подумал он, медленно кладя палец на курок. – Живым не сдамся!..»

Свой день рождения Мовсес Шахмурадян отмечал в военном госпитале. Его подобрали подоспевшие карабахские разведчики.

1992 год

Ловушка смерти

– Чувствую кисть и каждый палец в отдельности, – говорит Арсен, вытянув перед собой культю и делая воображаемые движения отсутствующей частью руки. – Вот так разминаю несколько раз в день.

У Арсена Хачатряна, внешне неприметного, невысокого, худощавого парня из села Тагавард, необычная судьба. Впрочем, бывает ли обычной военная судьба?..

Морозной ночью зимы 92-го в местечке Геворкаван Мартунинского района Нагорного Карабаха противник неожиданно напал на пост карабахцев. Бой был жаркий, но неравный и короткий. Смертельно раненный командир Славик Тамразян успел лишь крикнуть: «Ребята, спасайтесь!»

Вместе с несколькими уцелевшими товарищами Арсену удалось прорваться к БМП, замаскированной неподалёку в винограднике. Однако, отъехав всего три-четыре сотни метров, боевая машина напоролась на противотанковую мину. Чудовищной силы взрыв легко, словно пушинку, подбросил БМП в воздух. Бойцов спасло то, что люки машины были открыты, в противном случае от удара и давления внутри экипаж просто размазало бы по стенам этого железного гроба.

Придя в себя, Арсен с ужасом осознал безвыходность собственного положения: перевернувшись в воздухе, железная машина, упав, задавила всей своей тяжестью кисть хрупкой человеческой руки. Коварнее ловушки смерть придумать не могла, но страшнее смерти представлялся плен – неподалёку слышались голоса вражеских солдат.

Боец догадывался, что той части руки, которая осталась под БМП, уже нет: он даже не чувствовал её – боль начиналась только с предплечья, моментально затёкшего. Рядом, постанывая от переломов и ушибов, вразброс лежали товарищи. Все пока находились в шоке, и каждый был занят лишь своей болью, собственной бедой – кто-то ругался, проклиная случай и судьбу, другой в полузабытье звал на помощь, третий молчал и было неясно, жив он или нет.

Арсен осторожно потянул придавленную руку на себя – наэлектризованная боль прошла по предплечью к шее. «Другого выхода нет, надо решиться!» – наконец признался он самому себе, принимая неизбежность того, что в первую минуту подсознательно отогнал с ужасом.

Боец достал штык-нож, ещё раз приказав себе быть решительным. Поманив одного из товарищей, находившегося поближе и, видимо, отделавшегося лишь лёгкой контузией, он протянул ему нож. Просьба Арсена заставила того невольно отшатнуться. Подойти к нему не решались и другие.

Стиснув зубы, он сам стал резать собственную плоть.

К великому удивлению, боли почти не было – непосредственная смертельная опасность, огромная внешняя и внутренняя напряжённость, служба своеобразным наркозом, заглушили даже такое сильное чувство, свойственное всякому живому организму. Инстинкт самосохранения полностью поглотил человека, заставляя его ради сохранения целого, жертвовать частью, не задумываясь. Бойцу даже не было жаль родной кисти, и он лишь досадовал на неё, когда связка сухожилий не хотела поддаваться грубому ножу, упорно выскользывая из-под тупого лезвия. Перерубить кость сил не хватило – сделать это помогли осмелевшие наконец товарищи, накрепко перевязавшие свежую культю солдатским ремнём.

До госпиталя Арсен добирался сам, всю дорогу внушая себе: «Не упаду!..»

1993 год

Жажда жизни

Очередь ударила в левое предплечье, словно тяжёлым молотом отбив его. Боль от первой пули была столь сильной, что двух других ран – чуть выше кисти и под мышкой – он почти не почувствовал. Точнее, не успел почувствовать каждую рану в отдельности: всё слилось в один мощный удар, который, как показалось в первый момент, оторвал и унёс руку.

Шок прошёл быстро, вернее, усилием воли раненый преодолел его. Рука с двумя переломами тотчас вспухла, застыв в неестественном виде – согнутая в локте и с открытой ладонью, направленной вверх. Не выпуская автомата, предплечьем здоровой руки Армен попытался положить кисть левой в раскрытую грудь афганки. Однако через несколько шагов рука вылезла из-под одежды и, почувствовав свободу, с силой подалась влево до отказа, причинив тупую, жидко-тошнотворную боль, и ещё долго успокаивалась, нелепым приветственным жестом содрагаясь прямо перед глазами. Она абсолютно не подчинялась, казалась чем-то самостоятельным и чужеродным.

Вдруг до боли стало жалко себя и нелепую руку, но Армен сумел быстро побороть это чувство. «Ещё не всё кончено, буду идти сколько смогу», – как бы раздваиваясь, внушал раненый своему внутреннему «я» и даже улыбнулся ему, когда догнал товарищей. Те на ходу перевязали ему раны. Бинты моментально набухли от крови, к кислому запаху которой он никак не мог привыкнуть.

Противник преследовал вырвавшихся из окружения. Во время одной из стычек группа невольно разделилась. Теперь они остались вчетвером. Армен шёл молча, пытаясь переосмыслить случившееся...

Противник, безуспешно штурмовавший стратегически важную высоту над небольшим горным озером, на третьи сутки взял хитростью: зайдя незамеченным с тыла, он окружил

полумесяцем небольшой отряд карабахских воинов. Долгое сопротивление грозило пленом – просто не хватило бы боеприпасов. Отступать же было некуда: внизу в холодной зыби сверкали воды озера, и если раньше оно служило серьёзным препятствием для противника, то теперь невольно стало продолжением вражеской цепи окружения... Быстро оценив ситуацию, бойцы пошли напролом, на прорыв вражеской линии – к единственному свободному пути, тропинке, поднимающейся в гору с левой стороны.

У подбитой БМП развернулся жаркий бой. Рядом, сражённые, падали товарищи. Кровь одного из них, поражённого снайперской пулей в лоб, залила Армену лицо. Если бы не удалось засечь вражеского пулемётчика, тщательно замаскировавшегося в кустах под венком пожухлых августовских трав и листьев, перебили бы всех до единого. Когда Армен попытался прикрыть огнём отходившего последним товарища, вражеская очередь настигла и его...

В детстве, уже хорошо понимая, что смерть неминуема для всех, он почему-то был уверен в собственном бессмертии. Ему казалось, что смерть обойдёт его неким волшебным образом. Вспомнив это сейчас, почти двадцать лет спустя, Армен невольно улыбнулся.

Тем временем жизнь всё ещё пульсировала в нём, связывая с миром тысячью невидимых нитей – ощущений, чувств, мыслей, воспоминаний. И ему казалось, что только путём невероятной боли можно будет разом оборвать всё это, что лишь нечто сверхъестественное способно прервать это удивительное состояние, даруемое в полной мере только человеку... Но чтобы вот так, безмолвно и тихо, вместе с утекающей кровью ушла жизнь – никак не укладывалось в голове. Он не мог, не решался представить себе это, не верил, что буквально через несколько минут может стать таким же неподвижным и бесчувственным, как лежавший неподалеку пень, вырванный с корнями снарядом. Он не хотел верить и тому, что часть боевых товарищей, с которыми ещё недавно делил пищу, сон и отдых, погибла... И это давало ему силы.

Армена мучила жажда – не пил почти сутки. Всегда аккуратный водовоз вчера почему-то не появился. Подъехал же к позициям только к полудню следующего дня, как раз перед самым началом боя, когда совершенно неожиданно появился дозорный, весь в поту, и срывающимся от волнения голосом сообщил, что противник окружает. Тогда стало уже не до воды... Теперь, приблизительно зная местонахождение родника, они искали его, петляя в горном, горячем от летнего зноя лесу.

Кровотечение, несмотря на все старания, остановить не удалось. Раненый заметно сдавал. Он достал из карманов самодельного бронежилета и передал товарищам гранаты и магазины. Некоторое время спустя, стараясь не причинять раненому новой боли, бойцы разрезали бронежилет, весь пропитанный кровью, и только тут заметили третью рану под мышкой, с досадой упрекнув его за то, что скрывал её от них...

Вскоре поиски родника увенчались успехом, и неодолимое желание вдоволь напиться овладело им. Однако раненого ожидало великое разочарование – товарищи решительно запретили ему пить: вода, обычная вода, в данном случае означала конец, несла, словно яд, смерть.

Не в силах открыть слеплённый застывшей пеной рот, он жестами показал, что собирается лишь смочить губы и попробовал сделать это. Но уже через минуту его, всем телом припавшего к земле и со страстной жадностью, словно саму жизнь, её свежесть и силу, впитывавшего студёную воду, пришлось силой отрывать от жизнерадостно журчащего ручейка.

А ещё некоторое время спустя Армен, сделав несколько шагов, внезапно почувствовал невыносимую тяжесть в ногах и присел, попросив товарищей, которых столь легкомысленно послушался, оставить его, пообещав, что с наступлением сумерек сам доберётся до постов. Но когда позвали, и он с трудом разомкнул отяжелевшие веки, то понял, что силы окончательно покидают его, и жизнь, быть может, уже наполовину вышла из него.

– Уходите, – механически настаивал он, впрочем, сам не веря своим словам. – Ночью сам доберусь!

Вдруг как-то стремительно закружились в глазах кроны гигантских деревьев, и слабый дневной свет, тоненькой струйкой пробивавшийся сквозь пышную листву, исчез.

Как-то смутно и далеко пригрезилась мать, которая скончалась ровно месяц назад... Тут он почувствовал чьё-то лёгкое и заботливое прикосновение. «Мама!» – прошептал раненый и попытался открыть глаза, но не смог. Он уже не слышал, как товарищи звали его.

Раненый впадал в безмятежное состояние, которое бывает, наверное, только тогда, когда вплотную подходишь к последней черте, целиком и безропотно отдаваясь накатившему ощущению полной, страшной свободы. Весь мир, казалось, медленно отворачивался, а ему совершенно не хотелось сопротивляться, даже попытаться удержать его. Он чувствовал себя

лишним, отчуждённым, стёртым. Даже о самых близких, родных людях думать не было сил. Они, и это было ужасно, казались чужими и нереальными... Замолкло и внутреннее «я».

Согнутые и сгорбленные под грузом автоматов – своих и погибших друзей, под тяжестью его тела и набухшей от крови куртки, изнурённые от преодолённых восьми-десяти километров горного ландшафта, товарищи тащили раненого... В военно-полевом госпитале врачи обнимали Армена как родного, а медсёстры ни разу не отказали в воде, которую он просил чуть ли не каждые пять минут...

Жизнь, лучезарная и радостная, медленно, но властно возвращалась, наполняя собою каждую клетку.

1993 год

Сон

– Вот уже целый час мы говорим о войне, но меня так и подмывает спросить: «А всё-таки, что такое война?»

Карен, боец отряда самообороны, устало посмотрел на молодого развязного журналиста, который находился на передовой впервые, а потому донимал его всевозможными вопросами.

– Можно по-разному определять войну, – не сразу начал Карен, старательно набивая табаком самодельный бумажный патрон. – Ну, к примеру, это – грохот разрывов, шум моторов, боль, крики, страх и, наконец, смерть, вечно крадущаяся по пятам и выбирающая подходящий момент для того, чтобы выхватить тебя из жизни... Но всё это, пожалуй, лишь атрибутика войны, а сама смерть – наёмный служака и временная приспешница войны... О войне я думаю как о реальном существе и давно пытаюсь понять, а вернее, разоблачить это существо... Знаешь, на передовой и философом немудрено стать.

Карен взял уголёк из тлеющего костра, зажёл им самокрутку и глубоко затянулся. Почти треть сигарки вмиг превратилась в пепел.

– Недавно сон такой странный приснился, как раз в ночь перед боем. Снилось незнакомая мрачная местность. Кругом – тишина, вернее, какая-то приглушённость, словно после близкого разрыва артиллерийского снаряда. В небе абсолютно нет никакого движения: ни птиц, ни бабочек... Кажется, всё вокруг вымерло.

Затаив дыхание, слежу из окопа за пригорком напротив. Оттуда должен появиться воображаемый противник. Палец застыл на курке автомата, мышцы напряглись, какой-то липкий страх (хотя трусом себя не считаю) постепенно овладевает мною. Конечно, понимаю, что всё происходит во сне, однако это не успокаивает меня, наоборот, внушает, что враг, созданный во сне моей фантазией, будет необычен, чудовищен.

И вот наконец появляется он... Тощий, с хлипкими, словно плети, безвольно

свисающими руками. Спускался он вяло и рассеянно-задумчиво по склону холма – совсем не страшный, и даже вызывал жалость нелепым видом своим. С застывшим, словно у слепца взглядом, брёл он прямо на меня, ворча что-то себе под нос. Тут я не выдержал, встал во весь рост и расхохотался.

– Эй, раззява, прибавь-ка ходу! – крикнул я, в шутку целясь в человечка.

Человечек вздрогнул от неожиданности, опешил, но, опомнившись, вдруг резко оживился, скривил губы в злорадной улыбке и, вытянув перед собой руки, готовый схватить всё, что попадетя на пути, пошёл на меня скорым шагом.

К глубокому моему изумлению он увеличивался с каждым шагом, заслоня собою горизонт, а когда приблизился вплотную (в это время я словно пригвождённый застыл на месте с онемевшим пальцем на курке), то с ужасом увидел перед собой не человека, а лишь частицу его – желудок, правда, громадных размеров...

Я полетел – сначала вверх, потом куда-то в бездну, в темноту, и не сразу понял, что нахожусь внутри этого Существа. В крошечной тьме бегали такие же, но крошечные желудочки на тоненьких ножках, с крохотными автоматами в руках – приспешники и слуги Существа. Наскакивая в темноте друг на друга (я наблюдал всё это как хозяин сна, видел себя как бы со стороны, сам оставаясь незамеченным для других), существа эти кричали: «Где он, где этот фраер с ружьём?!» И вот, с омерзением почувствовав чьё-то липкое прикосновение, за которым на вздохе облегчения последовал удовлетворённый, злорадный возглас: «Вот он! Я нашёл, я поймал его!» – я открыл глаза, и пробуждение вырвало меня из тьмы...

Карен затянулся и, выпустив из себя дым, задумчиво посмотрел вдаль. За холмами приглушённо грохотала канонада. Тоненькие блики-змейки от разрывов рассекали холодное и безучастное небо...

– Если бы я сразу догадался, с кем имею дело, то, бросив автомат, бежал бы куда глаза глядят. Убежал бы ещё тогда, когда Существо только показалось из-за пригорка, было маленьким и хилым, не успело раздуться до невероятных размеров... Но было уже поздно: оно почуяло, увидело человека с ружьём, беспечного и самоуверенного, и это взбудоражило его... А существо это и есть Война, в которую мы вовлечены вопреки воли своей и конца которой так страстно ждём. Но пока в руках у людей автоматы, они слабее войны...

– Однако причём тут этот странный желудок? – спросил журналист.

– Вот и я до сих пор пытаюсь понять это... Быть может, полуголодное состояние и язва, последние дни не раз напоминавшая о себе, воспалили моё воображение?.. А впрочем, если война – явление противное человеческому разуму и душе, то не желудок ли в таком случае, вечно голодный и ненасытный, не эта ли прорва движет войной, являясь скрытым её мотором?.. Кто знает?..

Давно уже пора отдыхать. Уложив, словно ребёнка, автомат, Карен ложится рядом. Он спит лишь одним глазом... Ранним утром – в бой.

1993 год

Дед Аршак

С утра, как обычно, дед Аршак возился на пасеке. Приближалась роевая пора – пчёлы нуждались в особом уходе и, сами не зная покоя и суетясь, доставляли старику много хлопот. Ни свет ни заря выходил он из дому, а возвращался только с наступлением сумерек. Его, кажется, нисколько не волновало то, что за околицей давно бушевала война...

Стоял жаркий полдень. Старик уже подносил специальную ёмкость к ветке акации, чтобы стряхнуть с неё привившийся пчелиный рой, как сзади донёсся до него сдавленный женский крик:

– Аршак-даи*, скорее бросай всё – азеры в село ворвались... Все ушли, только мы остались!..

Заупрямился по-старчески дед: не хотелось ему вот так, разом бросать всё, накопленное и выстраданное годами, оставлять на произвол судьбы единственных утешителей одиноких дней угасающей своей жизни. Уж больно сроднился дед Аршак с пчёлами за последние восемь лет – с тех пор, как старушка его, почти полвека делившая с ним все горести и радости жизни, ушла навсегда, оставив ему одному этот мир...

Старик побежал в усадьбу, снял со стены старинную двустволку, спустился и встал перед калиткой на пасеку – кособокий, тощий и сгорбленный годами, но гордый:

– Пусть все уходят, я один буду защищать село!..

Силком ли, ласковым словом, но соседке удалось вывести старика за околицу...

Долго мыкался дед Аршак по разным столицам, не уживаясь ни с родичами в Степанакерте, ни даже с замужней дочерью в Ереване. Всё мерещилась ему пасека в цветущей, лоснящейся от солнца и мёда деревне, а по бессонным ночам, словно колыбельная песня, откуда-то издалека доходило до старческого слуха жужжание пчёл. И монотонное жужжание это для старика было лучшей мелодией на всём белом свете.

И вот, услышав в один прекрасный день долгожданную весть об освобождении родного Атерка, дед засуетился, засобирался...

Неласково встретила его родина. Мельком оглядел старик обгоревший, полуразвалившийся, опустевший дом и поспешил на пасеку. Взглянул он на побитые, осиротевшие ульи, загрёб пригоршню сухих, невесомых трупиков и опустил в бессилии на колени. Не выдержало старческое сердце – разрыдался, как ребёнок... оборвалась мелодия в душе.

Но недолго горевал дед Аршак. Успокоился, поднял одиноко валявшуюся в весенней поросли роевню и поплёлся по привычке в сарай за инструментом – чинить скособочившуюся калитку.

И кто знает, быть может, через год-другой вновь появятся среди цветущих акаций на пасеке пчёлы, радуя жужжанием своим исстрадавшуюся старческую душу...

Примечание:

Даи* – почтительное обращение к пожилому человеку

1994 год

Мать

Кругом всё полыхало. Жадное трескучее пламя, пожирая густые сумерки, безудержно стремилось ввысь. Кровавое зарево царственно нависло над мёртвым городом... Да, город казался необитаемым: люди не выходили из подвалов и укрытий, опасаясь возобновления чудовищного артобстрела. В пучину войны невольно оказалось вовлечённым и мирное население. Но, несмотря на прямую угрозу своей жизни, люди ещё больше переживали за тех, кто в это время находился на передовой...

В одном из полуразрушенных домов на окраине города не спала пожилая женщина, думая о единственном теперь уже сыне. Мужа и дочь, когда ещё только-только обозначались симптомы войны, вражеские солдаты подожгли в машине на просёлке – они ехали в деревню на сорокадневку одного из родственников. А спустя два года, когда война уже полыхала вовсю, в бою погиб старший сын, и мать осталась одна с Андреем.

Бои за высокогорный Омарский перевал не стихали вторую неделю. Победа имела стратегическое значение для обеих сторон... Целыми сутками мать не смыкала глаз.

Она, кажется, давно должна была привыкнуть к редким приездам сына – два раза в месяц, где-то в середине и в конце. И всё же, словно надеясь на чудо, мать непрестанно прислушивалась к шагам на лестничной площадке. Андрей заметил, что нередко картошка, которую она обычно подавала на стол, была ещё вчерашнего дня. Он догадывался, что, словно надеясь ускорить приезд сына, мать заранее готовила ужин и не притрагивалась к нему в одиночку... А он так часто опаздывал...

Сын приезжал наконец. Усталый и грязный, он тщательно мылся, чтобы, наспех поужинав, зарыться с головой в постель. Мать, которая в воображении своим часами беседовала с ним, не решалась заговорить – в такие минуты от сына трудно было добиться слова. «Ничего, в следующий раз буду внимательнее», – обещал себе Андрей, уходя ни свет ни заря.

Наутро Андрею предстоял очередной бой. Однако ближе к вечеру, когда на позициях вовсю шли приготовления к отражению атаки противника, что-то вдруг больно шевельнулось в груди. «Перед боем надо обязательно повидать мать!..» – эта мысль пришла как-то сама собой.

Всю дорогу Андрей думал о ней. С гибелью мужа и дочери надломилась она, осунулась, похудела, стала мало говорить, шамкая беззубым ртом. Смерть старшего сына добила её – одна тень осталась. Сядет в углу у печки, уставится невидящим взором перед собой, думая о чём-то, и не сразу очнётся, когда окликнешь.

Только сейчас Андрей по-настоящему осознал и прочувствовал её положение и сильно, по-сыновьи, пожалел. Ведь единственное, что теперь связывало мать с миром, был он...

Мать была на седьмом небе от счастья, но этого по ней видно не было – казалось, у неё не осталось и сил, чтобы выказывать радость. Сутулясь, она накрывала на стол. Ужинали, как обычно, молча. Мать почти не ела – всё потчевала сына...

Едва забрезжил рассвет, Андрей встал, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мать. Но та уже была на ногах. Согнувшись над печкой, она раздувала огонь. Знакомое чувство болезненной жалости кольнуло грудь, когда в зыбком свете керосиновой лампы он увидел распущенные редкие волосы матери, исхудалую, словно надломленную шею...

С неожиданной настойчивостью она стала просить сына повременить с отъездом. Андрей прекрасно понимал, как ждут его на передовой. Но внутренний голос подсказывал, что нельзя слушаться матери, которая давно ни о чём не просила. Уже совсем рассвело, а они всё ещё сидели за столом. Никогда раньше сын не был так откровенен и нежен с матерью.

«Посиди ещё, не уходи...» – шептала она сыну.

Андрей жал до отказа педаль акселератора своего грузовичка – каждая минута на передовой была на счету. Доехав же наконец, не сразу понял слов старшины, который как-то виновато-исподлобья сказал, что загружаться не надо – ребята сами как-нибудь управятся...

Андрей долго не мог прийти в себя, когда наконец дошло до него, что пока он мчался по ухабистым просёлкам к позициям, там, дома, не стало его матери...

Затравленная птица

При воспоминании об этом эпизоде у Арена слёзы наворачиваются на глаза...

Дело было на позициях. Стояла необычная для прифронтовой зоны тишина. На засыпающие холмистые окрестности опускались сумерки. Выставив дозор, ребята легли отдохнуть.

Сквозь неглубокий сон Арен услышал странное дребезжание, доносившееся откуда-то сверху. Он открыл глаза и вскинул голову. Со скудной кроны дикой яблони что-то капнуло на лицо. Вцепившись когтями в ветку, истекающая кровью птица пыталась удержаться на дереве, отчаянно хлопая крыльями. Бронзовый колокольчик звенел на её лапе.

Арен потянулся к птице. Непокорный беркутёнок насквозь пронзил острым когтем его ладонь. Боец молча снёс «обиду», перевязав себе и птице раны. Беркут покорился новому хозяину.

Загадочное появление птицы Арен объяснял так: по всей видимости, прежние хозяева выдрессированной, но своенравной и гордой боевой птицы чем-то не угодили ей, и в отместку она переметнулась в противоположный стан. Раненная догнавшей её пулей птица-перебежчик всё-таки долетела, предупредив своим появлением о близости противника. Через полчаса вражеская техника и многочисленная пехота попытались ворваться в село. Благодаря неожиданному гостю ребята избежали лишних жертв.

С тех пор человек и беркут стали неразлучными друзьями, вместе пробирались по суровым тропам войны, деля скромный солдатский пай и беспокойный отдых, пока однажды Арен не забрал его с собой домой в город в краткосрочный отпуск.

Воспользовавшись недолгой отлучкой хозяина, птица, видимо, пожелавшая разведать незнакомую ей местность, выбралась через форточку во двор и была затравлена местной пацанвой собаками. Отчаянно сопротивлялся беркутёнок, но силы были неравны... Опьянённых от первой крови собак всё больше охватывала жажда разорвать птицу...

Арен едва сдерживал себя, чтобы не разрыдаться, собирая по всему двору окровавленные перья. Он похоронил их вместе с растерзанным тельцем...

Впоследствии Арен, человек склонный к рефлексии, часто вспоминал птицу-друга: его воображение живо рисовало неравную жестокую схватку, без правил и намёка на честь и благородство, с остервенелым противником. От этого щемило под ложечкой, заглушая боль от трёх ран, полученных на войне.

Бывали моменты, когда он чувствовал самого себя затравленным жизнью и обстоятельствами, и чувство безысходности без видимой конкретной причины охватывало его. Война и неопределённость будущего истерзали его нервы, исподволь опустошили изнутри. В душе образовался некий всезасасывающий свищ – в нём бесследно исчезали нормальные человеческие чувства, побуждения, надежды...

Война кончилась, однако боль души и растерзанной памяти у многих осталась навсегда. Это боль памяти тех, кто пережил своих друзей, кто под шквалом огня волочил их – и раненых и, увы, мёртвых. Эта боль мучает долго, до конца жизни.

Не скрашивает воспоминаний и то, что война закончилась победой. Ведь война – явление, противоречащее человеческой сути...

1995 год

Родительская клятва

Сын

Ночь была лунная – местность просматривалась. Действовать приходилось лёжа, передвигаться по-пластунски. Картофельные клубни были на редкость крупные: урожай выдался на славу. Но жители села боялись подходить к полю: на другом конце находился вражеский пост. Угрозе смерти они предпочитали голод. Однако с этим не хотела мириться горсточка молодых парней: всего несколько дней они в шаумянском Карачинаре, а сельчане полюбили их как родных – не только с оружием в руках защищают село, но и, рискуя жизнью, добывают населению пропитание...

Пальцы уже онемели, но Эдмон продолжал выковыривать картофелины из земли. Прокапывая почерневшими пальцами грубую почву, он вспомнил школу, десятый класс. Дело было на винограднике – каждую осень школьники помогали колхозникам собирать урожай. В тот день так же ныло тело, так же не чувствовал он пальцев: Эдмон один собрал и сдал больше тонны винограда, больше всех.

Пущенная с той стороны поля ракета, вспыхнув, ярко осветила местность – противник напоминал о своём присутствии. Припав к земле, бойцы замерли. Перед глазами, как наяву, предстала свадьба – праздничный фейерверк, весёлые и шумные гости, Наринэ в ослепительно белом платье, любующаяся белоснежными лебедями на капоте свадебной машины... Влюблённые своими руками делали их – символов красоты, любви, верности, чистоты и нежности. Лебеди обещали молодым вечное счастье. Увы, как только кортеж тронулся, один из лебедей упал...

В Эдмоне сочетались ум интеллигента и безумство героя, сила и нежность, гордость и необычайная простота и скромность. Среднюю школу юноша окончил с золотой медалью, в университете также учился на отлично, серьёзно занимался спортом, музыкой, рисованием, военным делом... И везде был среди лучших. Природа щедро одарила его всем, но поскупилась в главном...

Враг наступал на Шаумянский район. «Это северные ворота Арцаха, именно там решается судьба всего края», – говорил он родным, собираясь на передовую. Те вначале попытались отговорить. Только жена Наринэ молчала: зная хорошо его характер, она понимала, что раз Эдмон почти сразу же после свадьбы покидает её, значит, это необходимо и остановить его будет невозможно. Как многие женщины Арцаха, она была не только женой, но и боевой подругой: когда всенародное национально-освободительное движение только начиналось, Наринэ прятала у себя дома оружие друзей мужа и, деля с ними все невзгоды подпольной работы, помогала печатать и распространять листовки, организовывать встречи...

Закрывая перед врагом северные ворота Карабаха, Эдмон Барсемян погиб, став для шаумянцев символом человечности и мужества, самоотверженности и героизма. За свою короткую жизнь он многое сделал для родины и народа, но для себя лично многого не успел. Не успел увидеть маленького Эдмончика, родившегося спустя два месяца после смерти отца, не успел вернуть к жизни белоснежного лебедя – недопел песню любви жене...

Отец

А жизнь продолжалась, продолжалась борьба карабахцев за свободу. Шестидесятилетний Александр Барсемян поклялся на могиле сына отомстить – за Эдмона и за все раны, нанесённые родине врагом. Как настоящий фидаин*, поклялся он не возвращаться домой до тех пор, пока не будет изгнан с родной земли последний вражеский солдат.

В течение нескольких месяцев Александр пытается записаться в один из отрядов самообороны. Однако оружия ему не выдают – возраст неподходящий. Он не отчаивается. Безоружный, под градом разрывающихся снарядов, рвётся в самые горячие точки – помогать

выносить с поля боя раненых, поднимать своим присутствием ребятам дух. Видя, что старика не удержать, наконец выдают ему автомат. Отец добился своего – сменил сына.

«Я знаю, ты окажешься сильным, крепись, не падай духом, справедливость в конце концов восторжествует...» – это слова из записки Эдмона отцу в следственный изолятор зимой восемьдесят восьмого. Тогда гордость Степанакертского комбината строительных материалов, многократный победитель социалистических соревнований, кавалер ордена «Знак почёта» каменотёс Александр Барсегиан – активист Карабахского движения – был подло оклеветан, и прокуратура СССР не замедлила возбудить уголовное дело. Справедливость в конечном счёте восторжествовала, но душевная рана осталась надолго.

Александр оказался сильным отцом – слово своё он сдержал: продолжил дело, начатое сыном. Воевал наравне с молодыми. Во время одной из операций в сентябре 92-го года с небольшой группой взял в плен шестьдесят двух вражеских солдат. Но ни человеческая подлость, ни суровые реалии войны, ни потеря сына не очерстили его сердце. Увидев брошенного в хаосе разрухи и смерти плачущего азербайджанского ребёнка, Александр поднял его и, приласкав, передал находившейся неподалеку женщине (мирному населению был оставлен гуманитарный коридор), наказав беречь как собственного.

Верный клятве, Александр Барсегиан сражался до последнего, до конца... Тело его привезли домой боевые товарищи...

За один год учительница Епраксия Карапетян потеряла сына и мужа. Но не сломилась женщина: словно олицетворение Родины-матери, во время ужасных артобстрелов она ни на минуту не покидала родной Аскеран. И умудрялась даже в стенах полуразвалившейся старинной крепости Майраберд** с автоматом и гранатой в руках (она умела обращаться с ними) вести занятия с детьми, тоже не пожелавшими покинуть родную землю.

Одолима ли земля, на которой живут такие отцы и дети?!

Примечания:

***Фидаин** – ополченец, партизан.

****Майраберд** – старинная крепость в Аскеранском районе Нагорного Карабаха: «майр» в переводе с армянского означает «мать», «берд» – «крепость».

1995г.

Ночь на посту

...Ночью стреляем без предупреждения: хотя разделительная полоса заминирована и сторонам дана установка «не воевать», возможность диверсионных вылазок не исключается. Впрочем, почти во всех случаях тревога оказывается ложной – на посты забредают животные: косули, дикие козы, реже – медведь.

Ночь на посту – время... философское. Не только предельного напряжения, физического и душевного, требует она, но и настраивает на извечные размышления о Боге, человеке во времени и пространстве, о жизни и смерти... Изучая долгими ночами звёздное небо, часто видишь падающую звезду и думаешь, что звёзды, как всё живущее, не вечны и что они, выполнив свою миссию, уступят место другим. Умирая, звёзды падают вниз. Люди же возносятся – наверное, чтобы жить дальше, в другом измерении, в другом качестве... И быть может, это качество для нас конкретно определяется сегодня здесь, на этом горном посту, и зависит от того, насколько мы будем просты и откровенны в отношениях друг с другом, насколько будем преданы своей земле, народу, семье – тем высшим идеалам, ради которых лучшие из нас готовы пожертвовать и жизнью...

Ночь продолжалась. Мы с Тиграном Багдасаряном напряжённо вслушиваемся в тишину. Фактически мы – на краю света, на краю земли, вернее, на краю своей земли. Впереди – пропасть, как в прямом, так и в переносном смысле. На той стороне такие же вооружённые люди, ставшие по воле судьбы и случая нашими кровными врагами. Ступив на тропу войны, мы готовы без раздумья и предупреждения стрелять друг в друга. Хотя по большому счёту человек человеку, наверное, всё-таки – не волк, и во всём, в данном случае, виновата война. Это она разводит людей по разные стороны баррикад, часто не спрашивая фамилию и национальность. И всякое ещё может случиться: невидимая ленточка хрупкого перемирия – это далеко ещё не пограничные столбы, вкопанные в землю и скреплённые надёжным, долговременным договором...

Спереди раздался отчётливый треск, разом прервав все мысли. Мы с Тиграном переглянулись и, выждав определённую паузу, открыли огонь – ночью стреляем без предупреждения. Невидимый враг заметался, о чём свидетельствовал беспорядочный шум опавших листьев и веток, неожиданно выскочил прямо на нас. Косуля! Она была метрах в пяти-шести. Не хотелось лишать жизни Божью тварь, но товарищи не поняли бы меня, моего бездействия – придётся стрелять... Не целясь, нажимаю на курок – осечка!.. Такое случается нечасто. Зверь скрывается в темноте ущелья – значит, на то была воля Божья.

Ночь на посту продолжалась...

1996 год

Чужой счёт

(рассказ написан на основе дневниковых записей арестанта)

Глава 1 В «темнице»

Где-то снаружи возилась мышь. Узник ловил себя на мысли, что почти с нетерпением ожидает приближения полуночи, когда всё вокруг затихает и отчётливее становятся писк и царапанья зверька. Он давно уже пытался заманить грызуна к себе, привязывая к нитке кроху хлеба и проталкивая её в щель между дверью и полом. Лелея надежду на удачу, Вадим даже придумал ему имя – Чико.

На четвёртые сутки повезло наконец. Заключённый был на седьмом небе от счастья, бережно сжимая в кулаке тёплое пушистое тельце. Он поселил зверька во внутреннем кармане куртки, делясь с ним скудным тюремным пайком – кусочком хлеба и кружкой воды. Общение с Чико, самым родным в эти минуты существом, помогало Вадиму коротать время, которое, кажется, само было узником в этом странном жилище и лишь поневоле, вяло хныча, выполняло свой долг, потому что рядом поселили человека, срок которого должен непременно отсчитываться...

Сам карцер, которым пугают заключённого в любой тюрьме, просторнее и гуманнее «темницы»: в нём имеется лежанка, на которой разрешается отдыхать несколько часов в сутки. В

«темнице» же – явной фантазии местных тюремщиков – человека лишали и этого удовольствия: почти квадратный метр сырого и вонючего бетона. Раньше здесь была уборная. Заткнули дыру ветошью – готово жильё, гуляй, арестантская душа!

Из помещения, где располагаются надзиратели, доносится монотонное бормотание телевизора. Это ещё больше угнетает заключённого, подчеркивая его отверженность и оторванность от внешнего мира, от родного города, который начинается сразу же за порогом тюрьмы, но кажется теперь таким далёким и недоступным. Отбывающий срок с томительной страстностью ждёт наступления тех пяти-десяти минут, которые даются в этой страшной «тюрьме в тюрьме» три раза в сутки на выход, чтобы подышать в тюремном дворе воздухом, кажущимся по сравнению с «темничным» воздухом свободы.

Впервые в жизни Вадиму приходилось спать стоя, прислонившись к облезлой, изъеденной сыростью стене. Даже лечь калачиком было нельзя – вмиг отморозишь почки. Внутри тихой холодной волной двигалась какая-то непонятная дрожь – от пятки до макушки головы и обратно, заставляя время от времени содрогаться всем телом. В этом необычном, полудремотно-лихорадочном состоянии и сны снились необычные и странные. Один из них повторялся чуть ли не каждый день – двое, лиц которых во тьме не разобрать, выводят его из мрачного обиталища, ведут непонятно куда, в темноту, ещё более густую, чем внутри...

Узник открывал глаза, но сон, казалось, продолжался: кругом была другая, непроглядная и сырая тьма холодной «темницы».

Глава 2

«Не верь, не бойся, не проси»

На восьмые сутки дверь «темницы» отворилась с ржавым скрипом не в обычный, определённый для выхода час. Вадима перевели в общую камеру.

«Камера как камера – сырой бетон, холодное железо коек, колотун собачий, – писал в своём тюремном дневнике арестант (он завёл себе такую привычку невольно – записи помогали вернее разбираться в калейдоскопе новых ощущений и чувств в изоляторе временного содержания). – Спасает сравнение с Арктикой, где проходил службу в армии: «Арктика, ты проклята богами, твои снега из вечной мерзлоты...» От сознания того, что где-то на свете ещё хуже, кажется, становится теплее...

Настроение гадкое, кусачее. Самочувствие бодрое, жрать неохота. Решил есть только хлеб, «баланду» отдаю Эдику, по кличке Бамбук.

Эдик – тяжёлый случай!.. Это – сорокачетырёхлетний малый, выглядит на шестнадцать, а жрёт как мамонт. Мозги десятилетнего, хотя уже дедушка, имеет внука. Таких называют «умный дурак», сидит второй месяц, искренне не зная за что... Бамбук, одним словом, на всю жизнь. На орехи, не удивительно, таким достается больше всех. Они – «козлы отпущения», вечный предмет приколов. У них почти совершенно атрофирована способность переживать, не щепетильны они ни в чём, не имеют, так сказать, собственного жизненного кредо. Сами себя они не уважают, их едва хватает на то, чтобы жалеть себя. Глядя на Эдика, лишний раз убеждаешься в разумности принципа: «Не верь, не бойся, не проси».

Впрочем, таким, как Эдик, даже легче. Они не голодают даже тогда, когда другие в это время готовы из-за жратвы друг другу горло перегрызть. Правда, халяву потом приходится отрабатывать, оказывая «благодетелю», пожертвовавшему своей долей, различные услуги. И в этом они ничего зазорного не находят.

У Эдика маленькие, вороватые, вечно бегающие, словно ищущие, откуда угрожает опасность, глаза... А опасность в виде насмешек, издевательств, угроз и нередко побоев не заставляет таких себя ждать»...

– Эй, Бамбук, иди сюда! – подскочив и сев на кровати, нечеловечески рывкнул доселе не подававший признаков жизни Жора, прозванный на «зоне» Чёрным за смуглое лицо, цвета сажи волосы и брови. Видимо, давно уже он притворялся, что спит, подслушивая сокамерников. В Чёрном Вадим подозревал тюремного агента, «сетку», который должен был неофициально следить за настроением умов в камере, выведывая у сокамерников «сокровенное». Эдик безропотно подошёл.

– Сделай мне массаж!

Бамбук стал щипать заученными движениями Чёрному шею и спину.

– Ты что, падла, не ел с утра?! Жёстче давай!

Эдик старался как мог, вспотев от напряжения. Однако Чёрный неожиданно повернулся и въехал кулаком ему в лицо. Бамбук упал, распластавшись на полу.

– А ну встал!.. Или ты хочешь, чтобы я тебе череп размозжил!

– Оставь его в покое! – дописав что-то в блокнот, с негромкой внятностью произнёс Вадим.

Чёрный зло посмотрел на Вадима, подался всем корпусом вперёд, морща с неестественным напряжением лоб у переносицы и превращая своё мясистое лицо в маску агрессии.

– Следак, ты что нюх потерял?!

– Это легавому не положено нюх терять. Ты должен знать это, урод!

Застывшие морщины Чёрного расслабились, и что-то жалкое шевельнулось на его выпукло-низком лбу от недвусмысленного намёка Вадима.

Он подпрыгнул к койке Вадима, собираясь ударить его, но не успел замахнуться сжатой в кулак рукой, сам получив удар ногой по шее. На шум дверь камеры отворилась, и надзиратель крикнул с порога:

– Встать, смирно!

И хотя команда главным образом относилась к Вадиму, Эдик-Бамбук немедленно вытянулся во весь рост, опустив, как положено, руки по швам, но подбородка не поднял и стал очень похож на провинившегося ученика. Трое других – Гена, Слава и Арман – привстали.

– Вольно! – Вадим, к изумлению всех, «отменил» команду вертухая*. Камера замерла в ожидании дальнейшего развития событий.

– Ты не задавайся, «прокурорчик», небось судеб немало сломал, крови людской попить успел! За что залетел-то, жадность что ли сгубила?.. – надзиратель было двинулся в сторону арестанта, но был остановлен его презрительно-спокойным взглядом.

– Не угадал, – сказал Вадим, усмехнувшись.

– Не строй из себя праведника. Все вы, «законники», такие правильные, пока в угол не загонят.

Вадим прекрасно понимал, что после «темницы» ничего хорошего не предвидится и решил горячки не пороть. Но и в обиду давать себя было не в его правилах.

– Ладно, пасть закрой, у тебя изо рта воняет, – бросил он.

Вертухай понял, что не на того напал, и ушёл, пригрозив устроить Вадиму карцер.

Чёрный же злость свою стал вымещать на Бамбуке. За «неточное выполнение команды» и неопрятный внешний вид он отправил худющего и сопливого дедушку отбывать наказание в «карцер», придуманный ради забавы самими заключёнными – стоять босиком на параше** в углу камеры. Постоял Бамбук с полчаса на толчке – снята напряжённость: и овцы целы и волки сыты.

Глава 3 «Зарядка»

Утром, как водится в местах массового принуждения, – на зарядку. Формально – для поддержания бодрости тела и духа, реально – для подчеркивания коллективной зависимости подневольных.

Не обошлось без ЧП, тюрьма без них – не тюрьма. Старший по званию из надзора, известный в ИВС как «мастер спорта по боксу», вдобавок и «чемпион республики» – самодовольный молодчик и, скорее, самозванец, вывел из строя тщедушного мужичка, который не успел спрятать папиросу при его появлении. Перед выстроившимися в две шеренги зэками «боксёр», как на груше, отрепетировал на лице залётчика несколько коронных своих ударов, сопровождая каждый ругательскими назиданиями.

Вадиму претила нахальная рожа надзирателя. Антипатия была взаимной: этот коренастый, с пронизывающим взглядом арестант выделялся среди других, держался гордо и независимо. Тюремщик был убеждён, что такого непременно нужно сломать. Однажды, насмешливо-зло прищурившись, «боксёр» предложил Вадиму спарринг, наверняка рассчитывая на отказ. Получив в ответ: «С удовольствием», – замялся... «Милая» улыбка спарринг-партнера вызвала у «чемпиона» нервный тик.

– Готовься! – как-то неуверенно процедив сквозь зубы, он удалился. И, кажется, о своём вызове вовсе позабыл – видимо, умные люди отсоветовали связываться.

«А жаль, – думал Вадим, вспоминая сотрясаемого ударами безропотного, хилого

залётчика. – На него ушло бы не более минуты... Надо как-нибудь напомнить ему, что нельзя ударять человека во второй раз, тем более гораздо старшего по возрасту, если тот не отвечает и даже не думает об этом... Впрочем, таким неведомо чувство благородства – даже выслушать не захочет».

Для себя Вадим уже выработал своеобразную тактику выживания, а вернее, систему, которая позволяла сохранить человеческое достоинство в самых нечеловеческих условиях. Ещё в годы службы в армейском спецподразделении инструкторы учили, как не растеряться, вытерпеть, преодолеть самого себя в тех или иных экстремальных ситуациях. К примеру, чтобы не бояться боли, нужно было концентрировать внимание на яркости ощущения боли, стремиться к увеличению её до пределов, где она не воспринимается – желание большей боли способно растворить в себе непосредственно причиняемую боль. Блокиатором боли могло стать также искусственное возбуждение эмоций – ярости, ненависти к обидчику. Гораздо сложнее было «превращение» себя методами медитации в инородное, более прочное, чем человеческий материал тело: камень, железо...

Вадим каждую минуту работал над собой, готовясь к новым испытаниям. Это помогло ему вытерпеть «темницу», в которую поместили его после трёхнедельных безуспешных попыток выбить «признания».

Глава 4

Коллеги

В полдень снова вызвали на допрос. В другой ситуации они по-свойски поздоровались бы: ещё месяц назад эти двое были его коллегами, приятелями, нередко обращались за советом, поддержкой...

Удивительно, до чего податлив человеческий материал: как пластилиновых, обстоятельства и условия жизни лепят по-своему большинство людей!.. Следователей словно подменили: несмотря на внешнюю учтивость, они были самоуверенны, видимо, не в шутку считая себя «право имеющими». А допрашиваемый, сам бывший следователь военной прокуратуры, теперь был для них всего лишь подследственным. И не важно, за что пришили ему дело: маховое колесо «правосудия» уже закрутилось...

Один из следователей даже попробовал почитать что-то вроде нравоучения.

«Сегодня ты на коне, а завтра конь на тебе», – неожиданно зло подумал арестант.

Вадим отвечал своим бывшим коллегам неохотно и односложно, давая понять, что «раскручивать» его – занятие бесполезное.

«А как бы они повели себя здесь, в камере?» – Вадим невольно улыбнулся, вспомнив рассказываемый в ИВС как анекдот случай с бывшим районным судьёй. Чтобы попасть в санчасть и скостить там часть срока, горе-судья задумал перерезать себе вены. И почти решился на «самоубийство», попросив одного из сокамерников колотить в нужный момент что есть силы в дверь, чтобы прибежал вертухай. Но, видимо, побоявшись, что сообщник подведёт или тюремщик опоздает, а он изойдёт кровью, оставил свою затею.

«Как ни крути, – думал допрашиваемый, почти не слушая следователей, – свобода – категория внутренняя: можно быть рабом в душе, занимая высокий пост и обладая почти неограниченными полномочиями, и можно оставаться свободным в душе, даже находясь за решёткой...

Сразу же после допроса отправили в карцер – угрозы надзирателя осуществились.

«Здравствуй, карцер, не дам я тебе соскучиться по мне!» – переступая порог одиночки, Вадим удивлялся своему спокойствию и какой-то апатичной готовности ко всему.

После «темницы» ночь в карцере прошла как-то легко и незаметно.

Глава 5

Без проблеска надежды

Наутро ожидал новый сюрприз – перевели в «камеру смертников».

По сравнению с карцером, это номер «люкс»: койка, матрас с одеялом, решётчатый квадрат под потолком с видом на городскую улицу. Давит лишь одно – сама атмосфера, дух камеры, скорее, искусственно нагнетаемый для постоянного держания заключённого в напряжении. Всё время мозг сверлит, пусть, быть может, и ложная мысль: «Для скольких

несчастных эта камера стала последним пристанищем в жизни?..»

Тяжелее всего давалось время с десяти вечера до часу ночи, когда думы о беременной жене и больной матери, от которой поначалу всячески старались скрыть арест сына, мучали сильнее, становясь почти невыносимыми.

Вновь стал преследовать сон, который снился в «темнице»: двое без лиц вели его куда-то в непроглядную тьму, в неизвестность. Будущее расплывалось в этой тьме.

В дневнике нервно и неровно выстраивались строки: «Странно, почти у всех так мало надежд на будущее. Всё сводится к механическому счёту месяцев и годов, сменяющих друг друга. Свеча жизни сгорает, не давая света и тепла. Будущее мрачно, представляется нищим, убогим, ужасным. Где-то там, снаружи, всё будет идти своим чередом, будут происходить события, решаться мировые и личные проблемы. Здесь же, в этой затхлой среде, нет и проблеска надежды на лучшее. Одно я понял точно: существует Счёт, который непременно должен оплачиваться. Кто-то будет платить по этому Счёту, а некто при этом будет вбивать что-то ему в голову...»

Допросов и заумных бесед больше не было: заключённого решили расколоть самым древним и примитивным способом. Били остервенело, четверо в масках, резиновыми дубинками. Били куда попало: по голове, лицу, бокам, спине, животу... Этим людям казалось, что доказать наличие того, чего на самом деле не было, легче, чем признать отсутствие такового.

«Неужели нет выхода?.. Не бывает такого, ведь существует же Бог?! – мучился Вадим. – Боже, упаси меня от греха возненавидеть тебя, как ненавидишь Ты меня в эту минуту!..»

Глава 6 Страсти вокруг оружия

Пребывающий сейчас в неволе в бытность следователем военной прокуратуры в основном занимался преступлениями, связанными с оружием.

Пару месяцев назад, в застывший в августовском зное день, изредка волнуемый накатывающимся с окрестных гор ленивым ветерком, он вёл допрос в своём небольшом, по-военному необустроенном кабинете. Напротив сидел молодой человек с безразличным тусклым взглядом, выражением полнейшего равнодушия на широком щербатом лице, окаймлённом жидкой бородкой. Он умудрялся вывозить небольшими партиями оружие из воюющей республики. Он – кандидат в депутаты парламента (!) и гнуснейший, в понимании Вадима, из преступивших закон и нравственные принципы. Разумеется, за ним стояли люди, группа людей, заинтересованных в грязном бизнесе. Вадим почти уже знал, куда выведет его раскручивание клубка, кончик нити которого он держал в руках.

Вывозилось в основном трофейное оружие, которое тщательно чистилось и подкрашивалось. Механизм преступного бизнеса был чётко налажен и действовал без сбоев. Невзрачный на вид грузовичок беспрепятственно провозил оружие через таможеню (там был свой человек). В условленном месте на территории соседней республики ждали специальные люди, которые, принимая и реализовывая «товар», получали свою долю.

Война, не скрывая того, творила не только героев, но и антигероев. Таких паразитов было немного, но вред, наносимый ими истекающей кровью республике, был огромен.

Вадим не жалел себя, твёрдо намереваясь раскрутить дело на всю катушку. Суровое наказание должно было навсегда отбить охоту подобным любителям грязной наживы. При этом его не пугала перспектива наступить на чью-то «авторитетную» ногу, впасть в немилость тех, кого война и определённое стечение обстоятельств практически поставили над законом.

Сам преступник явно не боялся его. Не чувствовалось и тени раскаяния – он был развязан и нагл:

– Не трать энергии понапрасну, господин следователь. Не по зубам тебе орешек... – сверкнувший злобный огонёк на миг прорвал безжизненную тусклость его глаз.

Вадима так и подмывало врезать со всей силы в циничную рожу «продавца» Родины.

– Расколом, не таких кололи! – стараясь быть спокойным, ответил он...

Глава 7 В поисках истины

Вадим отпустил подследственного до следующего, финального, как он предполагал,

допроса и положил бумаги в сейф. Откинувшись на спинку потёртого чуть ли не до дыр кресла, он, устало прикрыв глаза, думал с негодованием: «Мыслимо ли – торгующий родиной кандидат в депутаты?! Как только жизнь, вбирая в себя столь много противоречий и контрастов, не запутывается сама в себе? Благородство и великодушие соседствуют с низостью и подлостью, беззаветная храбрость и самоотверженность уживаются со шкурничеством и малодушием... Этот урод делал деньги на крови своих соотечественников, обезоруживая их перед противником, мощь которого растёт с каждым днём. Он исподволь продавал родную землю – таким нет пощады!..»

Вадим, которому едва исполнилось двадцать семь, был полон сил и честолюбия, и не случайно принципом своей работы избрал – «Закон! Невзирая на лица». От буквы закона он действительно старался не отступать, но время было необычное, военное: реалии требовали совершенно нестандартных подходов к тем или иным ситуациям.

Контингент, с которым следователь имел дело, был специфичен. В молодой республике, вынужденной защищаться, ходило много оружия, в том числе незарегистрированного. Вооружённый человек опасен и непредсказуем, а когда в силу обстоятельств он теряет контроль над собой и чувство меры, становится опасен вдвойне.

Нередко в адрес работников прокуратуры поступали угрозы – большей частью анонимные, но однозначные и категоричные по сути своей – «в расход». Приходилось быть крайне бдительным, действовать на опережение. Не случайно сама прокуратура походила на небольшое мобильное воинское подразделение, составленное в основном из опытных бойцов.

Самому Вадиму боевитости и находчивости было не занимать. Увлечение спортом, каждодневные тренировки воспитали в нём самообладание, не изменявшее в самых сложных ситуациях. Он привык решать различные жизненные проблемы, надеясь почти исключительно на себя, старался быть предельно объективным, независимым и самостоятельным.

В то же время жизнь заставляла быть реалистом. Работа в экстремальных условиях очень скоро сняла с глаз пелену юношеских лет, в розовом цвете которой правосудие представлялось исключительно справедливым, независимым от общественно-политической конъюнктуры, давления и вмешательства извне – оно вынуждено было считаться с определёнными реалиями, а нередко и уступать им. Порой размывалась черта между законом и чьей-то волей.

Помимо писаных законов, в жизни были и сотни неписаных правил и норм поведения. Всё в жизни перемешивалось и переплеталось, накладывалось одно на другое, объединялось, образуя где-то на время мощь и силу, и, наоборот, боролось и сталкивалось, расширялось, разрушаясь, разделяясь, расщепляясь, растворяясь, превращаясь в ничто или почти в ничто. То, что вчера казалось незыблемым, сегодня считалось малозначительным, смешным, устаревшим. Согласно этим неписаным законам миропорядка, одни погибали на фронте, другие делались генералами, одни нищали, другие становились хозяевами жизни. Победителем же часто оказывался тот, кто был циничнее, наглее и хитрее других... Всё это было пошло и несправедливо. В пароксизме отчаяния такие принципиальные и сильные духом человеческие индивидуумы, как Вадим, пытались найти, постичь истину в этом море беспорядочного неуёмного и алогичного движения.

Но истина была вне этой суеты, выше неё...

Глава 8

Подлог

В тюрьме у Вадима уже было достаточно времени, чтобы попытаться понять, каким образом зелёные купюры оказались в папке с документами в его сейфе и почему, оперативно отреагировав на анонимный звонок, бывшие коллеги даже не захотели как следует выслушать его. Всё дело в сумме: подумать только – 400 долларов! Таких денег он в жизни в руках не держал. В бюджете самой прокуратуры столько не наберётся!

Зарплата его, неплохая по меркам военного времени, едва равнялась 10 долларам, и чтобы накопить такую сумму, которая оказалась в сейфе, потребовалось бы по меньшей мере три с половиной-четыре года, да и то если на всё это время положить зубы на полку.

Как же всё-таки валюта оказалась в сейфе? Вадим вёл расследование собственного случая – за «того парня», который должен был сделать это, прежде чем отправить его за решётку.

Версию о том, что в его отсутствие кто-то чужой мог проникнуть в кабинет и открыть сейф некой универсальной отмычкой, он отверг – прокуратура круглосуточно и хорошо охранялась. «Может, подкупили кого-то из своих?.. Вряд ли...» – гадал Вадим.

Внезапная догадка отозвалась болью в области сердца. «Как можно было так

опростоволоситься – с этим гадом нужно было быть всегда начеку!..» Да, деньги, улучив момент, подложили во время допроса. И сделал это шербатый: у него и его друзей такая сумма, без сомнения, водилась. Просто нужно было отвлечь «не в меру» энергичного следователя от дела и вывести его, хотя бы на время, из игры.

Не подозревая того, Вадим собственноручно положил себе в сейф «компромат», притаившийся в толстой папке среди рабочих бумаг на столе.

И нашлись же горе-коллеги, которые клюнули на это и с энергией, достойной лучшего применения, взялись, не мудрствуя лукаво, доказывать наличие несуществующей «взятки».

Эпилог

Бог, к которому узник взывал в минуты отчаяния, существовал и видел всё, что творилось под ним. И в происходящем меньше всего была Его вина: внизу, на земле, человечество было заражено вирусом зла, алчности и недоверия. Человек жить не мог, не умел без того, чтобы доказывать «ближнему» своему что-либо силой, добиваться чего-то ложью и обманом.

Не замечая трагедии отдельного, конкретного человека, человечество в целом не хотело остановиться, одуматься, признать фальшивость и призрачность выбранных ориентиров и целей, осознать своё истинное предназначение и возвратиться к Богу.

Бог видел всё это и всячески внушал людям, что реальность, когда его, Божья истина предстанет во всей своей наготе и величии, наступит непременно – у каждого в своё время. И что выдержавшего натиск времени, претерпевшего и не растерявшего попусту себя в суете жизни и времени, ожидает достойное вознаграждение...

Подходил к концу шестой месяц пребывания в изоляторе временного содержания. «Признания» о получении взятки не было: следователи давно уже оставили Вадима в покое, тюремщики прониклись к нему уважением, помогали кто-чем мог, предлагая горячий чай, сигареты.

Несмотря на небывало суровую зиму, весна 95-го пришла в город по календарю. Паводком разлилась по улицам, прежде цвета «хаки», совсем по-мирному разноцветная толпа (война, кажется, шла на убыль, а фронт удалялся от города). Расцвели в улыбке лица людей, после страданий в полутьме сырых подвалов наконец увидевших свет Божий, вдохнувших полной грудью.

Вадим наблюдал всё это через решётчатый квадрат и радовался безотчётно за «ближних своих» – этих искусственно отдалённых от него людей. Всё было как многие годы назад, как в мечте, мечте о мире. «Счастье – это, наверное, жить там, где никогда не бывает войн», – думал он...

Всему на земле предопределён свой срок. Исчерпал себя и срок, который определили сами люди себе же подобному, чтобы доказать что-то ему и самим же себе.

Покидая своё мрачное обиталище, Вадим улыбнулся, сам не зная чему. Кругом было светло, тепло, просторно, шумно. Всё дышало настоящей жизнью и, казалось, было наполнено особым смыслом. С непривычки кружилась голова...

Примечания:

Вертухай* – на криминальном жаргоне – надзиратель, караульный.

Параша** – на криминальном жаргоне – сосуд для испражнений в тюремной камере, подсоединённый к канализации, туалет. Параша в тюрьме считается символическим местом. Около параша располагаются шконки опущенных.

1999 год

Изгой

Роман как-то не вписался в небольшой солдатский коллектив, сложившийся в ходе боевого дежурства резервистов в горах. Ребята на посту были опытные, натерелые в военном деле. Многие из них имели по несколько ранений на фронтах войны, которая ещё пару лет назад полыхала вовсю. Они гордились своими шрамами и часто рассказывали о собственных подвигах. Рассказывали хладнокровно, будто не придавая им особого значения. Роман же всю войну находился в России, а вернувшись месяц назад на родину, был призван вместе с другими военнообязанными на трёхмесячные сборы. И суровый солдатский быт с тысячью своих неписанных законов оказался явно не для него.

Роман совсем растерялся: ему претили вяжущая на вкус, однообразная солдатская похлёбка, сырость блиндажа и дымящая печка. Нещадно кололись грубые, сколоченные из наспех очищенных стволов молодых деревьев и ветвей нары, высланные сухой листвой, кусали насекомые. Но главным неудобством был тяжёлый ручной пулемёт, который вместо автомата почему-то вручили именно ему. Он не только не умел с ним обращаться, но и не знал, таскать ли его всё время с собой или спрятать где-нибудь. «А вдруг потеряется...» – Романа пробирав ужас от этой мысли. То и дело натыкался он на осуждающие взгляды сослуживцев и слышал брошенные ему вслед обидные слова, лучшими из которых были «маменькин сынок».

Чтобы получить досрочное освобождение от сборов, Роман пошёл на хитрость: решил не снимать ботинок и не мыть ног до тех пор, пока они не покроются чирьями. Однако, вопреки ожиданиям, результат не произвёл впечатления на выдавших виды сослуживцев и не вызвал у них жалости. Наоборот, разоблачённого Романа совсем «зачморили», загрузили всяческой работой, переложив каждый часть своих обязанностей на него. Он должен был в день три-четыре раза таскать воду из родника, находящегося глубоко в ущелье, убирать блиндаж и территорию вокруг него, вырезывать квадратиками дёрн сапёрной лопатой для укрепления земляной крыши блиндажа, вычерпывать золу из печки, убирать со стола и мыть посуду... В общем, выполнять самую непочётную, чёрную, но необходимую в солдатском быту работу. За это сослуживцы прозвали его Мамой, и это святое для каждого в отдельности слово звучало в отношении Романа кощунственно, некрасиво, с нескрываемой издёвкой.

Перед отбоем Роман садился дежурить у печки. Он должен был поддерживать огонь, периодически бросая в железный зев впрок расколотые им же дрова, и рассказывать засыпающим сослуживцам анекдоты до тех пор, пока они не заснут.

Роман давно уже исчерпал запас анекдотов и, чтобы не повторяться, каждый раз выдумывал что-то от себя. Тайно надеясь возвыситься в глазах сослуживцев, рассказывал небылицы о своих похождениях в России, в которых он выступал крутым и дошлым парнем. Он кормил ребят мнимыми своими авантюрами на «гражданке» в отместку за их геройства на войне, рассказы о которых Роман всегда слушал со скрытой завистью. Бывалые вояки относились к байкам Романа, особенно к его успехам у слабого пола, весьма иронично, но слушали от нечего делать, изредка грубо прерывая, когда тот особенно зарывался в своих фантазиях.

– У тебя гарем что ли был, негодяй? Каждый раз новое имя... – уже засыпая, вяло бросил Вардан.

– Да этот новоявленный Дон Жуан наверняка в жизни к женщине не прикасался, – тоном, не допускающим сомнений, возражал Лёва. – Ты не выпендривайся, а следи за огнём. Замёрзну – не сдобровать тебе!

Если Роман засыпал невзначай и печка остывала, то на него сыпались не только брань и проклятия – летели ботинки, каска и другая нехитрая солдатская утварь. У него всегда были красные глаза и опухшие от бессонницы, а вернее, от недостатка и жажды сна веки. Он худел день ото дня, постоянно снедаемый чувством голода, хотя, давно уже переборов отвращение, ел больше всех – в обед ему оставляли чуть ли не полкотла овсяной или гороховой похлёбки.

– Да у него совсем нет аппетита! – иронизировали ребята, наблюдая, как Роман с жадностью поглощает то, что другие едва осиливали с полмиски.

Когда все засыпали, Роман тихо колупал корочку от чёрствых батонов, выдаваемых блиндажу вперёд на целую неделю, клал в рот и перед тем как проглотить долго смаковал эти крошки. Он старался не чмокать, прекрасно зная, что товарищи не простят ему тайного его чревоугодия.

К утру Роману разрешалось соснуть на пару часов. Свернувшись калачиком, он засыпал в углу блиндажа, который, несмотря на крайнюю тесноту, никто не занимал – кто-то брезговал, а кто-то считал ниже своего достоинства ложиться там, где спит изгой. Роман тотчас проваливался

в сон, и ему не снилось ничего: ни дом, ни мать, ни девушка, которая, быть может, была у него. А если нечаянно и приснится что-нибудь, то всё тот же повседневный кошмар: натыкающиеся друг на друга в темноте тесного блиндажа солдаты, их злые лица и ругань, дымящая печка и вечно не хватающий хлеб. Сон и явь у него слились в одно...

Едва брезжил рассвет, Романа будил часовой, и он, полусонный, привязывал к себе на спину и грудь фляги и термосы, брал в руки два больших бидона и спускался в ущелье к роднику. Шёл босой – ребята запретили ему надевать ботинки, уверяя, что утренняя роса лечит от грибков. Возвращался весь в царапинах и ушибах от колючих кустарников и острых камней. Он наполнял котлы водой для приготовления завтрака и чая, разжигал огонь и, если время позволяло, дремал прямо у костра.

Но однажды Роман опоздал. В горах уже рассвело. Обещая жаркий день, летнее солнце всё выше поднималось над убогими блиндажами, из которых уже вышел последний солдат. А Мамы всё не было...

Ребята молча курили, но чувствовалось, что терпению их приходит конец. Напряжённую тишину наконец нарушил Гагик, зло процедив сквозь зубы:

– Дрыхнет, наверное, где-нибудь под кустом. Вернётся – тут же отправлю без завтрака обратно.

И снова зловещее молчание...

– А может, в заложники взяли? – пошутил Самвел, желая как-то разрядить обстановку.

– От такого всего можно ожидать: глядишь, сам добровольно к врагу переметнётся, – мрачно произнёс всегда весёлый Левон, и никто не понял, шутит он или говорит серьёзно.

Наконец Джон – самый старший в группе – бросил сигарету и, окинув всех быстрым взглядом, сказал:

– Надо сходить за ним...

Давид и Гагик молча взяли автоматы – перемирие перемирием, а возможность диверсионных вылазок из вражеского стана не исключалась. Старательно переставляя ноги, чтобы не поскользнуться в росистой траве, они медленно спускались по крутому склону к роднику, осматривая каждый куст.

– Куда он мог запропасться, не испарился же?! – не выдержал Давид.

– Сквозь землю что ли провалился?! – в лад ему произнёс Гагик.

Наконец в кустах что-то заблестело.

– Дурак, бросил флягу и дал дёру, – в невольном восклицании Гагика сквозило удивление.

– А может, сорвался?.. Он должен быть где-нибудь поблизости, – возразил Давид.

Ребята всё больше углублялись в ущелье. Под кустом шиповника они нашли вторую флягу и термос. А откуда-то из ближайшей поросли послышался тяжёлый храп.

Ребята приблизились. Роман лежал, распластавшись на росистой траве и широко раскинув руки, словно хотел обнять ясное, без единого облачка небо. Печать какого-то неземного блаженства лежала на его чёрном от гари лице.

– Сволочь, дрыхнет тут, а там ребята от жажды умирают, – Гагик собирался пнуть спящего Романа, но Давид неожиданно удержал его.

– Пусть поспит, а мы пока покурим...

Гагик нехотя подчинился.

Они сели поодаль и закурили, стараясь не смотреть в сторону Романа, будто там происходило нечто неприличное...

Солнце медленно спускалось в ущелье, наполняя его светом и теплом. Ласковый луч на миг остановился на прокопчённом лице Романа, и тот улыбнулся. Что-то необычное снилось ему...

2002 год

«Орёл»

Война была в самом разгаре. Каждый день с фронта приходили вести о погибших и раненых. Особую категорию жертв составляли пленные – тоже непременный атрибут всякой войны. Многие солдаты предпочитали плену смерть, потому что плен ассоциировался с той же смертью, но позорной и мучительной, растянутой во времени. И всё же, попавшие в плен верили в чудо, продолжая надеяться, что на Родине сделают всё, чтобы выцарапать их у Смерти.

С карабахской стороны пленными занимался майор Костянян. Тяжёлая и крайне сложная работа, которую он выполнял уже третий военный год, укладывалась во внешне нехитрую схему: нужно было на основе официальных и неофициальных данных установить местонахождение пленного, выйти на контакт с лицами, занимающимися аналогичной работой с противоположной стороны, договориться с ними об обмене, обговорить условия последнего... Кто мог догадаться, что после каждого обмена живого человека или трупа у Костяняна на голове прибавлялось седых волос, появлялось какое-то непонятное чувство опустошённости, от которого не сразу приходил в себя?

Костянян родился и вырос в Баку, имел по ту сторону баррикады множество знакомых, а потому искал пленных как по официальным, так и личным каналам. Он выходил на контакты с людьми самого различного склада ума и характера, социального и общественного положения. Звонил, просил, убеждал. Многие обещали помочь и помогали. Любопытно, что, несмотря на продолжающуюся войну, поддерживали связь и бывшие пленные, добровольно предлагая свои услуги по поиску без вести пропавших. Костянян даже не задавался вопросом, почему все эти люди должны помогать ему – ведь встретиться на узкой тропе войны их сын или брат с карабахским солдатом, оба, не колеблясь, поспешили бы первыми спустить курки...

Костянян вёл свой старенький «Москвич» по улицам полупустынного военного города, мимо повреждённых от авианалётов и артобстрелов зданий, зияющих то здесь, то там пустыми глазницами окон. Его мысли были заняты Назилёй. Она была взята в плен во время боёв в Физулинском направлении. Девушка растерялась в общей суматохе, отстала от убегающих в панике родных. Солдаты нашли её в хлеву в полуобморочном состоянии.

Впрочем, называть Назилёю «пленницей» было бы несправедливо. Её, как и многих других азербайджанских женщин, стариков и детей, оставленных своими на произвол судьбы, карабахские солдаты практически вывели из зоны боёв, спасли им жизнь. С ведома властей девушка-азербайджанка содержалась дома у одного из командиров – тот рассчитывал обменять её на своего солдата, пропавшего без вести. Она была как член семьи, кушала с домочадцами за одним столом, вместе со всеми спасалась в подвале от артобстрелов и бомбёжек, которыми почти каждый день потчевали город её соплеменники. Костянян помог Назиле наладить переписку с родственниками в Баку. Недели две назад он сам позвонил им, попросил поискать человека для обмена.

Несмотря на войну, почти ежечасные обстрелы и бомбёжки, несущие смерть и разрушение, жизнь в городе продолжалась. Оплакивая потери, люди не забывали и о праздниках – они были отдушиной, позволяли хотя бы на миг забыть о нависшей над городом опасности.

Майор Костянян делал вид, что слушает тост, но на самом деле мысли его были далеко, по ту сторону линии фронта. Сосед по столу – военный фельдшер Борис – то и дело толкал его локтем, когда поспевало время чокаться. «Дорогая Нана, сегодня тебе исполнилось 16! Теперь ты уже взрослая девушка...» – в который уже раз в качестве своеобразной увертюры повторял эту или похожую фразу кто-то из опьяневших гостей, чтобы затем не без театральности попытаться сказать что-то своё. Костянян вдруг подумал, что и Назиле совсем недавно исполнилось 16. Он представил, как в день рождения её родня, вместо того, чтобы радоваться, поздравлять и дарить подарки, обливалась горькими слезами...

Когда вставали из-за стола, Костянян, заметив, что Бориса качнуло, решил подвезти его домой. Тот в свою очередь настоял на том, чтобы подняться к нему на чай.

– Только мне надо будет срочно позвонить. Телефон работает?

–Конечно, звони, сколько душе угодно.

Поднимаясь на четвёртый этаж, Костянян шутливо упрекал повисшего у него на плече Бориса в том, что тот поселился столь высоко.

– Орлы любят высоту! – парировал Борис.

Пока хозяйка готовила чай, Костянян снял трубку и набрал номер.

– Карен, здорово! Как там наша гостья?... Можно с ней переговорить?

После небольшой паузы Костянян заговорил на азербайджанском:

– Салам! Бакидан не хабар?..

Он справлялся у Назили о здоровье, спрашивал, не получала ли она нового письма от родных, нет ли вестей относительно кандидатуры для обмена. Костанян не сразу заметил, что хозяин дома стал мрачнее тучи. Когда он положил трубку, Борис снял очки, аж запотевшие от злости, протёр их нервным движением и негодуяюще произнёс:

– Слушай, какое ты имел право говорить из моего дома на азербайджанском?

Костанян, которому в его 36 лет не раз приходилось попадать в самые щекотливые ситуации и выпутываться из них, на этот раз казался растерянным:

– Ты же знаешь, чем я занимаюсь... Я же не просто так позвонил. Мы поддерживаем связь с азербайджанцами, чтобы обменивать людей.

– Это меня не волнует. Ты осквернил мой дом!

– Мы же пытаемся обменять эту девушку на нашего солдата!

– В любом случае, ты не имел права говорить в моём доме на языке врага. Я патриот и не потерплю этого!

– Вот не ожидал от тебя... Ты же медик, где твой гуманизм?

– Ладно, хватит философствовать! Я знаю одно – эти люди, на языке которых ты только что говорил, убивают наших парней.

– Но ведь завтра и ты ко мне придёшь, если, не дай Бог, с родными что-нибудь случится... Вот тогда посмотрим, кто из нас философ.

– К тебе уж точно не приду... Не дождёшься!

Костанян вышел, не заметил, как спустился с четвёртого этажа, завёл мотор и погнал машину по улицам военного города. Потрёпанный «Москвич» сильно раскачивало на многочисленных колдобинах, образовавшихся в результате артобстрелов. Машина ревела, скрежетала и лязгала старым железом, будто жаловалась на хозяина. Однако, не обращая на это внимания, Костанян жал на газ, словно хотел как можно скорее удалиться от дома, где минуту назад столкнулся с откровенным невежеством.

Прошёл месяц. Однажды январским морозным утром к Костаняну в кабинет пришла заплаканная женщина. Не сразу он узнал в ней родную сестру Бориса – она как-то осунулась, будто разом постарела. На фронте пропал их племянник...

Майор снял трубку и стал набирать номер...

Война продолжалась и в наступившем 1994 году. С фронта шли вести о новых раненых и убитых. Были, конечно, и пленные. Костанян по-прежнему занимался их судьбой.

А однажды во время очередного обмена с азербайджанской стороны к нему подошёл смуглый усатый мужчина. Он обнял Костаняна и поцеловал три раза.

– Это – за Самаю! Это – за Роксану! А это – за Назилу! – после каждого поцелуя он называл новое имя.

– Ты помог моим сёстрам заново родиться!..

2004 год

Прощание

Обнявшись, они стояли на лестничной площадке между вторым и третьим этажами детской больницы – мужчина в годах, одетый в робу синего цвета, и молодой человек лет 25-ти в афганке и с автоматом на плече. Мужчина плакал, не стесняясь своих слёз. Проходившие же мимо медработники реагировали на происходящее по-разному: кто-то сам смахивал слезу или сочувственно улыбался, кто-то, наоборот, бросал немой осуждающий взгляд на военного или же проклинал его, не стесняясь в выражениях...

Это были пленный и его охранник – азербайджанец и армянин. Мужчину звали Аваз. Ему было за 50. В плен попал как-то глупо. Ездил на свадьбу в далёкое прифронтовое село. Погуляли на славу. Тосты и вино лились рекой до поздней ночи. Хозяин настойчиво просил Аваза остаться переночевать. Он решительно отказался: «Дел невпроворот. Надо успеть». На обратном пути машину остановили военные, спросили что-то... на армянском языке. Поначалу Аваз подумал, что разыгрывают.

– А где наши? – наивно спросил он, поняв, что это не шутка.

– Ты что с луны свалился? – рассмеялся крупный бородач в камуфляже. – Ваши там, за горой, а здесь наши... И как это ты минное поле проскочил?

Теперь всё было ясно – перебравший на свадьбе Аваз вёл машину не в том направлении...

Пленных содержали в городской детской больнице. Как человека опытного и выдержанного, Аваза поставили старшим над другими пленниками – в основном желторотыми юнцами, взятыми на поле боя. С Авазом все считались, он улаживал споры, давал советы, следил за порядком и чистотой в комнатах. Сам Аваз брился каждый день, всегда был свеж и опрятен. Единственный из группы он хорошо изъяснялся на русском и являлся своеобразным переводчиком между пленными и охраной.

Однажды у Аваза приболела нога. Он долго колебался, прежде чем решился попросить нового охранника, Левона, освободить его от дневного построения. Тот молча кивнул и повернулся идти, но пленник заковылял за ним, словно не надеясь, что его просьбу удовлетворят.

– Иди отдыхать, сегодня тебя никто не тронет, – сказал Левон.

– Спасибо, гардаш!* Век не забуду твоего великодушия.

После построения Левон, который был беженцем из Сумгаита, разговорился с пленным на его родном языке. Тот охотно рассказывал о своей жизни. Аваз был водителем-дальнобойщиком, много ездил и общался с людьми.

– Война не спрашивает фамилий и национальностей, разводя людей по разные стороны баррикады. Зачем нам Карабах? Зачем лить кровь и убивать друг друга из-за клочка земли? – говорил он.

Левон чувствовал искренность в словах пленника и всё больше проникался к нему симпатией и уважением.

«Такие как он прятали у себя армян во время погромов в Сумгаите», – невольно подумал охранник.

В очередное дежурство Левон принёс Авазу огромный гранат со своего приусадебного участка. С минуту пленник задумчиво держал в руках потрескавшийся перезревший плод, видимо, вспоминая что-то своё.

– Извини, я унёсся мыслями домой. У меня там роскошный сад, выращивал хурму и гранаты. Они такие же породистые, как этот... – умиротворенно говорил он.

По окончании смены Левон позвал Аваза и протянул ему свёрток.

– Переодевайся. Дело есть...

Вышли из здания больницы.

– Иди рядом, по сторонам не оглядывайся. Если патрульные остановят, молчи, я буду говорить за тебя.

Долго шли по полупустынному вечернему военному городу, пока не дошли до непритязательного домика на окраине.

– Вот здесь и живу, – Левон открыл калитку. – Проходи, не стесняйся.

Аваз неловко, боком вошёл во двор.

– Жена, принимай гостя! – весело крикнул Левон в прихожую.

Зарезали курицу, принесли с огорода свежие помидоры, огурцы. Хозяйка быстро накрыла на стол. Поначалу Аваз не решался подойти к яствам – думал, что ему накроют отдельно, где-то в уголочке.

– Гардаш, не стесняйся, устраивайся поудобнее и, вообще, чувствуй себя как дома, – произнесла жена Левона на азербайджанском.

За ужином разговорились. Аваз быстро освоился, смеялся, шутил. Так он веселился впервые за время после злополучной свадьбы.

В один прекрасный день, а вернее, прекрасное утро во двор больницы въехала машина Красного Креста.

– Собирайся, – сухо сказал высокий подтянутый мужчина в штатском, сопровождавший сотрудника Красного Креста. – Домой едешь.

Лицо Аваза не выражало каких-либо эмоций.

– Вызовите Левона, я хочу попрощаться с ним, – попросил он дежурившего охранника.

– Где мы его тебе найдем? Он только завтра заступает на смену, – равнодушно ответил тот.

Аваз настаивал:

– Не пойду, пока с Левоном не попрощаюсь.

Ждали уже полчаса. Высокий мужчина начал сердиться.

– Смотри, другого возьмём, нам всё равно, – пригрозил он.

– Без Левона никуда не пойду, – пленник был непоколебим...

Левона он узнал по шагам и побежал вниз навстречу...

Обнявшись, они стояли на лестничной площадке между вторым и третьим этажами детской больницы – мужчина в годах, одетый в робу синего цвета, и молодой человек лет 25-ти в афганке и с автоматом на плече. Мужчина плакал, не стесняясь своих слёз. Проходившие же мимо медработники реагировали на происходящее по-разному: кто-то плакал сам или сочувственно улыбался, кто-то, наоборот, бросал немой осуждающий взгляд на военного или же проклинал его, не стесняясь в выражениях...

Примечание:

Гардаш* – в переводе с азербайджанского означает брат

2004 г.

Дед Мороз

(Исповедь в канун Нового года)

– Папа, расскажи, как ты был солдатом, – буквально за час до наступления Нового года просит, требует рассказать на сон грядущий трёхгодовалый сынишка.

– Когда на нас напали... – я хочу сказать «турки» (так мы почему-то называем азербайджанцев), но останавливаюсь, – я взял автомат и пошёл защищать нашу землю. Вот так я и стал солдатом...

– А зачем ты пошёл защищать нашу землю?

– Чтобы ты родился, сынок, – говорю я после некоторой паузы.

Ребёнок слушает, затаив дыхание. Постепенно, входя в роль сказочника, начинаю рассказывать ему про боевые действия: как мы стреляли в «них», а они – в «нас»... и вдруг чувствую какой-то стыд. Попробуй объясни ребёнку, что мы стреляли друг в друга для того, чтобы... убивать. Убивать, чтобы... родился и жил он... Такие, как он, которым жизнь пока рисуется интересной, безобидной сказкой со счастливым финалом. Я замолчал.

– Папа...

– ...

– Папа, почему ты «теряешься»?

– ...

Я не оспариваю справедливость этих слов малыша: «папа часто теряется». Ведь малыш, наверное, хочет сказать, что отец порой так отдаётся своим думам, «уходит в себя», иногда даже прямо посреди оживлённой улицы, что «не достучишься» до него никак, словно спит на ходу. И, если честно, есть папе отчего призадуматься, что вспомнить. Он один из немногих бойцов отряда, который, участвуя с первых дней войны в самых тяжёлых боевых операциях, остался жив. Рядом, сражённые, падали, гибли товарищи...

Вот ни на минуту не выпускавший из рук пулемёт и даже отдохавший с ним в обнимку в сырых окопах Аркадий – гроза вражеской пехоты. Пуля прошила ему живот, он держал руку на кровавой ране и... улыбался. Между пальцев текла багровая кровь, а он так и умер с улыбкой на лице...

Вот Юра, фаготчик. Перед тем, как навсегда покинуть ребят, он успел подбить три вражеских танка и две БМП. Однажды, когда по радиации сообщили о наступлении бронетехники противника, он невозмутимо справился об их количестве.

– Два танка, – ответили ему.

– Так мало?! – произнёс он с неподдельной досадой.

Борик в агонии звал маму и просил простить его. Он был единственной опорой пожилой матери и жены с двумя малолетками.

А это Амаяк, друг детства... с расколотым черепом. В кармане у него нашли клочок пожелтевшей бумаги. В ней, к изумлению товарищей, оказались стихи, поразительное четверостишие:

*Молись за меня, дорогая!
Молись за того, кого нет.
Кто, голову низко склоняя,
Пошлёт из могилы привет.*

Чуть ниже:

*Мой Бог, молю: во мгле ночи
Не погаси моей свечи...*

Вереницей проходили перед его мысленным взором ребята, погасшие как свечи в ночи. Под огнём противника он выносил с поля боя раненых и убитых, и было тогда не до слёз – слёз и не хватило бы оплакивать их...

Впрочем, противник нёс гораздо большие потери. После одного из боёв во вражеском окопе нашли груды неподвижных тел. Трупы лежали штабелями. Почти у всех в карманах находились студенческие билеты. Некоторые же были убиты выстрелом сзади – они не сдали роковой экзамен. В открытых, устремлённых в небо глазах юнцов были одновременно ужас и

удивление... По-человечески было жалко и их...

– Папа, а почему ты тоже не стал камнем? – прерывает мои воспоминания малыш. (Пару дней назад я водил его на мемориальный комплекс и показал памятники на могилах моих боевых товарищей. Тогда он молчал и не задавал вопросов. Лишь когда я положил на могилу цветы, он спросил: «А разве у них есть руки, чтобы взять цветы?»).

– Я вышел из камня и пришёл к тебе.

– А другие почему не пришли?

– ...

Малыш не даёт паузе развиваться.

– А тебя не ругали за это?

– ...

Лишь потом, уже после войны, я ужаснулся: как-то тихо, незаметно ушли друзья-товарищи, не попрощавшись, словно и не жили на этом свете никогда. Я был ошеломлён этим открытием... Неужели и я мог оказаться на их месте? Не верится... Живому трудно представить себя мёртвым, как, наверное, весело журчащему ручейку трудно представить себя льдом. А впрочем, что я говорю?! Ведь родники рождаются из, казалось, мёртвого и холодного льда, как, впрочем, и герои рождаются... из смерти, героической своей гибели, а точнее, возрождаются.

Да, война непонятным, а вернее, понятным только ей образом сберегла меня в самых сложных ситуациях, хотя я был достаточно крупной, открытой, можно сказать, неуклюжей мишенью. Впрочем пуля – дура: однажды лёжа на сопке, в безопасном, недосыгаемом вроде бы месте, вдруг почувствовал в ботинке горячую боль – очередь, сразу три пули раздробили стопу... «Кажется, задело», – буркнул я себе под нос. И когда из ботинка, словно из фонтана, в три струи хлынула кровь, понял, что теперь настала очередь ребят пособить мне.

– Папа, а почему тебя «выгнали» на войне? – видно, не понимая до конца значения слова, спрашивает малыш.

– «Выгнали»? – пытаюсь уточнить я, с трудом отрываясь от своих мыслей и возвращаясь к действительности.

– Да, выгнали, – твёрдо и настойчиво повторяет он.

И мне приходится выдумывать легенду про то, как меня «выгнали на войне»... Видать, он хотел сказать, почему тебя «выгнали на войну» или «выгнали с войны»? Я начинаю бормотать что-то, не совсем понятное мне самому. Мой ответ, как и следовало ожидать, не убедил его, и он спрашивает:

– Папа, а почему ты стал солдатом, а не Дедом Морозом?

– ...

– Ведь Дед Мороз не стреляет, а раздает подарки.

– Ну, из подарков мне достался автомат, – пытаюсь выкрутиться я.

– Война – это плохо, папа, ты знаешь?

– Да, сынок.

– А почему взрослые играют в войну, если это плохо?

– ...

– Война – это когда ножом ударяют в глаз. Если ты будешь воевать, то из ноги твоей будет идти кровь.

– У меня из ноги уже текла кровь... – говорю я, чтобы сказать что-то.

– Ничего, заживёт, – успокаивает малыш.

Но я вдруг чувствую себя исполосованным, растерзанным, ослеплённым... Словно война всей своей тяжестью, жестокостью, бесчеловечностью разом обрушилась на меня, одного только меня... Я, беспомощный, лежу на сопке, стрекочет пулемёт противника, автоматные очереди с обеих сторон решают сумерки. Наши тихо матерятся, пытаются засечь пулемётчика.

– Попал! – кричит кто-то.

Мне же всё это кажется сном.

Сынишка больше не спрашивает.

– Ты спишь, сынок?

– Я думаю, – неожиданно отвечает он. – Вот вырасту и пойду на войну, буду стрелять в этих плохих, поубиваю всех... Папа будет далеко... Плохие солдаты захотят убить меня, но я всех поубиваю, вернусь домой и буду рассказывать...

Теперь молчу и думаю я.

– Папа, а что подарит мне Дед Мороз?

Ночью я положил ему под подушку плюшевое солнышко – это армяне из далёкой Франции прислали защитникам Карабаха вместе с сухим супом из чего-то непонятного, подозрительно напоминавшего лягушачьи ляжки. Давишь пальцем солнышко в животик, а оно весело говорит: «Я люблю тебя!» На французском, правда, но какая по большому счёту разница?..

Пусть Дед Мороз подарит ребёнку мирное небо... Чтобы дети, повзрослев, не стали фидаи, чтобы они лишь играли в войну – отцы вдоволь пролили крови за них...

2006 г.

Дом, который стрелял

Горячим летом 1992-го в Мартакертском районе Нагорного Карабаха полыхали бои. Прорвав оборону карабахцев, многократно превосходящий по силам противник вошёл в село Кичан. С ужасом и скорбью на лицах женщины с детьми и старики оставляли насиженные места. Отряд защитников села отступил в лес.

«Я останусь, – говорил сам с собой старый охотник, заправляя дробовик. – Куда мне теперь идти?»

Завтра ему исполнится 82. Впрочем об этом он и не помнил...

«Рука ещё держит, не дрожит, – бурчал он себе под нос, любовно проводя шершавой ладонью по гладкому стволу. – Лишь бы глаз не подвёл...»

Дед опоясался патронташем, поднялся на крышу, устроился среди всяческого полезного хлама, которым он по старческой своей бережливости забил чердак – авось когда-нибудь пригодится.

Вдруг он вспомнил Нахшун, покинувшую его 4 года назад. Жена, в белых одеждах, была как живая, с распущенными длинными волосами, гораздо моложе своего предсмертного возраста, словно не ушла в мир иной, а находилась во дворе, хлопотала по хозяйству, доила корову, которая вдруг мелькнула тенью и исчезла...

– Я постель свежую постлала, – вдруг сказала Нахшун, обернувшись и заглянув ему в глаза. – Теперь будешь спать спокойно: клопов всех раздавила, больше не будут кусать...

Старик очнулся...

«Зовёт меня, соскучилась, – объяснил он себе. – Правильно сделала, что раньше ушла, чтобы не видеть этого позора. А теперь и меня к себе зовёт – видать, там лучше, покойнее...»

Старик посмотрел вверх: солнце было в зените.

«Зачем пытаться тушить в других частичку света, дарованного свыше?» – подумал он...

Вдруг неистово залаял соседский Богар – старик крепче сжал ствол ружья. Точно так же пёс залаял однажды зимним вечером, когда в хлев прокрался волк. Старик выбежал с ружьём на крики соседей и пристрелил хищника. Правда, волк успел загрызть овцу... Теперь Богар снова надрывался – не его ли, старика, звал на помощь?

Но что это? Короткая очередь – и жалобный, угасающий визг. Не ожидал бедный Богар, что однажды люди пристрелят и его...

Старик зарядил двустволку, устроился между мешками и навёл ствол на калитку.

К усадьбе приближались трое с автоматами наперевес. Азербайджанцы громко и весело переговаривались, совершенно не подозревая об опасности. Они входили как хозяева, ногой распахнув калитку, заскрипевшую, словно пожаловавшись, пронзительным ржавым скрипом.

Тот, что был пониже и пошире в плечах, пошутил:

– А что в доме нет армянских собак? Что-то никто не встречает...

Все громко рассмеялись.

– Нехороший это знак – значит, за душой у хозяев не было ничего – охранять нечего, – ответил второй, худой и обросший.

Третий молча кивнул, отшвырнув ногой садовую лейку, которую старик впопыхах бросил у входа в огород.

– А это мы ещё проверим, – сказал первый, направляясь к деревянной лестнице, ведущей в дом. – Эти армя...

Он недоговорил. Раздался хлопок – аскер упал. Тут же последовал другой выстрел. Каждая пуля была ценою в жизнь. Пока старик перезаряжал ружьё, третий успел выбежать за калитку. В околотке послышались крики. Звали на помощь. Подоспевшие аскеры прилегли возле калитки, не решаясь переступить порог усадьбы. Дед менял своё место и стрелял. Казалось, что в доме расположился целый отряд...

Аскеры не пытались штурмовать дом. Началась какая-то возня возле деревянного забора. Старик догадался, что они обкладывают дом всем, что может воспламениться. Из покинутых хозяевами соседних домов несли сено, дрова, доски. Обложив усадьбу со всех сторон, облили бензином и подожгли.

Дом долго горел, охваченный ярким, всепожирающим пламенем. К удивлению азербайджанцев, оттуда не доносились крики горящих людей. Но выстрелы продолжались, дом всё ещё сопротивлялся. Это разрывались патроны, припасённые стариком. Вскоре пламя спало. Дом уже тлел угольями, задыхаясь едким дымом. Но выстрелы продолжались...

Из дома никто так и не вышел... На пепелище лежал обгоревший остов охотничьего ружья...

Бакинский разворот

Перед тухнущим взором раненого стояло широкое, улыбающееся, яркое, словно солнце, лицо. Невысокий голубоглазый крепыш с густой рыжей бородой что-то говорил ему. Раненый почти не слышал его, но по выражению лица догадывался, что он произносит что-то доброе, обнадеживающее. Раненый сомкнул веки, но свет и улыбка остались. Дальше он уже ничего не помнил...

С тех пор прошло 12 лет. Однажды летним вечером позвонили в дверь.

– Здравствуй, братишка. Ты помнишь меня? – непринуждённо спросил с порога рыжий коренастый мужчина лет пятидесяти у молодого человека с продольным шрамом на лбу.

След от раны на коже как-то сжался, но спустя миг образовавшаяся у переносицы напряжённая складка резко распрямилась, и на лице у молодого человека появилась гримаса неподдельной радости, примешанная некоторым удивлением. Распахнув объятия, они шагнули навстречу друг другу. Обнялись крепко, как делают это старые боевые товарищи. С минуту длилось молчание, орошённое скупой мужской слезой.

– Все эти годы был в России, в Красноярске. Вот приехал родственников навестить... О тебе всегда помнил.

Потом уже в гостиную, затянувшись сигаретой, Гурген рассказывал:

– Этот день навсегда врезался в мою память – 22 августа 1992 года. Во время развода в нашем автобате подошёл боец. Сразу было видно, что он прямо с поля боя. И не только потому, что был грязным и сильно обросшим, а в руках держал автомат с двумя магазинами, перехваченными посередине изоляцией, но на нём была какая-то особая печать войны, по которой безошибочно можно было узнать в нём вояку даже со спины, не видя его усталого, почти изнурённого лица, напряжённого лба. С минуту он говорил с нашим комбатом. Потом командир позвал одного из водителей, сказал ему что-то. Тот, подумав, покачал головой. Позвал другого. И этот, видно, колебался. Я подошёл, узнал в чём дело: под мостом тяжело раненый, дорога простреливается из танка, никто не решается идти на помощь...

Гурген выпустил изо рта дым, посмотрел куда-то вдаль, словно вслед своей мысли, и продолжил.

– Так и быть, поеду, – сказал я командиру. – Тогда я на своём УАЗике шёл на самые опасные и тяжёлые участки. Рыжего знали все: и рядовые солдаты, и генералы... Правда, у меня был свой секрет: выпивал перед действием. Пил до тех пор, пока не «замкнёт» в глазах. Фляжка коньячного спирта всегда была у меня в запасе... Этика жизни, ничего не поделаешь.

Гурген любил с некоторой поучительностью повторять фразу: «это – этика жизни». Он заключал ею практически каждый свой комментарий той или иной нестандартной ситуации, которых на войне было хоть отбавляй.

Из-под густых рыжих усов с опалёнными кончиками выплыла очередная порция дыма; беззаботно поднимаясь вверх, невесомые кружочки таяли, не доходя до потолка.

Гурген продолжил:

– Я отвёл бойца в сторону, предупредив: «Только делайте что скажу». Моё условие заключалось в следующем: я на скорости проезжаю место, где находился раненый (будто ехал не за ним), затем резко торможу, разворачиваюсь и еду обратно, почти не сбавляя скорости. Бойцы к тому времени должны были подвести раненого к обочине и, когда я приторможу машину, как можно быстрее положить его в кабину рядом со мной. Так мы должны были перехитрить их танк... Этика жизни, по-другому нельзя.

На широком скуластом лице Гургена играли желваки. Он рассказывал просто, незатейливо, и лишь «этика жизни» заставляла невольно призадуматься и переосмыслить услышанное. Иногда казалось, что эта фраза не к месту, но потом, по размышлению, становилось ясно, что в принципе всякое проявление жизни, пусть даже нестандартное и драматическое, можно охарактеризовать именно так – как норму и логику развития той или иной ситуации.

– Я сел за руль. Разумеется, до этого принял на грудь, влив в себя полфляжки зелёного коньячного спирта. В глазах действительно замкнуло – теперь мне ничто не было страшно, и даже азарт какой-то появился: я готов был перехитрить саму Смерть и чувствовал в себе достаточно сил для этого. Трюк, который я должен был проделать на простреливаемом участке, в нашем батальоне называли «бакинским разворотом». Почему этот короткий и быстрый обманчивый манёвр назывался именно так? Не знаю. Может, его действительно бакинские лихачи придумали, а может, это просто ирония над противником – мол, одолеваем его собственным же его оружием... Как видишь, всё прошло удачно. Там, наверное, и не поняли, что произошло...

После, уже в казарме, я выпил залпом целую кружку коньячного спирта и отрубился до следующего утра... Сейчас я к спиртному не притрагиваюсь – план свой ещё в войну перевыполнил, как в советском анекдоте про конец света – пятилетку за три дня. Зато другая, как видишь, страсть появилась – много курю: новую сигарету прикуриваю от потухающей... Этика жизни, против не попрёшь.

– А мне тогда показалось, что это уже Ангелы Божьи за мной пришли, – наконец заговорил Армен, до этого слушавший своего спасителя молча и без каких-либо внешних эмоций. – После того, как истекая кровью, прошёл пару километров и вконец обессилел, я прилёг и вскоре почувствовал, как мир отворачивается от меня. Нет, страха не было. Просто было как-то жаль вот так тихо и глупо уйти. Главное – не хотелось умирать в одиночестве, без свидетелей. Но судьба распорядилась иначе: меня заметили бойцы с ближайшей высоты...

– Этика жизни... – последовал ответ.

Разговор двух фронтовиков продолжался до утра. Колечки сигаретного дыма, словно контуры воспоминаний, появлялись и таяли в воздухе. На смену им приходили новые, оставляя после себя зыбкую сероватую пелену.

Прошлое казалось нереальным, но воспоминания, словно сигареты, зажигающиеся от своего ещё не догоревшего предшественника, воспламенялись друг от друга, будоража раненую память...

2006 год

Дитя войны

Лёля не узнала мать, да и не могла узнать. Она смотрела на неё большими агатовыми глазами как на чужую, но не равнодушно, а удивлённо и немного испуганно. Когда человек в военной форме попытался взять её на руки, девочка закричала на азербайджанском: «Ёх, ёх!» («Нет, нет!») и прильнула к няньке. Мать сама казалась растерянной – она не узнала дочь...

Весна 1992 года в карабахском селе Марага окрасилась в цвет крови. Кругом хозяйничали смерть и ужас. Уцелели немногие. Среди группы женщин и детей, которых подразделения азербайджанской армии взяли в заложники, оказались Арина вместе с сыном Виталиком и годовалой Лёлей (глава семейства – Амо – пропал без вести во время бесчинств в селе). Арина попыталась сопротивляться, но её схватили за длинные пряди, доходившие почти до колен, ударили прикладом автомата по голове. Женщина потеряла сознание, и, когда пришла в себя, малышки уже не было рядом. В плену она тщетно пыталась узнать что-либо о судьбе дочери...

С тех пор много воды утекло. В столице молодой военной республики стоял холодный декабрь 1993-го. Противник был отброшен далеко от города, грохот разрывов прекратился, остались в прошлом многомесячные и почти ежедневные обстрелы и бомбёжки, однако надрыв в сознании остался: образ смерти и разрушения вместе с мучительным вопросом «Когда же мир?» преследовал людей. В воздухе всё ещё витал дух Смерти, глядевшей на человека пустыми глазницами окон домов...

Арина и её сын уже были обменены, пробыв в азербайджанском плену 8 месяцев. Лёля же казалась матери сном. «Была ли она?» – порой предательски кололо в её растерзанной душе.

Найти девочку было непросто. В отличие от взрослых, она не могла говорить, помнить себя и своих родителей, да и взрослые могли не опознать её – ведь потеряли Лёлю ещё младенцем, несформировавшимся живым комочком.

Карабахская госкомиссия по заложникам и без вести пропавшим долго теребила аналогичную госкомиссию Азербайджана. Там обещали помочь, однако надежды было мало.

Однажды морозным вечером майор Костянян, непосредственно занимавшийся переговорами и обменом военнопленными и заложниками, засиделся в своём в рабочем кабинете. Он предчувствовал хорошую весть и ждал её. Офицер почти слепо верил собственной интуиции, обострившейся за годы работы в экстремальной ситуации, когда нередко, чтобы не попасть впросак, нужно было иметь нюх, подобный верхнему чутью у собаки. Костяняну не сиделось на месте, он ходил взад и вперёд по неотапленному, тускло освещённому кабинету. Под ногами скрипел обшарпанный, местами недостающий паркет.

Самые различные мысли, вернее, их фрагменты, обрывки путались в голове, ни за одну он не мог ухватиться. Перед глазами мелькали измученные лица заложников и военнопленных. В их потухших взглядах всё-таки тлели угольки надежды, что кто-то вызволит их из позорного плена, выцарапает у смерти... С калейдоскопической быстротой образы этих надломленных людей сменялись сияющими лицами благодарных родственников... Вдруг появилось злое лицо высокопоставленного чина, уверенного в том, что военнопленные не достойны возвращения на родину, и они – лишь обуза для государства и общества, задаром получают пенсию... «Так куда же им, своим среди чужих и чужим среди своих, деваться?» – невольно подумал Констанян. Тут он вспомнил, как при обмене его самого чуть было не взяли в заложники.

Мысли-воспоминания гнездились в голове, от этого становилось тесновато и в комнате. В такие минуты тянет посмотреть в окно, куда-то вдаль, чтобы хотя бы мысленно раздвинуть давящее тебя пространство. Но майор не приближался к окну: вместо стёкол оно было обтянуто плотным целлофаном, за которым в вечернее время суток невозможно было что-либо разглядеть.

Наконец зазвонил телефон. Костянян вздрогнул, может быть, потому, что ждал этого. Он схватил трубку – знакомый голос на другом конце провода сообщил, что в приюте одного из азербайджанских городов содержится девочка лет трёх, подкидыш. Никто не знал, кто она и откуда. Кто-то привёл её в приют, оставил и ушёл.

– Есть надежда, что это та самая, которую вы ищете, – произнёс далёкий собеседник.

Договорились о встрече. Взамен было решено отдать азербайджанскую девочку-сироту Роксану вместе с нянчившей её в детской городской больнице тётей, родной сестрой покойной матери.

Костянян предупредил Арину, что должен будет взять её с собой на обмен для опознания Лёли. Женщина сомневалась, что узнает дочь. На вопрос, имеются ли у ребёнка родимые пятна, шрамы или другие какие-либо особые приметы, мать сказала, что на темени у Лёли две завитушки...

– Отлично, – задумчиво произнёс Костянян.

Вскоре военный УАЗик вместе с Ариной, малышкой Роксаной и её тётей отправился на место переговоров. Представитель азербайджанской стороны по имени Назим после приветствия и принятых на Кавказе расспросов о жите-бытье, сообщил Костяняну, что в приюте девочке дали азербайджанские имя, фамилию и даже отчество.

«Что ж, война не спрашивает фамилий», – подумал майор.

Наступал волнующий для всех момент. Арине удавалось держать себя в руках, и лишь неестественная бледность и едва заметная дрожь в пальцах выдавали её. Лёлю из приюта несли на руках няня – пожилая женщина с выбившейся из-под тёмной шали прядью покрашенных хной волос. Девочка едва покосилась на присутствующих отрешённым взглядом и уткнулась головой няньке в грудь. Когда Арина подошла и прикоснулась к её предплечью, она посмотрела на неё большими агатовыми глазами как на чужую, но не равнодушно, а удивлённо и немного испуганно. Костянян с Назимом переглянулись: они сразу заметили схожесть Арины и ребёнка. Но свершилось то, чего боялась Арина: она не узнавала родного ребёнка, хотя Лёля осталась почти прежней, казалось, не росла эти полтора с лишним злосчастных года разлуки. Впрочем, чего было ожидать от маленькой, надломленной, израненной душой и телом женщины, которая сама долгое время была узницей и каждое утро встречала как последнее? Могла ли она верить или просто надеяться, что бурный водоворот войны, погубивший тысячи сильных и уверенных в себе взрослых человеческих особей, пощадит маленькое беззащитное дитя?

Пока Арина в растерянности взирала на ребёнка, Костянян подошёл к девочке и снял с её коротко остриженной головы красную спортивную шапочку. У ребёнка на темени оказались два завитка... Два заветные отметины – это была она!

Арина всхлипнула и потянулась трясущимися руками к ребёнку... Но Лёля лишь крепче прильнула к няне. Костянян попробовал взять её, Лёля закричала: «Ёх, ёх!» и стала вырываться с судорожным плачем.

Детский рёв послышался и сзади. Это была Роксана. Ребёнок, естественно, не понимая в чём дело, тоже залился пронзительным плачем в унисон с Лёлей, проявив своего рода детскую солидарность. Вслед заплакали Арина и тётя Роксаны. Няня, женщина крестьянского типа, успокаивая Лёлю, вдруг запричитала, пожаловавшись на жестокость жизни. Костянян невольно оглянулся и заметил слёзы на глазах своих телохранителей и азербайджанцев: люди воевали, не раз глядели смерти в глаза, но при виде этой сцены камень раскололся бы... У самого Костяняна на глаза навернулись слёзы. Назим отвернулся, вытирая ладонью влажные скулы...

Лёлю все-таки отобрали у няни и передали родной матери. Поблагодарили друг друга, попрощались, сели в УАЗик и поехали обратно. Девочка ревела, не умолкая. Но вдруг наступила тишина. Костянян оглянулся: Лёля, сидя на руках у матери, внимательно смотрела на неё, морща лобик, словно силилась вспомнить что-то. Неожиданно она положила голову на грудь матери и заснула крепким сном, сном младенца. «Кровь всё-таки потянула», – подумал Костянян и улыбнулся. Он сделал это так, чтобы его усталую, измученную улыбку никто не заметил...

Лёлю привезли в дом, где у родственников в полуподвальном помещении Арина ютилась вместе с сыном и матерью. Бабушка сразу узнала внучку.

В первое время с Лёлей приходилось говорить по-азербайджански, она не знала и слова на родном языке. Девочка спала только на полу, не умела пользоваться ложкой. С собой в постель она непременно клала тряпичную игрушку, наподобие куклы, которую она привезла с собой «оттуда». Мать смотрела на неё и плакала украдкой – то ли от жалости и боли, то ли от счастья...

Лёле уже семнадцать, она заканчивает среднюю школу, в совершенстве владеет родным армянским языком и собирается учиться в университете на филолога. Первые три года своего детства она помнит едва – как странный, нелепый сон. Но истрёпанную, угловатую свою куклу, дитя войны, Лёля бережно хранит до сих пор.

Она стала для неё талисманом.

2007 год

Посвящаю отцу – товарищу тех нелёгких дней...

Звёздный Мальчик

Повесть

*...А в небе яростную вспышку
Закрыв покров из серых туч.
И я обычным стал мальчишкой,
Утратившим от детства ключ...*

Виктор Коноплёв

Глава 1

«Не добьётесь слезы от меня – бывали ситуации куда хуже... И вообще, я не умею плакать и не собираюсь учиться этому. Неправда, что слёзы облегчают страдание и ослабляют боль. Слёзы – удел слабых. Они – бессилие перед испытанием. Хуже того – притворство... Хватит убивать нас каждый день – однажды мы уже умирали!..»

В обычной обстановке, при людях, рассуждения молодого человека лет двадцати пяти могли бы показаться бравадой. Но шёл уже второй час ночи, и он, поёживаясь от мартовской свежести на балконе пятого этажа большого притихшего жилого дома, пребывал наедине с собой и своими мыслями.

Арсен вспомнил и почти осязаемо пережил вновь то, как три года назад, в 1992-ом, именно в тот день, когда ему должны были вручить диплом об окончании университета, громом среди ясного неба (впрочем, на самом деле небо над Карабахом и Арменией уже давно заволокли чёрные тучи) пришло известие о кончине матери, и он, бросив всё, стал искать в большом городе знакомого работника аэропорта, прорвался с его помощью сквозь немыслимый кордон к одному-единственному вертолёту, доставлявшему раз в день на его маленькую блокадную родину медикаменты и муку, привозя оттуда раненых... И всё-таки не успел на похороны – опоздал на полчаса из-за задержки вылета. Когда он наконец появился, измученный и растерянный, сёстры, прильнув к нему, разразились плачем. Родственники подхватили этот плач. Плакал и отец. Арсен же не прослезился: его душили боль и обида, но слёз не было...

Не было их и прошлой весной, когда через четыре года интенсивных боевых действий противники, наконец, заключили перемирие, на передовой больше не стреляли, а на mine вдруг подорвался лучший друг, целым и невредимым прошедший всю долгую кровавую войну. Тот лежал в до странности маленьком гробу с белой бинтовой повязкой на синевато-мраморном лбу, безмолвный и неподвижный, так непохожий на прежнего себя – балагура с вечной улыбкой на губах. У гроба, потупив глаза, сгрудились боевые товарищи с мокрыми от слёз бородами. Всё кругом, казалось, превратилось в одну большую слезу... Он же не плакал, хотя внутри всё разрывалось...

В лунном свете отражался несколько подавленный орлиный профиль. Если бы ночь позволила взглянуть в большие глаза хозяина, то по болезненно-острому их выражению можно было догадаться, что молодой человек не так давно пережил необычную боль, сумел преодолеть её ценой недюжинного усилия воли, значительной затраты душевных и физических сил, но пока ещё вынужден бороться с её последствиями... Сейчас мало кто узнал бы в нём жизнерадостного златокудрого мальчика-озорника, который не давал проходу своим сверстникам во дворе и всё досаждал старшим. Ничего, казалось, не осталось в нём и от стеснительного подростка, которого вгоняло в густую краску простое общение с одноклассниками...

Уютно устроившийся в котловине между живописными горами, утопающий в зелени ухоженный город, где родился и вырос Арсен, до войны, по сути, был провинцией с почти патриархальными нравами и размеренной, ничем не колеблемой жизнью. Теперь, став центром борьбы небольшого края, неожиданно заявившего на весь мир о своих законных правах, город в одночасье превратился в столицу хотя и непризнанной, но достаточно самостоятельной республики, которой, оправляясь от ран навязанной войны, необходимо было создавать имидж независимого государства. А именно: для начала придавать больше эффекта внешней стороне, постараться в кратчайшие сроки восстановить всё повреждённое и разрушенное в центральной части и других видных местах новообразованной столицы, вернуть улыбку на лица горожан, пострадавших за годы жесточайших обстрелов и бомбёжек в сырой полутьме подвалов...

Стараясь не ударить лицом в грязь, политики и дипломаты республики, делающей, подобно годовалому малышу, первые шаги на международной арене, учились держаться увереннее и непринуждённее на переговорах, которые призваны были решать вопросы, не решённые и ещё более запутанные продолжительной кровопролитной войной.

Тем временем в жизнь вовлечённого в большую политику маленького края вошло в обиход понятие «не война, не мир». Хрупкий мир пусть и продолжительного перемирия, конечно же, не мог заменить настоящий мир, и люди продолжали страдать от всякого рода бытовых неурядиц, гибнуть от случайных выстрелов и мин в приграничье. Иными словами, в душах у людей мира пока не было.

Порой Арсен чувствовал с крайней осязаемостью некий надвигающийся удар. Подобное ощущение могло внезапно возникнуть в любой момент, преследовать везде: на улице, в

общественном транспорте, на работе и даже во время сна. Удар скорее ассоциировался с разрывающимся снарядом, яркой вспышкой и ударной волной. А ещё – с самим ожиданием этого разрыва после того, как снаряд начинает рвать воздух в своём бешеном, безумном полёте. От удара из Ниоткуда жизнь, казалось, должна была вмиг лопнуть.

Это навязчивое ощущение впервые появилось у Арсена на передовой. Попавшему в «мешок» небольшому отряду карабахских бойцов не оставалось ничего другого, как прорываться напролом сквозь плотное кольцо окружения противника. Из зарослей шёл шквал смертельного огня. Рядом падали сражённые товарищи. Арсен не сразу осознал, что произошло, когда чудовищная сила, казалось, оторвала и унесла куда-то его левую руку: одновременно три пули автоматной очереди раздробили в один миг кости плеча и чуть выше кисти. Потом, придя в себя после минутного замешательства, стараясь не выпускать из здоровой руки автомат и не отставать от товарищей, он внутренне готовился к новому удару, теперь уже наверняка смертельному: в голову или чуть левее от одной из ран – в сердце...

Ощущение надвигающегося удара обострилось и стало ещё более реальным с того времени, когда однажды среди бела дня в центре города взорвался «УАЗ» с находившимися внутри людьми. То, что секундой раньше составлял единый, по-своему совершенный человеческий организм, мощным ударом размазало по стенам, окнам и редким уцелевшим стёклам близлежащих домов. Растерянные души этих ещё миг назад уверенных в себе людей, наверное, в жалостном исступлении искали в кашнице из человеческого материала части своих тел, части былого земного облачения...

Коварная и ужасная смерть вволю тешилась над людьми, и война, с которой она вступила в преступный сговор, давала прекрасную возможность для этого.

Над краем словно висело большое облако боли, от которого невидимая рука распределяла каждому положенную долю. При этом кому-то доставалось гораздо больше других. А кто-то умудрялся сопротивляться невероятной, нечеловеческой боли и выживать.

По вечерам на улицах полувоенного, полутёмного города можно было встретить человека-коляску: человеческий обрубок без ног и одной руки – всё это унёс разорвавшийся неподалёку снаряд. Получеловек окликал прохожих и, если те подходили, делился с ними своим горем. Однажды ему стало крайне тяжело нести бремя изуродованного тела и остаток жизни в нём, и, когда внутреннее переживание достигло критического предела, нивелировав даже инстинкт самосохранения, он откусил себе средний палец на уцелевшей руке. Лишь тогда боль... утихла, отпустила. Теперь же сам удивлялся собственному поступку и, показывая прохожим свежую культю, спрашивал:

– Вы видели нечто подобное: откусил себе палец?

Впрочем, что такое палец по сравнению с откушенной смертью половиной тела?..

Арсен давно уже понял, что существует определённый предел напряжения, за которым человек, даже очень сильный и волевой, теряет собственную личность. Больше смерти человек, пожалуй, боится боли, вернее того, что эта боль будет чрезмерной, невыносимой. Боль возвеличивает войну, возводит её в категорию чрезвычайного, экстремального. И если бы не страх боли, войны, как способ решения конфликтов, наверное, прекратили бы своё существование. Возможно и другое: притупившийся инстинкт самосохранения, самый мощный из животных инстинктов, который стимулируется именно ощущением боли, дал бы людям истребить друг друга в одной великой войне.

Арсен с досадой отмечал, что за чертой этого критического напряжения не существуют такие, казалось, незыблемые понятия, как «любовь», «дружба», «братство»... В том же бою ему, с раздробленными рукой и плечом, не нужно было особо всматриваться в глаза ребят, чтобы прочесть в них страх и растерянность. Раненый осознавал, что просить кого-либо о помощи в данной ситуации было бы нелепо: напряжение, которое начало форсироваться с момента, когда стало ясно, что противник, намного превосходящий по численности, окружает и смертельная опасность приблизилась вплотную, переходило границы человеческих возможностей. Каждый в это время был поглощён собственным ожиданием боли, быть может, чудовищной. Для того же, чтобы преодолеть это напряжение, необходимо было совершить великий подвиг, перешагнуть в бессмертие, что, пожалуй, удаётся лишь единицам.

Но, когда уцелевшая часть отряда смогла прорвать кольцо окружения и напряжение спало, расконцентрировалось, к ребятам, несмотря на то, что лес всё ещё кишел вражескими солдатами и всяческими опасностями, вернулось мужество. Арсен, порядком истекший никак не свёртывающейся кровью и совсем уже обессилевший после преодоления нескольких километров горного ландшафта, предложил идти дальше без него, но ребята, уже обретшие себя, свои

личности, отчитали его.

– Выберемся или погибнем все вместе, – отрезал старший группы.

Выбравшись же, наконец, товарищи ещё долго удивлялись тому, как Арсен выдержал критическое напряжение почти в самом его апогее и не только не попросил помощи, не желая стать кому-то обузой, но даже не застонал в ответ на боль, о размерах которой можно было лишь догадываться.

Арсен же тогда скрыл от товарищей, что в тот момент, когда после первого шока он нашёл в себе силы преодолеть нечеловеческое напряжение и боль, сверху на него опустилось какое-то светлое невесомое облако, которое сопровождало его до тех пор, пока не вышли к своим. В полном врагами лесу он думал лишь о том, что будет здорово, если выживет и расскажет другим о пережитом.

И Арсен почти был уверен, что выживет: в обнявшем его облаке он почувствовал что-то очень похожее на заботливое прикосновение своей матери, с момента смерти которой не минуло ещё сорока дней...

Глава 2

Дом, где прошло детство Арсена, располагался на тихой улице, покой которой изредка нарушала похоронная процессия: по этой улице везли покойников на кладбище. Порой длинную процессию сопровождал оркестр, придававший церемонии торжественность и важность. Маленькому Арсену же это казалось забавным – будто взрослые играли с важным видом в какую-то игру. Когда процессия скрывалась за поворотом, он брал металлическую посудину, поднимал её двумя руками над головой как гроб и имитировал звуки оркестра: «бум-бум!..» Смерть тогда казалась ему чем-то нереальным, фантастическим, невероятным... «Я не умру», – был уверен мальчик и радостно делился со сверстниками и родными своим «открытием».

Откуда ему было знать, что со временем всё изменится, смерть станет каждодневным, точнее, круглосуточным явлением и коснётся его своим чёрным крылом?..

Море крови и слёз пролилось в Карабахе за четыре года войны. В Степанакерте каждый день кого-то хоронили, чаще – по несколько человек. Городское кладбище росло с каждым днём. Скорбный, плачущий поток людей с каждым днём поднимался всё выше и выше по косовету, на котором сгрудились многочисленные могилы юношей и мужчин, девушек и женщин, стариков и детей – несчастных жертв жестокой войны.

День ото дня всё выше и выше по склону холма поднимались траурные группы людей с гробом, словно стараясь достичь самого неба и найти в нём избавление от мук земных, раствориться в нём. Так и хотелось крикнуть: «Боже, останови это безумие!»

Каждое утро, в начале девятого часа, начинался обстрел Степанакерта из дальнотойного орудия. В народе называли его «морской пушкой» или «гаубицей с удлинённым стволом». Преодолевая многокилометровое расстояние, пущенные им снаряды долгое время несли смерть и разрушение.

Впрочем, с началом обстрела особой паники среди населения не возникало: реалии войны научили людей хладнокровной самозащите. Ещё в воздухе, набирая во время полёта скорость (вернее, резко меняя её), снаряд издавал грохот, подобный тому, который бывает при разрыве. После этого «первичного разрыва» люди спешно, но без особой суеты начинали покидать свои квартиры и спускаться в подвалы.

Человек индивидуален, и в экстремальной ситуации каждый вёл себя тоже индивидуально. Как это ни удивительно, но из квартир первыми выбегали пожилые члены семей и добросовестно спускались по крутой лестнице в подвал. Приходилось гадать: то ли больше всего им хочется жить, то ли опыт жизни приучил их к осторожности и предусмотрительности? Вслед за ними выходили подростки и женщины с детьми, давно уже отвыкшими от игр и практически без ошибки определявшими по звуку летящего снаряда его тип и вид орудия, из которого был произведён выстрел.

Главы семейств, не задействованные на фронте, стараясь сохранить «честь мундира» и невозмутимый вид, пропускали всех домашних вперёд и лишь после этого ступали на лестницу. Как правило, до конечного пункта следования они не доходили и, собираясь у дверного проёма первого этажа, довольно быстро находили общий предмет разговора и споров, будь то политика или виды на урожай. Однако бывали и исключения – не у всех мужчин стальные нервы. Так один из них выбежал из дому в кальсонах и в полумраке подвала предстал привидением перед испуганно-изумлёнными взорами соседей.

По окончании обстрела все в обратном порядке возвращались. Тут вмиг исчезала прежняя прыть стариков и старушек: кряхтя недовольно и чертыхаясь в стиле ретро, они едва доковыливали до порогов своих квартир, и долго ещё их проклятья в адрес врага не давали домашним покоя...

А вообще всё было намного серьезнее. Беда не всегда проходила мимо. Был такой трагический случай: ложно сориентировавшись по «первичному разрыву», группа мужчин, не пожелавшая спрятаться в надёжное укрытие, подалась за сарай, куда прямо и летел снаряд... Смерть коварна и непредсказуема, не терпит она легкомысленного и пренебрежительного отношения к себе.

Редкая ночь в Степанакерте выдавалась спокойной – тревожен и неглубок был сон горожан. Обычным явлением для города стал и артобстрел из реактивной установки «Град». Часто люди уже спали, когда невообразимый грохот разрывал ночную тишину. Город, задрожав, вмиг просыпался. Тем, кого беда миновала, не верилось, не хотелось верить, что рядом, буквально в соседнем доме, калечилась и кончалась чья-то жизнь. Первые петухи в Степанакерте начинали перекличку сразу после полуночи: не спалось и птицам, они тоже перестроились на военный лад...

По ночам город бомбил самолёт. Бомбардировщики противника метили в места наибольшей концентрации людей: общежития, больницы, госпитали... Однажды бомба упала в самом центре города. Ударная волна выбила уцелевшие доселе стёкла чуть ли не на окраинах Степанакерта. Собственный дом возле одной из городских школ целиком ушёл в землю. Страшная воронка образовалась на его месте. Ели и сосны поблизости оголились полностью... Кровь текла по улицам, образовывала лужи. Бомбы унесли много жизней. Фары машины «Скорой помощи» вырвали из темноты кошку, ковылявшую на трёх лапах. Животные страдали вместе с людьми, делили их участь...

От каждодневных обстрелов и бомбёжек, наплыва беженцев из деревень, Степанакерт уже не был похож на город, некогда ухоженный и тихий. Это, скорее, была большая, полуразрушенная, заваленная мусором деревня. Жизнь здесь давно сбилась с привычного ритма. По понятным причинам не работали заводы и фабрики, были закрыты школы, не функционировал общественный транспорт. Вместо автомобилей на улицах города можно было увидеть небольшое стадо коров, отару овец. Почти в каждом дворе деловито квохтали куры, бодро перекликались петухи, угрожающе шипели гуси; трагическим диссонансом врвался в эту гамму звуков нескончаемо долгий рёв осла.

Картину «село в центре города» довершал всадник на коне. Это был беженец. В Степанакерте их было очень много и ютились они где попало. Порой местом для ночлега служил городской газон, на котором днём пасся пригнанный из деревень скот. Однако смерть преследовала беженцев и здесь, шла по пятам и настигала их...

Но жизнь продолжалась. В подвалах, под тусклым, дрожащим светом обычной стеариновой свечи, рождались дети. Огневой вал непрестанно преследовал городской родильный дом, и, спасаясь от вражеских снарядов, врачи вместе с роженицами переселялись из одного подвала в другой. Роды принимались в сырых, неотопливаемых помещениях, под вечной угрозой смерти... И эти дети подземелья, появившиеся на свет Божий вопреки всему, символизировали собою веру в будущее и победу, которая тогда казалась призрачной...

С тех пор прошло несколько лет. Противник, развязавший войну и легкомысленно рассчитывавший на скорую победу, был отброшен далеко назад. Военные эксперты называли карабахскую армию, разгромившую намного превосходящего по численности и вооружению противника, самой боеспособной в регионе; журналисты пытались разгадать её феномен. Образно выразился по этому поводу генерал, прошедший войны в Афганистане, Эфиопии и Сомали: «Секрет необычайных успехов карабахской армии не в слабости противника и деморализованности его рядов, а в характере самой армии: армия и народ выступают в одном лице и полны решимости отстаивать своё законное право – жить на родной земле. Этот феномен уже не раз был апробирован историей».

В глубоких морщинах, изрезавших каждый сантиметр смуглого лица этого уравновешенного и обходительного военачальника, угадывались следы драматических и героических событий, непосредственным участником которых он являлся. И потому его слова внушали особое доверие.

Однако, несмотря на то, что пожар войны потух и остались в прошлом ежедневные обстрелы и бомбёжки города, надрыв в сознании людей остался. Образ смерти и разрушения вместе с мучительным вопросом: «А мир ли это?» – преследовал их, и даже весьма отдалённый

намёк на пережитые ужасы, к примеру, в виде хлопка игрушечного пистолета, мог вывести человека из равновесия. Во время активных военных действий, когда огонь с самого неба падал на головы людей, человеческая психика, словно настроенная на особый режим, была гораздо устойчивей и практически выдерживала всё. Теперь же она расслабилась, с ужасом отвергая саму возможность возвращения прошлого...

К тому времени Арсен работал в Степанакерте собственным корреспондентом независимой газеты, издающейся в Ереване. Ещё подростком, в седьмом классе школы, он решил стать именно журналистом: в его глазах журналисты были самыми честными, красивыми и мудрыми людьми...

Мы оставили нашего героя в нелёгких раздумьях, наедине с собой. Что же так терзало его?..

Свежая, бодрая луна высвечивала многочисленные отметины войны на громадине спящего здания: тело его, словно небо звёздами, было испещрено выбоинами от осколков артиллерийских снарядов. За годы войны дом недосчитался многих своих жильцов, но сам выстоял, к радости и гордости людей.

Арсену, несмотря на ночной холод, не хотелось возвращаться в постель. Он стал наблюдать за звёздами. Наверное, там, среди мириад себе подобных, светила и его собственная звезда, от которой, согласно поверью, зависит судьба. Где же она, его военная звезда?! Поди угадай...

Ночной монолог неожиданно прервал отец, которому, очевидно, также не спалось. Арсена удивили слова родителя – днём он говорил совершенно другое:

– Карьеру ещё успеешь сделать, не спеш. Многим хватает ума делать карьеру, а вот мудростью не делать её любой ценой наделены не все...

А сейчас он упрекал его:

– Может, не будешь упрямитесь? Они же должность тебе предлагают, а ты...

Арсен не сдержался:

– Кто предлагает?! Те, кто ещё вчера пытались запугать меня? И, если бы наша газета не вмешалась, ещё неизвестно, чем бы всё обернулось... Тактику сменили: пытались кнутом – не вышло, пряником решили заманить?.. Не получится!

Поняв, что задел Арсена за живое, отец молча вернулся к себе в спальню. Он всегда трепетал за единственного сына, пережил настоящую драму, пока Арсен находился на фронте. Отец крайне тяжело перенёс его ранение, тяжелее, чем сам Арсен. Надломился, стал нервным, мнительным... По молодости лет сын тогда не понимал всей глубины переживаний родителя, лишившегося в четыре года отца, который пропал без вести на фронтах второй мировой войны...

Арсен и не думал о сне. Воспалённый событиями последних дней, мозг был полон десятками светлячков-вопросов. Что нужно этим людям? Почему они с такой рьяной последовательностью и настырностью пытаются завлечь его в свои сети, лишить свободы или, по крайней мере, оторвать часть её? Почему, рассчитывая на его молодость и честолюбие, они действуют столь примитивно и грубо? Чего им не хватает? У них должности, деньги, общественное положение – всё то, о чём другие только мечтают... Но что такое должность, предлагаемая ими, как не тот короткий поводок, на котором постараются держать его до тех пор, пока не приручится совсем... Главная беда этих людей заключается в уверенности, что выше и дальше их никого нет. Они не хотят мириться с существованием самого Бога...

Арсен работал военным корреспондентом, иными словами, он был не совсем обычным журналистом. Журналистика военного времени – это балансировка на грани правды и лжи, дозволенного и запрещённого, долга и необходимости. На войне журналист находится меж двух огней – он не защищён как с передовой, так и с тылу.

Кроме бойни с кровью и смертью, на войне всю разворачивалась и битва слов. Противники часто прибегали к информационно-идеологическим диверсиям. Сам журналист при этом оказывался в весьма невыгодном положении. Исходя из военных реалий, он не должен был лить воду на мельницу врага ни единым своим словом. Профессиональный же долг требовал не умалчивать всего того негативного, что происходило во внутренней жизни. В противном случае это означало признание собственной гражданской и профессиональной ущербности, фальшивости журналистики вообще. Взнузданное слово – всё равно, что птица без крыльев.

Тем временем журналисту всё чаще давали понять, что молчание – золото не только для тех, кто в нём кровно заинтересован, но и для самого «молчащего». Одни, пользуясь хаосом войны, наживались на этом молчании, для других же оно служило фундаментом для карьеры.

Опасаясь журналиста, они ещё больше презирали его, часто не скрывая этого. Если же кто-нибудь из пишущей братии пытался несколько раздвинуть рамки предоставленной ему «свободы», то неприятности не заставляли себя ждать.

Иными словами, объективные реалии, обстоятельства и конкретные лица принуждали журналиста приспособиться и... писать. Писать не разумом и душой, а руководствуясь лишь инстинктом самосохранения...

Арсен не воспринимал этого всеми фибрами души, противился этому как мог. Работать с подрезанными крыльями означало для него отказаться от взлелеянной ещё в ранней юности мечты. За нежелание работать с комплексом неполноценности Арсену нередко доставалось.

На этот раз он был занесён в список «саботажников» – за то, что, невзирая сначала на недвусмысленные намёки, а потом и прямые угрозы наказания, отказался сотрудничать на договорной основе с новым редактором местного официоза – старым консервативным человеком, давно уже усвоившим «золотое» правило: «не высовываться».

Вечером того же дня за ним пришёл тщедушный паренёк из военкомата с повесткой в руке. Он сообщил, что «ему поручено проводить военнообязанного Арсена Чилингаряна в военкомат для уточнения кое-каких вопросов». При этом зачем-то добавил, помявшись, что сегодня не его очередь дежурить и он заменяет заболевшего товарища.

Не поужинав, Арсен накинул на себя куртку и вышел. Он даже не попрощался с отцом, не подозревая о том, что вернётся лишь через полмесяца.

Глава 3

Заместитель военкома, капитан лет тридцати пяти, даже не посмотрел в сторону Арсена, когда тот вошёл вслед за посыльным.

– Вы нигде не работаете, – скорее утверждая, чем спрашивая, произнёс он, не отрываясь от бумаг на столе.

– Я аккредитованный корреспондент.

Капитан наконец поднял глаза и посмотрел на Арсена в упор – с удивлённой миной.

– В таком случае... это – недоразумение, – он отвел взгляд. – И тем не менее, мне придётся отправить вас... Таково указание. Там, надеюсь, разберутся...

Замвоенкома не сказал, куда «придётся отправить», и Арсен спросил с нарочитой иронией:

– Это что? Арест?

– Арестами занимается не военкомат. При чём тут арест? – капитан усмехнулся и углубился в бумаги, поглубже спрятав в них свой взгляд.

Уже догадавшись, что, по сути, это и есть арест, Арсен одновременно осознавал – изменить что-либо невозможно: механизм управленческого пресса был запущен и, согласно логике, должен был действовать до заданного конца, до тех пор, пока не остановит запустившая его рука. Недаром был так вороват хилый работник военкомата и так рассеянно-несведущ сам заместитель военкома – винтики этого большого налаженного механизма.

Вскоре подошёл и молодой, не привыкший держать нос по ветру отставной редактор, фамилия которого возглавляла «чёрный список», и, усадив в военный «УАЗ», опальных журналистов повезли в направлении ближайшей войсковой части.

Их встретил комендант части, который остался за старшего, пока полк находился на полевых учениях. Будучи знаком с журналистами и поначалу уверенный, что приехали они не иначе, как делать газетный материал, комендант изобразил на своём смуглом широком лице приветливую готовность. Но, когда сопровождавший журналистов офицер протянул бланк и попросил подписаться в том, что «получил их», глаза полкового блюстителя порядка, кажется, полезли на лоб.

– За что? – произнёс он в недоумении и каким-то механическим, растерянно-быстрым движением расчеркнулся на бесстрастной бумаге.

Через пару дней Арсен уже был на передовых позициях. Везли в кузове грузовика, забитом мешками с хлебом и какой-то крупой, вместе с засаленным дезертиром, взятым прямо из изолятора временного содержания.

Всю дорогу тот жаловался на тюремщиков, прерываясь лишь для того, чтобы коротко выругаться, когда машину особенно сильно подбрасывало на просёлочных ухабах. Погрузившись в своё, Арсен сидел вполборота к нелепому спутнику, не слушая монотонного нытья...

Полк расположился лагерем на опушке леса. От выстроившихся в аккуратный ряд солдатских палаток несло гарью, ваксой и консервами. Особняком стояла будка командира. К ней после регистрации в полевой строевой части и повёл новоиспечённых своих подчинённых высокий сутуловатый майор. Велев им подождать внизу, офицер поднялся по скрипучей железной лестнице и, откашлявшись, вошёл в приоткрытую дверь командирской.

Среди доносящихся из будки обрывков разговора Арсен услышал:

– Это его собственное или чужое?..

Было ясно, что речь идёт о журналистском удостоверении, которое при заполнении данных в строевой части офицер на всякий случай забрал.

– Кажется, его, – последовал ответ.

Не вопрос, произнесённый с недоверчивой иронией, а ответ задел Арсена за живое. Когда майор вышел, Арсен попросил у него разрешения поговорить с командиром. Офицер молча зашёл обратно и, выйдя через минуту, сделал пригласительный жест.

Внутренняя обстановка внешне невзрачной будки отличалась от аскетической скудности, свойственной солдатским палаткам. Увешанные пёстрыми коврами стены и предметы домашнего обихода создавали определённый уют. В углу, у печки, изрыгающей жар сквозь треугольное отверстие на дверце, хлопотала маленькая черноглазая женщина. Сам командир с львиной шевелюрой и пышными тёмными усами гордо восседал на диванчике, словно стараясь всем своим видом подчеркнуть собственное превосходство над окружающими. Он был в безрукавке, несколько кокетливо выставившей накачанные бицепсы. Арсен заметил на плече у командира татуировку – ГСВГ 1974-1976*. Взгляд полковника казался высокомерно-бесстрастным.

Попросив разрешения обратиться, Арсен начал без обиняков:

– Я невольно подслушал ваш разговор с майором и понял, что у вас не совсем верное мнение обо мне. Документ – мой собственный, я журналист, а моя отправка сюда незаконна.

На лице у полковника не дрогнул ни один мускул.

– Сегодня мы все подчиняемся одному закону – закону войны, – произнёс он, выдержав определённую паузу и окинув Арсена изучающим взглядом. – Когда-то я был преуспевающим бизнесменом, держал три цеха. Сейчас, как видите, служу.

– Простите, но я сам воевал, был ранен...

– Карина, что-то печка задымила, посмотри, – с тем же невозмутимым видом комполка обратился к черноглазой женщине, прежде чем ответить Арсену. – А кто застрахован на войне? И меня в одном из боёв зацепило... Если у вас проблемы со здоровьем, отправим на более лёгкий участок... К сожалению, стенгазету в полевых условиях не выпускаем.

Последняя фраза покорила Арсена:

– О своём ранении я сказал не для того, чтобы выпросить себе тёплое местечко...

На лице полковника наконец шевельнулось что-то живое.

– В таком случае я буду рад, если всё уладится и вы вернётесь к своей работе.

То, что в ближайшее время «всё уладится», Арсен знал почти наверняка. Он даже знал, как именно будет происходить это – увидел во сне ещё до того, как за ним пришли из военкомата. Такие сны отличались от обычных какой-то тягучей настойчивостью: с наступлением утра они не исчезали. Они как бы примазывались к хозяину, порой настойчиво преследуя, а порой сопровождая так ненавязчиво и незаметно, что даже забывались на время: на неделю, месяц – до тех пор, пока они не превращались в реальность.

Он видел себя лежащим на нарах в палатке среди угрюмых, заросших солдат. Сам был в штатском, с неизменными своими спутниками – ручкой и записной книжкой, зажатыми в левой руке. Во время сна Арсен силился понять, служит ли он вместе с солдатами или пришёл, как это бывало не раз, делать репортаж с фронтовой зоны... В конце концов появился какой-то маленький офицер и сообщил, что рядовой Чилингарян «свободен и может собирать вещи»...

В действительности всё происходило почти также – те же брезентовая палатка и грубые нары с усталыми солдатами, его потёртые джинсы и куртка коньячного цвета... Наконец, финал с низкорослым офицером.

Единственное, чего не было во сне и о чём Арсен вспоминал с неловкостью за себя – это то, что он не смог скрыть от окружающих – заложников войны, своей радости в связи с перспективой возвращения домой.

Арсен считал, что, проявив, пусть и сдержанную, эмоцию радости, он обидел ребят, с которыми две недели делил грубые нары, порой ложась на них боком и стараясь не менять до

самого утра позы онемевшего тела, чтобы всем хватило места...

Глава 4

Арсена везли обратно в город – напрямиком к человеку, который, как выяснилось позже, и «писал» сценарий злоключений журналиста.

Секретарь в светлой широкой приёмной, седой мужчина явно уже непризывного возраста, по всей видимости, ждал его. Едва Арсен, заросший и забуревший, вошёл, тот встал и направился к двери начальника с какой-то скомканной улыбкой на губах.

– Сейчас доложу шефу, – бросил он на ходу, почти сразу же вышел и пригласил Арсена зайти.

– Заходи, заходи, – «шеф» слегка привстал с массивного под стать ему кресла и с некоторой небрежностью протянул руку. – Как раз только что говорил по телефону с твоим редактором. Ну и растеребила нас эта женщина!..

Жестом приглашая Арсена сесть, он словно спешил оправдаться:

– Командующий был в отъезде, потому и задержались с освобождением.

«Задержались с освобождением»?.. Значит, всё-таки задержали... Значит, в самом деле это был арест», – невольно пронеслась в голове у Арсена.

Он не верил в радушие хозяина большого кабинета. Очевидно, чувствуя это, «шеф» продолжал наседать с невинно-добродушным выражением на крупном, мясисто-румяном лице:

– Перемирие, пусть и долговременное, увы, ещё не мир. Умные головы советуют: хочешь мира – готовься к войне. В армии же не хватает людей. Вот и приходится метаться между военными и гражданскими нуждами, искать компромиссы. И тебе, прошу понять меня правильно, придётся выбирать между армией и твоей газетой...

Нелегко было сразу почувствовать подвох в последних словах, понять их истинный смысл. Да и чиновник, не переводивший дыхания, не давал времени на это.

– Остаётся одна пустая формальность: секретарь покажет бумажку, подпиши её, чтобы отстали и больше зря не тревожили тебя...

Изнурённый ночным бдением на посту и долгой дорогой, Арсен, не вникая особо в содержание, подписал листок. Хотелось скорее избавиться от навязчивого сна, плавно перешедшего в реальность.

Уже через неделю стало ясно, что подписание документа было далеко не формальностью. Утром, когда Арсен выходил из дому, явился старший лейтенант, представившийся командиром резервной роты, и предупредил его, чтобы никуда не выезжал и готовился к трёхмесячным сборам. Он назвал звание, подразделение, должность Арсена – рядовой Чилингарян, второй мотострелковый взвод, стрелок. Перед тем как уйти, ротный записал у себя в тетрадке недостающие паспортные данные резервиста.

Подсунутый «шефом» документ практически означал подписку о невыезде и закреплении на неопределённое время. Разумеется, он ограничивал не только свободу передвижения, но и свободу мысли, а вернее, возможности её выражения. Отвечая за передвижения своего собкора, газета в свою очередь как бы прикреплялась к нему, не имея права увольнять с работы. В документе содержалась неприкрытая угроза: в случае, если подписавший его по получении повестки хотя бы раз не явится в военкомат, то он механически попадёт в ряды армии. Иными словами, корреспондент в любое время мог быть зачислен в дезертиры. Арсен направился к «шефу» и снова был принят без заминок.

– Журналист я или солдат? – бросил он в лоб, едва переступив порог кабинета. – Определитесь, наконец, чтобы я мог либо работать, либо служить.

Сейчас хозяин большого кабинета не был таким предупредительным, как в первый раз.

– Я тут ни при чем... Все вопросы – к Смбату. Это – он... – «шеф» несколько раз повторил имя военачальника, картинно хватая трубку телефона и бросая её обратно, словно собирался куда-то звонить, но никак не решался.

– Поверь мне, больше трёх дней на сборах тебя не задержат... – как и во время первой встречи «шеф» доверительно надвинулся на журналиста, отчего его жирное лицо стало неестественно большим. Однако оно уже не внушало никакого доверия и отталкивало.

– Дело не в трёх днях, – парировал Арсен, – сегодня три дня, завтра – три месяца, а послезавтра – три года. Вы преднамеренно создаёте прецедент того, чтобы власти в удобное для себя время могли оторвать журналиста от работы и распоряжаться им как вздумается. Я не жалуюсь на сборы, я требую равных условий работы с другими аккредитованными

корреспондентами.

– И всё-таки давай не будем забывать о маленьком «но» – у нас всё ещё военное положение. Я сам не освобождён от службы, у меня всего лишь бронь первой категории, а у тебя – второй. И если, не приведи Господь, противник приблизится вплотную к городу, лишь тогда отправлю тебя на фронт. А ровно через три дня за всеми последую и я с автоматом в руках.

Арсен, несмотря на серьёзность ситуации, с трудом подавил в себе готовый вырваться наружу смех. Ему живо представился огромный и неуклюжий визави в своём добротном костюме, при галстуке, с каской на голове и автоматом наперевес...

Из кабинета он вышел с тяжёлым камнем на душе. Перед глазами стояло большое фальшивое лицо. Интуиция подсказывала не верить ни одному слову чиновника. «Разве хватит у тебя духа взять в руки автомат?! Вся твоя суть в беспомощной игре с телефоном, – в раздражении думал Арсен о хозяине большого кабинета. – Удивительно, как такие люди, никогда не стесняющие себя и всё время чинящие неудобства другим, умудряются представляться справедливыми и даже по-своему добрыми?»

Отчётливо он понимал лишь то, что столкнулся с чем-то крайне неприятным и непробиваемым и что вызванное этим тягостно-болезненное чувство вряд ли исчезнет когда-либо насовсем, без следа.

«Работать и работать, писать и писать... Писать то, что подсказывают душа и совесть. Писать, не поддаваясь соблазнам и шантажу, лицемерию и коварству... Вот единственный выход из сложившейся ситуации».

Глава 5

Отец Яны был осторожным и недоверчивым стариком. Жизнь много била его. Он не ломался, но как человек скорее слабый, чем сильный, отвечал на удары судьбы тем, что всё глубже уходил в себя, отчуждаясь от людей и видя в каждом из них потенциального врага. Со временем он превратился в настоящего мизантропа, не признающего ничего из категории абстрактного и возвышенного. Маленькие глаза его, казалось, не выражали ничего, кроме недоверия. Презирая сами понятия «любовь» и «дружба», он не верил и в искренность чувств Арсена к своей дочери. К тому же Яна, родившаяся, когда ему было под пятьдесят, являлась единственным утешением старика после смерти жены. Он лелеял мечту выдать её в большое семейство с патриархальными устоями. У жениха же, да ещё такого беспокойного, не было даже брата на чёрный день. Вдобавок ко всему вокруг шла война, и жизнь человека висела на волоске...

Пока Арсен и Яна встречались, не подозревая ни о чем, отца девушки стали посещать мрачные предчувствия. Поначалу он боялся их, но вскоре свыкнулся и даже начал как-то гордиться ими, потому что был уверен, что они не обманывают его. Гонения Арсена ускорили развязку: сомнения и тревоги родителя переросли в зловещее ожидание чего-то плохого, ужасного.

Теперь предчувствие наушнивало: «Не пара они: оба с характером – не уживутся. Не бывать счастью, долго не протянут вместе».

Старик не стал сопротивляться своему невидимому советчику, наложив табу на свидания.

– Вы будете несчастливы, – отрезал он дочке, попытавшейся возразить ему.

Вскоре, догадавшись, что дочь продолжает тайком встречаться с Арсеном, он выступил с настоящим ультиматумом:

– Или я, или он...

Подчиняясь теперь своему внутреннему деспоту беспрекословно, старик не пожелал даже толком объясниться с парнем. Высокий, сухопарый, он стоял перед Арсеном как-то боком и не смотрел в глаза.

– Она ещё ребёнок, не разбирается в своих чувствах, – спокойно начал старик, потом вдруг отрезал, словно вынося приговор:

– Не любит она тебя.

Арсен старался не выдать того, что творилось на душе.

– Но ведь она утверждает обратное...

– Не любит, просто не решается признаться в этом, – грубо прервал отец Яны. – А если и любит, я заставлю её разлюбить. Всё равно вы будете несчастливы. Хорошо, что я вовремя спохватился: чуть было дом свой собственноручно не разрушил.

Арсена словно током забило, заныл повреждённый от ранения лучевой нерв. Он был

уверен в искренности чувств Яны, и от этого становилось больнее и обиднее вдвойне. Юноша едва сдерживался, чтобы не нагрубить циничному родителю. Старика же понесло:

– У меня не так много дочерей, чтобы разбрасываться ими. Видите ли, любовь у них...

Сегодня любит тебя, а завтра...

Арсен предупреждающе выставил руку:

– Это не ваше дело!

Старик побледнел, оступился, ссутулился. Неожиданно он произнёс с жалкой нотой в голосе:

– Если в тебе есть хоть капля уважения ко мне, оставь её.

– Я поговорю с ней.

Они расстались: каждый при своём и каждый ни с чем. Арсену предстоял нелёгкий разговор со своей возлюбленной.

Раньше, в горячке любви, ему казалось, что секретов между ними нет, что более откровенных и искренних отношений между двумя людьми, тем более разных полов, быть не может. На самом деле всё было гораздо сложнее.

Судя по всему, Яна действительно испытывала настоящее, пусть ещё и не совсем зрелое чувство к Арсену, но всерьёз опасалась за отца, которого, невзирая на его своенравность и причуды, любила немного жалостливой, но преданной, самоотверженной дочерней любовью. Девушка боялась, что если она пойдёт против воли родителя, то старик в самом деле может решиться на что-то серьёзное.

Арсен же с ранней юности берёг себя для настоящей и единственной любви. Ему, романтику, сразу же приглянулась мягкая и улыбчивая девчонка с кокетливыми локонами и ямочками на щёчках. В её синем ясном взгляде парню виделось небо, в периодически загорающихся глазах он находил звёзды.

Теперь они оба были в растерянности. Яна не смотрела ему в глаза, ей предстоял тяжёлый выбор.

– Пожалуйста, уезжай на время из города, – в отчаянии взмолилась она после неприятных объяснений. – Не мучай меня и себя, дай мне возможность забыть тебя...

Девушка зарыдала. Сердце у парня сжалось, что-то в горле стало судорожно искать выхода, но никак не находило его – ни в эмоциях, ни в словах...

Арсен не стал навязывать что-либо девушке. Чувства к ней запутались, теперь больше он жалел её. Конечно, он испытывал и досаду на то, с какой абсурдной лёгкостью, словно карточный домик, рушится, казалось, основательное и рассчитанное на долгие годы, на всю жизнь здание их любви. Больнее же всего было от сознания, что живое чувство приходится приносить в жертву суеверию и глупости.

Арсена мучало и другое: поступает ли он правильно, уступая своенравному родителю девушки? Как это восприняла в душе Яна, которая будучи гораздо младше его, доверилась ему с самого начала, без оглядки? Быть может, втайне она ждёт от него обратного, большей решительности в отстаивании своей любви?.. И как, в конце концов, всё это отразится на её дальнейшей судьбе?

– Как часто мы не замечаем, недооцениваем красоту, окружающую нас, – вспомнил Арсен её слова всего недельной давности. – К примеру, вот эти прелестные цветы, так беззаботно рассыпавшиеся по склонам. А ведь у каждого цветка своя собственная судьба... и, быть может, родились они из чего-то важного...

Тогда она прислонилась к плечу Арсена, сжала двумя руками его правое предплечье, словно не хотела дать ему уйти.

– Представь на минуту, что мы обречены остаться здесь навечно, прямо вот здесь, на бугорочке, где сидим... Раствориться и уйти в землю... Появится ли на нашем месте цветочек наподобие вот этого, пусть и живущего на вековых склонах всего лишь неделю-две, но зато своей собственной жизнью, своей судьбой?.. Или же история нашей любви канет незамеченной в вечность, не оставив после себя ничего?..

Тогда Арсен не понял подтекста слов Яны и затаённую в них тревогу.

– Когда ты рядом, мне ничего не страшно... Ты видишь мои слёзы? Только ты можешь заставить меня плакать. Я не представляю, как можно любить другого. Спасибо, что ты есть...

Арсен тогда не почувствовал за всплеском эмоций Яны надвигающейся беды, о которой пока знала лишь она.

Яна, клявшаяся ему в вечной любви и уверявшая в готовности идти с ним хоть на край света, вынуждена была отречься от него. Потом он часто будет вспоминать последнее

объяснение, её растерянную полуулыбку, слёзы на глазах вместо звёзд, нелепые и неуклюжие попытки оправдаться.

Арсен успокаивал её как мог, однако на душе у него было муторно, самому хотелось плакать, но не было слёз...

Глава 6

Вскоре после неприятной встречи с «шефом» позвонил новый редактор местного официоза и попросил зайти. Арсену предстояло решить довольно деликатный для себя вопрос: «идти или не идти». Идти – значило быть неискренним по отношению к самому себе, совершить небольшое насилие над собой. Не идти, проигнорировать – означало оскорбить пожилого человека, который хотя и подтолкнул, быть может, не совсем осознавая того, журналиста к краю пропасти, заноса его, практически не имеющего отношения к газете, в список «саботажников» – тех, кто отказался работать под его началом, но теперь, по всей видимости, сожалел о случившемся и хотел как-то загладить свою вину. Да и раньше Арсен не замечал за ним ничего плохого, кроме хронического стремления быть при должности.

Юноша догадывался, о чём будет разговор. Действительно, редактор предлагал ему место заместителя. Ту самую должность, которая впоследствии стала предметом спора Арсена с отцом в бессонную ночь.

– Другие мечтают об этом, – словно боясь отказа, редактор спешил перечислить все выгоды предлагаемой сделки, – работа, как говорится, непыльная – редактировать дайджест газеты. Не синекюра, конечно, но под рукой у тебя будут два переводчика... Гонорарами и премиальными не обижу.

Лицо Арсена было холодным, на редакторе же не было лица. В один момент его нижняя челюсть безвольно отвисла, и Арсен пожалел его. Хорошо зная этого человека, он догадывался, как ему, амбициозному и не привыкшему так долго и настойчиво упрашивать кого-либо, тем более мальчишку, в его понимании, стыдно и неловко за самого себя.

В минуты волнения редактор жевал губами и лишь после продолжительного «ы-ы-ы...» произносил что-либо. И сейчас, верный своей привычке, он с искажённым, словно от боли, лицом выдал из себя:

– Не отказывайся, одному трудно, помоги.

Затем, не дождавшись ответа, он тяжело поднялся со своего кресла и, по-старчески кряхтя, направился к шкафу в углу кабинета. Распахнув дверцу, пригласил заглянуть внутрь: на полках лежали матрац и постельное бельё.

– Вот... Иногда приходится даже ночевать здесь...

Роль мучителя не льстила Арсену.

– Я подумаю, – ответил он.

Однако Арсен думал лишь о том, как избавиться от настырного редактора, не очень обидев его. Когда сместили прежнего, неудобного властям редактора, этот, разменявший уже седьмой десяток, радовался как ребёнок. Он и не предполагал, какой тяжёлый груз взваливают на его старческие плечи. И теперь, словно милостыню, просил помощи у того, кого несколькими днями раньше не без его участия пытались взять угрозами и силой.

– И вообще, мне завидно, что ты как вольная пташка... – напоследок старик попытался отшутиться, однако эта фамильярность не понравилась Арсену.

Он пообещал ответить завтра...

В ту бессонную ночь рассыпавшиеся на бескрайнем просторе неба звёзды словно были отражением мириад мыслей-сомнений, которые роились, как сверчки, в воспалённом юношеском мозгу.

«Хорошо, что у звёзд нет основания, что ни к чему они не прикреплены, самостоятельны и независимы, иначе не было бы столь чисто, искренне и убедительно их сияние», – подумал Арсен.

Он размышлял об эгоизме людей и поразительной изменчивости большинства из них. Ради обеспечения себя всевозможными удобствами они были готовы украсть не только эти удобства, но и свободу других, потому что в других они не хотели видеть её, признавать и ценить. Собственную свободу они давно уже либо потеряли, либо продали собственноручно. Променили на удобства и выгоду, стараясь как можно основательнее устроиться в жизни. Свобода в других вызывала у них неприязнь, необъяснимый страх и зависть. Они изощрались в

лицемерии, искренне считая достоинством свои успехи и совершенство в этом... Обиднее всего для Арсена было то, что среди этих людей числилось немало тех, кого именовали словом «журналист».

«Нужно бежать от них. Бежать без оглядки. Бежать к Свободе!»

Мыслям-переживаниям от тесноты, казалось, становилось больно. Арсен поднял взгляд на усеянную звёздами даль – там был простор. Как и люди на земле, звёзды наверху предпочитали жить обособленно: кто семьёй-созвездием, кто уединившись. Последние, наверное, были либо гордецами, либо неудачниками, отвергнутыми звёздным сообществом...

Неподалеку от Большой Медведицы Арсен увидел незнакомую, не замеченную ранее звезду – Мальчика. Он держал наперевес длинное острое копьё. Звёзды вокруг с волнением наблюдали, как близко подходит Мальчик к Медведице, наводившей ужас на всех. Однако всем своим видом тот показывал, что не боится зверя и готов схватиться с ним.

У Медведицы сдали нервы: угрожающе разинув пасть, она коротко зарычала, встала на задние лапы, вытянувшись во весь свой громадный рост, и надвинулась на Мальчика, потянувшись к нему страшными космато-когтистыми лапами. Однако Мальчик ловко вывернулся и вонзил копьё Медведице в бок.

От разъярённого рыка задрожал небосвод, вмиг окрасившийся в кровавый цвет. Затрепетали созвездия и звёзды-одиночки. Собравшись с силами, раненый зверь снова попытался схватить Мальчика чудовищными лапами. Однако мощный встречный удар свалил зверя. Наступив Медведице на шею, Мальчик вонзил острое копьё ей в темя.

Взревела в агонии Медведица, и от душераздирающего звериного рыка, в котором, казалось, больше было досады от полного бессилия перед Мальчиком, с неба друг за другом стали падать звёзды. Вместе с поглотившей всё вокруг непроглядной тьмой наступила мёртвая тишина. Время остановилось. Земля перестала держать людей: они повисли между небом и землей. Великий ужас обуял людей, когда они поняли, что всё переместилось в другое измерение и навсегда лишилось земной опоры.

Не стало больше должностей и общественного положения, и те, которые ещё минуту назад были хозяевами жизни, кто, подчинив чужую волю своей, использовал её во благо себе, кто крал у других свободу ради собственного утверждения, теперь были крайне растеряны и беспомощны. Как рыбы в воде, люди плавали в чернильной невесомости – кто в лежачем положении, кто перевернувшись вверх ногами – и, сталкиваясь друг с другом, стонали от боли. Они изо всех сил кричали о помощи, и от натуги их голосовые связки готовы были лопнуть. Но голос не выходил – они сами не слышали собственного крика. От этого им становилось ещё страшнее...

Вдруг где-то вдаль вспыхнула точка. Она приближалась, постепенно обретая человеческие контуры. Это был Мальчик. От его ореола рассеялась тьма. Вместо копья теперь он держал в руке небольшую книгу, от которой также исходила лучистая энергия. Мальчик раскрыл книгу – люди вдруг встали на ноги, хотя под ними не было никакой видимой опоры. Все стояли, понурив головы, и никто не осмеливался поднять глаза и взглянуть на Мальчика в упор.

Мальчик заговорил. Громадная толпа опущенных голов с боязливой жадностью вслушивалась в каждое его слово. Он словно читал книгу:

– Перводанное Слово, которое было до времени, жило в нём и живо после него, остановило время, чтобы сделалось явным всё, что творилось тайно. Многие из вас отравляли время гнусными выражениями лжи и обмана, не подозревая о том, что слово не исчезает, не теряется в потоке времени, не выпадает из него, сохраняясь в том виде, в котором оно было употреблено, и имеет свойство материализовываться. Вы проигнорировали святое изречение: «От словес своих оправдаетесь, от словес своих осудитесь». Время долго терпело, впитывая в себя лживые речи ваши. Но теперь оно изрыгает их, возвращает обратно вам. Зверь, закрепостивший Слово во времени, пал, и, освободившись от пут своих, Слово вновь стало Судией. И горе тому, кто не относился к Слову как к святыне, кто пачкал его, мутя чистый источник. Восславится же тот, кто остался верен Слову, не поддавшись никаким искушениям...»

Видение исчезло вместе с раздавшимся протяжным воем сирены – патрульные машины хозяйничали на ночных улицах полувоенного города.

Глава 7

Злоключения не убавили в Арсене желания и решимости заниматься «делом жизни» – неблагодарной профессией журналиста, которую он искренне считал своим призванием.

Звёздное видение лишь подкрепило его в этом: он относился к слову бережно, стараясь не произносить его всуе и не утаивать, не глушить его в себе. За это Арсена продолжали «вызывать на ковёр». На этот раз «воспитанием» журналиста решил заняться чиновник пониже рангом. В отличие от «шефа», это был маленький, подвижный человек, хотя, сидя в своем кресле, он казался достаточно внушительным – кресло на винтовом стержне было закреплено в максимально высоком положении. Когда Арсен вошёл, чиновник неожиданно спрыгнул со своего пьедестала и сделал несколько нервных шагов навстречу.

– Господин Чилингарян, я не знаком с вами лично, но очень внимательно слежу за вашими публикациями. И пригласил, чтобы предупредить: в следующий раз я отдам вас под суд.

Наткнувшись на прямой вопросительный взгляд журналиста, он пояснил:

– Вы отдавали себе отчёт, когда писали это: «Народ *голодует* по образу Акопа Мадатяна»?! Это редакция заказывает вам подобные статейки?

Арсен не знал, как отреагировать. Это походило на грубый розыгрыш, фарс. Подобной нелепицы он, конечно же, не мог писать. Между тем чиновник повторил фразу, иронично заключив: «Подумать только!..»

Особенно раздражало Арсена не к месту и неверно употребляемое слово «голодует», на котором его визави почему-то делал особый акцент. Акоп Мадатян был видным общественно-политическим деятелем, погибшим несколько лет назад при невыясненных обстоятельствах. Его трагическая, довольно странная смерть оставалась тайной, из которой рождались самые различные версии. Народ любил Мадатяна, некоторые же из властей предержавших ревновали даже к его памяти.

– Это же элементарная безграмотность: такое не может быть опубликовано в газете, – Арсен старался быть спокойным.

– Тем не менее вы написали это, и газета не замедлила поместить подобную чушь прямо на первой полосе, – маленький чиновник скривил в победной улыбке губы и наконец пригласил Арсена сесть.

Сам же, продолжая прохаживаться по кабинету, принялся было снова произносить со вкусом, очевидно, им же придуманную фразу:

– Народ голоду...

– Покажите газету, – с неожиданной резкостью Арсен прервал его.

Чиновник как-то замялся, однако через миг продолжил в неком трансе:

– Её, к сожалению, у меня сейчас нет. Однако мне достоверно известно, рупором чьих идей является ваша газета... Вот сейчас возьму и позвоню вашему редактору, скажу ей пару ласковых слов. Не посмотрю, что женщина... Раз уж демократия воспринимается как вседозволенность, то для профилактики не мешало бы заставить иного редактора съесть весь тираж номера.

Арсену становилось всё неудобнее. Он понимал, что молчать в данной ситуации неприлично, что если не попробует поставить зарвавшегося чиновника на место, не простит себе этого никогда.

– Вы преднамеренно извращаете смысл моей статьи и всё, что в ней написано. О голоде в публикации и речи не было. В ней говорится лишь о том, что жители района, в отличие от других, муку по талонам не получают и к чести своей решают проблему хлеба собственными силами. Вы сами, наверняка, имеете представление о реальной ситуации в районе.

Чиновник наморщил лоб у переносицы, отчего с его лица вмиг слетела уверенность.

– Нет уж, молодой человек, на кривой меня не объедете! Вы пишете эзоповым языком, и слова ваши можно трактовать как заблагорассудится, – хозяин высокого кресла никак не хотел садиться. – Статья же должна быть без... (он ввернул нецензурное слово, правда, не забыв извиниться перед этим), чтобы была понятна как мне, простите, интеллектуалу, так и простому чабану, пасущему в горах свою отару. Вроде бы вы пишете об обыденных и безобидных вещах, а между строк явный намек: мол, при Акопе Мадатяне всё было гораздо лучше, и народ истосковался по тем временам...

Маленький чиновник отдышался, поправил галстук и, гордо вытянувшись, вдруг воскликнул:

– Да будь сейчас голод, не сидели бы мы здесь и разбирали вашу статью. Голодный люд штурмовал бы сейчас мой кабинет!

Пафос последней фразы никак не подействовал на журналиста:

– Для непредвзятого читателя политического подтекста в данном материале нет. Я всего лишь назвал вещи своими именами, опираясь на факты, предоставленные руководителем

районной администрации. Можете подавать в суд на него, если считаете, что вас оклеветали.

– Его мы трогать не будем, даже если он такую глупость сморозил. Он – наш человек. А вот вас, юноша, поверьте, не поддержит никто, даже редакция, которая так бессовестно пользуется вашей неопытностью.

Арсен встал, давая понять чиновнику, что не желает больше слушать напраслину в свой адрес:

– Я не намерен потакать кому-либо... Что же касается суда, так это – ваше право. Думаю, найдутся аргументы и в мою пользу.

Чиновник почти истерично бросил вслед уходящему журналисту:

– Берегитесь, и вышестоящее начальство разгневано на вас...

У Арсена было чувство, похожее на испытанное года три назад, когда война полыхала вовсю и казалось, что кровопролитным боям не будет конца. Тогда мать Андраника, пропавшего без вести во время того самого боя, в котором Арсен получил тяжёлое ранение, желая узнать в подробностях, как всё происходило, начала эмоционально упрекать Арсена в том, что он не помнит всего в деталях. Она не хотела понять, что Арсен, получивший сразу три пулевых ранения и ожидавший нового удара, теперь уже наверняка смертельного, в тот момент был, пожалуй, в худшем из всех оставшихся в живых состоянии.

Безутешной матери, не видящей ничего, кроме собственного горя, казалось, что от неё скрывают правду. Правду, которую знала лишь война. Ей казалось, что все кругом виноваты в случившемся. Она недоумевала и возмущалась:

– Почему это должно было произойти именно с моим сыном. Чего ему не хватало – роста, силы или ловкости? Он был выше всех вас и при необходимости бежал бы быстрее всех...

Ослеплённая горем мать не могла и не хотела понять, что дело тут не в личностях и физических данных, что во всём виновата война, которая уже изначально составляет свои чёрные списки, где чётко зафиксировано, кому быть раненым, кому – убитым, а кому – пропасть, раствориться в ней. Мать пропавшего не могла понять и того, что война по-своему была права и имела на то право – распоряжаться людьми и их судьбами, раз уж те согласились играть по её правилам. Арсен рассказал ей всё, что знал и помнил, не притворяясь. Но правда была слишком страшна, и потому охваченная болью женщина не верила парню. Она боялась взглянуть правде в глаза – её надломленная психика не выдержала бы этого.

Арсен тогда сделал удивительное для себя открытие: говорить правду – недостаточно, нужно ещё и оправдываться за неё. Оправдываться, так и не доказав ничего, потому что правда очень часто не выгодна окружающим: они предпочитают закрывать на неё глаза, заменяя её неким суррогатом собственной правды.

Так было и в случае с чиновником. Но если боязнь правды женщины, потерявшей сына, обуславливалась материнским чувством, то второму случаю трудно было найти какое-либо человеческое объяснение – тут всё было грубо, примитивно и лицемерно.

Арсен невольно вспомнил другого госслужащего, покладистого и благообразного человека средних лет, также внимательно следившего за его публикациями. Он всегда тепло приветствовал журналиста и как-то признался:

– По специальности я филолог, люблю и уважаю журналистов, но имею одну слабость – обожаю замечать огрехи, которые, увы, нередко допускают ваши собратья по перу. А вот у вас всё нормально, не придерёшься. Продолжайте в том же духе. Всегда рад услужить вам...

Однако, выходит, что охотники придраться были. Сами угрозы чиновника-самодура, скорее, позабавили Арсена. Задел неприкрытый цинизм, с которым тот доказывал свою правоту. Арсен знал, что каждый год в день гибели Акопа Мадатяна не кто иной, как тот же чиновник, произносит публичную речь на его могиле, аккуратно перечисляя все заслуги деятеля в национально-освободительной борьбе. Теперь же, сбросив маску, он предстал совершенно другим, понимая, что в эту минуту у оппонента нет достаточных возможностей отстаивать свою правду.

Лицемерие чиновника журналист воспринимал как личную обиду. «Патриотизм – прибежище негодяев», – навязчиво вертелась у него в голове цитата...

Вместе с тем Арсен отметил про себя, что на руководящих постах было и немало настоящих патриотов, которые в своё время с оружием в руках встали на защиту родины, с честью прошли всю войну и сейчас пытались поднять страну из руин...

Глава 8

Узнав о погроме редакции газеты в Ереване, Арсен, несмотря на предупреждение не покидать город, решил ехать. Он не принадлежал к той категории людей, которых, во всяком случае в юности, как огонь мотыльков, неудержимо влечёт опасность. Однако, когда дело касалось чести, Арсен шёл на риск, не задумываясь.

Когда летом 1992-ого его, замурованного в гипс, с лиловой от ожогов спиной и, казалось, одними живыми огромными глазами на исхудалом, заросшем густой бородой лице доставили на специальном вертолёте для тяжелораненых в большую столицу, коллеги-журналисты, словно сговорившись, стали выдумывать про него разные мыслимые и немыслимые истории, и вскоре Арсен был окружён ореолом «исключительного парня».

– Так это вы и есть легендарный Арсен Чилингарян?! – воскликнула молоденькая нештатница, случайно познакомившись с ним в редакции. – Ребята так много о вас рассказывают... А правда, что...

Девушка начала оживлённо пересказывать то, что слышала от других.

Арсен с любопытством узнал о себе много «нового». Большая часть была совершенным вымыслом. Согласно этим легендам он, зная, что идёт на верную гибель, записался в отряд «смертников», а получив тяжёлое ранение, несколько суток пробыл к своим. Ему приписывали и другие подвиги, внешне более эффектные, но по сути уступающие реально имевшему место с его исключительной внутренней напряжённостью и сконцентрированностью опасности.

Людам нравилось приукрашивать всё, создавать небылицы и верить им. Не спрашивая, Арсена поставили на пьедестал, с которого, казалось, он теперь не имел права спускаться. В изнеженной и прагматичной большой столице на него смотрели как на нечто диковинное, и любое проявление обычной человеческой слабости или просто похожести на других могло разочаровать окружающих. И поэтому Арсен, старавшийся относиться ко всему этому философски и не позволять самому уверовать в то, что приписывали ему люди, знающие о войне лишь понаслышке, чувствовал себя в большом городе не совсем уютно.

Здесь он рисковал стать «белой вороной». словно в огромной, не имеющей конца лихорадочной гонке, столичная молодёжь скользила по жизни на бешеной скорости. Судорожно боясь падений, она удосуживалась только смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться вдруг, не отстать от других, от самой жизни и её темпов. Однако, не осознавая того, всё больше увязала в тине сиюминутной пошлости, в болоте обывательщины, где проявление чего-либо искреннего часто воспринималось с недоверчивым удивлением и даже завистью.

Арсен же не относился к другим с предвзятой недоверчивостью, как это было принято в большом городе, заранее не настраивал себя на то, что окружающие стремятся обмануть и навредить, не страховался на этот случай. Именно этим он в итоге и выигрывал. «У тебя есть звезда, – говорил один из университетских сокурсников. – Ты излучаешь нечто такое, что безотчётно располагает к тебе».

В первое время учёбы в столичном университете Арсен, будучи максималистом в дружбе, поражался неприкрыто-вызывающей фальшивости и переменчивости отношений между студентами. Один из сокурсников, едва познакомившись с ним, стал проявлять знаки дружеского внимания. Заметив, что Арсен держит свои наручные часы в кармане без ремешка (такая привычка была у него со школы), приятель принёс на следующий день железную цепочку и на лекции, как бы между прочим, предложил: «Нравится?.. Бери, они в самый раз к твоим...»

Скорее из желания не обидеть парня Арсен принял подарок, отметив про себя его внимание и заботливость и уже думая о том, как отблагодарить. Но к концу лекции, не отрываясь от конспектирования, товарищ неожиданно намекнул, что отдаёт ремешок незадаром, заметив, что он стоит семь рублей. Арсен не поверил своим ушам. Возвращать же «подарок» было как-то неловко. После занятий приятель попросил у него три рубля на такси. Через день он снова обратился с подобной просьбой и не успокоился, пока не набрал желанной суммы.

Познакомившись с Арсеном ближе, сокурсник всячески старался загладить свою вину. Арсен не порвал отношений с ним, но в душе остался крайне неприятный осадок.

В то же время он любил большую столицу: в ней у него были и искренние, настоящие друзья. Однако в целом юноша не доверял ей – она была непостоянная, похожа на его университетского товарища.

Когда почти прямо с передовой Арсена с горящими ранами перевезли на военном вертолёте в большую столицу, врачи взамен того, чтобы успокоить, чуть ли не пригрозили

отрезать руку. В тот миг вместо мёртвых неоновых огней города за окном больницы перед глазами парня встала озарённая зенитками полночь, полевой госпиталь – всего в километре от передовой, две дрожащие, сочащиеся кровью свечи и пара ампутированных ног в сапогах у входа: врачи, увлекшись работой, не успели убрать их. Там, на фронте, где всё было отдано на откуп смерти, где всё приходилось делать на скорую руку, это можно было понять и даже оправдать, тем более, что огромный миномётный осколок практически уже сделал дело хирурга. Здесь же, в мирной и светлой больнице, разделённой от передовой огромным расстоянием, это казалось кошмарным и нереальным...

Правда, на следующий день, когда Арсена стали навещать коллеги-журналисты, редакторы, доценты из университета и даже профессор, врач, кажется, пожалел о своём намерении:

– Не переживайте, всё будет нормально, – успокаивал он.

Однако, «всё нормально» не оказалось. Из-за безалаберности людей в белых халатах кость на предплечье срослась криво. Как-то рассеянно-отвлеченно посмотрев рентгеновский снимок, врач невозмутимо предложил раненому сломать кость и сращивать её заново, как положено...

Терпение Арсена лопнуло: он не стал дожидаться окончания назначенного полутрехмесячного курса лечения и, стиснув зубы, сорвал с руки гипс вместе с глубоко вросшими в него волосами. Вызволённую наконец из плена немощную, закрученную подобно жгуту, почти неподвижную и бесчувственную руку Арсен стал восстанавливать сам. В качестве гантели вначале он использовал первый попавшийся на глаза удобный предмет – футляр пишущей машинки. С трудом зажимая рукоятку футляра в безвольных, негнущихся, словно набитых ватой пальцах, преодолевая режущую боль в плече и под лопаткой, Арсен тщетно пытался приподнять руку, которой ещё месяц назад спокойно жал двухпудовую гирию...

Позже двоюродный брат-иглотерапевт, пытаясь восстановить Арсену повреждённый лучевой нерв, ежедневно сверлил ему толстыми, нарезанными иглами кулак между костяшками, приговаривая:

– Ничего-ничего, терпи... Представь, что ты оказался в фашистском плену и тебя пытаются.

Грубая шутка родственника понравилась Арсену. Она была лучше ласково-равнодушной лжи врачей больницы. Арсен безмолвно переносил тупую тошнотворную боль, через которую рука постепенно обретала чувствительность.

В этой перебитой, но медленно возвращающейся к жизни части человеческой плоти было много философии. Переломы говорили о том, как хрупок человеческий организм и какую страшную разрушительную силу несёт в себе кусочек металла, придуманный человеком для уничтожения себе подобного. Криво сросшаяся кость свидетельствовала о безответственности и бездушии некоторых врачей, облачившихся в белые халаты вместе с клятвой – не навредить, более того – о равнодушии общества к тем, кто ценой своего здоровья и жизни защищает его. Но, восстанавливаясь практически самостоятельно и постепенно уподобляясь другой, здоровой, раненая рука, наряду с недюжинной волей и тягой к жизни, свободе и самостоятельности, выказывала своё презрение к этому равнодушию.

Арсен знал о случаях на войне, когда для того, чтобы спастись, человек сам отрезал себе руку или другую часть тела, попавшую в ловушку смерти. Но оказалось, что восстанавливать почти уже потерянную руку не менее сложно и больно, чем сознательно жертвовать ею.

Глава 9

Большая столица переживала не лучшие свои дни. Со времени последнего приезда она показалась Арсену ещё более неприятно изменившейся: общественные места, наводнённые праздной, делающей примитивный уличный бизнес толпой; плачущие в подземках метро гитары и аккордеоны, молодые хозяева которых в одночасье оказались на обочине жизни; нищие, жестами и вслух просящие подаяния; пожилая женщина, предлагающая бездушному торговцу на рынке обменять на гроздь винограда свой полублокадный очерствевший ломтик хлеба – десятую часть буханки, полученную по талону после многочасового простаивания в очереди... Общая растерянность и бессилие перед неопределённостью не только будущего, но и настоящего.

Полублокадная столица 1995-го жила в тяжёлую годину перемен – основательной ломки всего ранее существовавшего: не только политического и социально-экономического уклада, но и общественного сознания и морали.

На руинах развалившегося с неожиданной лёгкостью монументально-монолитного социализма пустил дикие ростки капитализм. Подобно сорняку, он нагло заполнял собою любое

свободное пространство. Буквально на каждом шагу появлялись небольшие торговые пункты с небогатым, порой совершенно одинаковым ассортиментом предлагаемого товара, часто весьма сомнительного свойства. Новоявленные бизнесмены, которых раньше называли бы презрительно «спекулянтами» и наверняка запрятали бы за решётку, сейчас явно гордились своим ремеслом. Арсену не нравилось, что эти лавочки носили человеческие имена, по всей видимости, хозяев или их детей: «Армен», «Карен», «Артур»... Такими именами в его родном городе называли улицы, скверы и школы в память о погибших на войне героях.

Проходя мимо одной из лавочек, Арсен стал невольным свидетелем следующей сцены. Девчонка лет пяти слёзно просила мать купить ей жевательную резинку. Та, пытаясь унять ребёнка, потащила его прочь, приговаривая с какой-то безысходностью: «Лучше бы твой отец погиб на фронте, тогда, может, и нам пособие досталось бы».

– Вот так, братец, кончилась война, а с ней и героические времена прошли, – обмерив Арсена с ног до головы оценивающим взглядом, стал объяснять усатый здоровяк средних лет за прилавком. – Теперь каждый сам по себе, чужое горе никого не волнует...

В большой квартире редактора, Эллы Робертовны, в самом центре столицы было темно и холодно. Уже который год город не отапливался. Электричество же, согласно графику веерных отключений, подавалось два раза в сутки: час утром и час вечером. Под тусклым светом керосиновой лампы редактор подогрела ужин на газовой плите (газовый баллон являлся дорогим удовольствием и был по карману далеко не каждой столичной семье).

– Налей коньячку. Мне, пожалуйста, совсем немного, – редактор положила перед Арсеном тарелку, половину которой занимала жареная картошка, половину – гречка, своеобразный деликатес в послевоенных условиях. – Радик умудрился растянуть туговку, которую ты прислал под Новый год, на целый месяц. Слово лекарство принимал: по два-три глотка в день. Меня и близко не подпускал... Ой, я заговорила тебя... Ты кушай, детка, кушай.

Элла Робертовна проявляла к Арсену родительскую нежность. Своим отношением она словно старалась заменить ему мать, которая скончалась в те дни, когда Арсен, едва окончив университет, поступил на работу в газету. Редактор уговаривала его остаться в столице, далёкой от фронта. Арсен не согласился, но столица не отпустила его: спустя месяц после похорон матери он был доставлен сюда с тяжёлым ранением. Элла Робертовна теперь уже настаивала, чтобы Арсен остался. Делать этого Арсен не мог: сейчас в родном городе были уже могилы не только погибших друзей, но и матери. Там шла война, и он считал предательством остаться в стороне от роковых для родины событий.

– А если опять подстрелят? – почти взмолилась редактор.

Арсен не заметил, как в ответ на чувство какой-то трепетной ответственности этой женщины к нему в душе у него выросло схожее чувство, пожалуй, более сложное, чем любовь. И теперь, когда реальная опасность нависла над самой газетой, он вернулся, чтобы быть рядом с редактором.

Выпили за встречу. Элла Робертовна стала откровенней:

– Я питаю к тебе нежные чувства. Извини, если в повседневной суете в редакции не успеваю оказывать знаки внимания... Ты не представляешь, как тяжело быть женщиной-редактором.

Между тем Арсен не знал, как подступиться к вопросу, терзавшему его. Он понимал, что произнести его будет не в силах. Одна мысль о том, что на эту женщину, к которой относился с не до конца осознанным, болезненно-сильным чувством, могли поднять руку, ужасала его. Чутьём, свойственным, наверное, только женщине, она угадала, что творилось в душе у юноши.

– Да, меня избили, – ответила она на невысказанный вопрос.

Арсен положил вилку. С полминуты длилась тяжёлая пауза. Оба старались не глядеть друг другу в глаза.

Редактор, казалось, была смущена собственным признанием:

– Только, пожалуйста, не говори об этом при Радике. Муж до сих пор не знает... Да ты ешь, остывает...

Арсен механически взял вилку обратно, но ему уже было не до еды. Удержаться от вопросов теперь он не мог, хотя понимал, что, задавая их, будет мучать и женщину, и самого себя.

– Неужели никто из ребят не подрос на помощь?

По растерянной полуулыбке Арсен понял, что она не хочет говорить всей правды.

– Это было уже после работы. Задержалась посмотреть материалы очередного номера. Тут они и ворвались. Четверо... Я кричала... но никого из наших уже не было...

Арсен молчал. Внутри у него всё горело от обиды и бессилия. Воспалённое воображение дорисовывало то, о чём недоговаривала редактор. Конечно же, в тот момент в редакции кроме неё были ещё сотрудники и её не могли не услышать – просто смалодушничили.

– Обиднее всего то, что все они мне в сыновья годятся, мальчишки... Впрочем, я догадываюсь, кто их мог прислать. В последнее время мы успели нажать себе «авторитетных» врагов...

– Жаль, что меня не было рядом, – эти слова вышли у Арсена как-то сами собой. – Вы мне как мать...

Последнюю фразу он произнёс едва слышно.

– Ой... – редактор смущённо опустила голову. Какая-то жалкая складка появилась у неё на переносице. Потом, собравшись, она посмотрела на него с выражением нежной благодарности.

– Ты, пожалуйста, кушай... Попробуй вот это, – она положила в почти нетронутую тарелку капустный салат. – Ты береги себя... Мне будет очень тяжело, если с тобой что-нибудь случится...

Наконец пришёл муж редактора, и вместе с его непринуждёнными разговорами ситуация разрядилась.

– А-а-а, без меня пьёте?! – бросил он прямо с порога, картинно подбоченившись в дверном проёме.

Подсев к столу, он почти фамильярно начал:

– А я представлял вас совершенно другим, взрослым, а вы, оказывается, мальчик. Эля много рассказывала про вас... Впрочем, по тому, что пишет человек, можно определить, какая у него душа. Меня порой слеза прошибает, когда читаю ваши очерки о героях. Они у вас такие незащищённые, обречённые...

Повеселевшая от коньяка, Элла вдруг вставила, круто сменив тему и настроив разговор на игривый лад:

– Жени парня. Ты не против, если мы станем родственниками?

Радик испытующе посмотрел на Арсена:

– Хм... сколько тебе лет?... Двадцать семь?... Так... А по гороскопу кто?... Лев?... Ну, извини, брат, на Льва ты не похож – слишком скромный и стеснительный.

– Да, он – исключение во всём, – произнесла жена.

– Хорошо, придумаем что-нибудь, – шутил Радик с серьёзным выражением раздумывающегося лица. – Есть на примете одна: Стрелец, тоже знак огненный. Надеюсь, она поразит стрелой Амура твоё сердце...

От редактора Арсен ушёл поздно. После весёлых разговоров, подогретых хорошим коньяком, ему полегчало. Парень старался не дать своему разгоряченному воображению построить из сбивчивых слов женщины нечто цельное об инциденте в редакции. Он многое бы отдал, чтобы неким волшебным образом стереть этот эпизод из прошлого или же предотвратить его. Сейчас Арсен не мог и представить себе, что через неполный год эта женщина, всё время трепетавшая за него, почти хладнокровно предложит ему уйти из редакции.

– Ты нажил себе много врагов, и я всерьёз боюсь за тебя... – скажет она. – У нас не тот уровень, чтобы защитить тебя. И если ты уйдёшь, я не сочту это за предательство...

Он в ответ усмехнётся и скажет, что в защите не нуждается. Однако через месяц редактор позвонит и сообщит, что из-за серьёзных финансовых проблем в газете ожидаются сокращения, под которые наверняка подпадёт и штатная должность собственного корреспондента, и Арсен, не обвиняясь, станет настаивать, чтобы его уволили немедленно...

А пока, убедившись, что в редакции всё спокойно, Арсен вернулся в родной город.

Глава 10

В отличие от большой, малая столица жила устоявшейся, уже ставшей для неё привычной и обыденной полувоенной жизнью. Для горожан до тридцати пяти лет она была своеобразной большой казармой. Резервистов ожидали очередные сборы, которые проводились каждый год в самый разгар весны. Некоторые из военнообязанных уволились из армии всего месяц и даже неделю назад. И теперь, в самый полнокровный период жизни природы и человека, им, уже в статусе резервиста, вновь предстояло на целые месяцы отказаться от всего личного: забыть на это время все свои планы и заботы, чтобы с оружием в руках, казалось, прилипшим навечно к человеку, став его органической частью, отправиться в суровые горы на севере края, на самый опасный участок, который, спасаясь от жестокого человека, давно уже покинули его исконные

хозяева: серны, дикие козы и медведи.

В самом городе чувствовалось общее недовольство войной, которая лишь притворялась, что кончилась. Люди устали от затянувшейся военной судьбы, от жизни с её неопределённостью. Порой, когда война сильнее сжимала человека в своих жёстких тисках, живому казалось, что мёртвым лучше. Однако, освобождая от жизненных пут, смерть порой вгоняла мёртвых в ещё большую тесноту, обиду и недоумение.

Однажды Арсену пришлось делать репортаж с линии передовой, где производился обмен трупами. Они были уложены штабелем в кузове грузовика. За неделю, пока лежали неубранными в поле под дождём, трупы противника успели изрядно испортиться. Почти все были восемнадцатилетними юнцами, которых, словно в агонии, терпящий тяжёлые поражения противник отправлял на фронт, не теряя времени даже на элементарную подготовку. Души этих одетых в одинаковые серые шинели юнцов, наверное, не успели даже толком обидеться и лишь удивились тому, что им суждено было родиться, чтобы так скоро и нелепо умереть. Тогда Арсен трупы не сфотографировал, а репортаж составили всего несколько слов и цифр – статистических данных, за которыми стояли человеческие жизни и живые души...

Над живыми же словно висел некий большой УПРЁК, вобравший в себя сотни упрёков на конкретных людей – политиков, дипломатов, военных, которым, казалось, нравились притворство войны и неопределённость ситуации, на военкоматовского работничка – «тыловую крысу», как называли его бойцы, то и дело появляющегося с длинными списками перед опалёнными войной, узнавшими на себе почём фунт лиха ребятами, чтобы зачитать их фамилии, распределённые по подразделениям. В этих списках войны Арсен Чилингарян числился во второй роте рядовым пехотинцем-стрелком...

Второй день Арсену нездоровилось. Он никак не мог добить статью, за которую взялся ещё в начале недели. Едва выводил несколько строк, голова тяжелела, а авторучка валилась из рук.

Время клонилось к полночи. Арсен уже собирался лечь, как зазвонил телефон.

– С кем я говорю? – не поздоровавшись, спросил кто-то на другом конце провода приглушенно-бесцеремонным басом.

– А кого вы хотели?

– Братишка, позови-ка Риту, – грубый с растяжками голос продолжал фамильярничать. В один момент он показался Арсену знакомым.

– Меружан?.. Ты?

Трубка не ответила.

– Перестань кривляться. Опять ты за старое? – с напускной злостью произнёс Арсен, почти уверенный в том, что его разыгрывает один из старых знакомых.

– Это не Меружан, – в трубке наконец заговорили, – но если узнаю, кто ты, тебе...

В ответ на произнесённое в конце невидимым собеседником неприличное слово Арсен неожиданно для самого себя выразился похлеще.

– Ну ты залетел, парень! Сейчас я вычислю твой адрес, тогда узнаешь, с кем имеешь дело, – на том конце провода послышались нервные гудки.

Арсен был настолько слаб и не в духе, что даже не стал осмысливать эту странную ночную перебранку. Сейчас он думал лишь о том, чтобы скорее завалиться в постель и отключиться до утра. Однако через минуту телефон зазвонил снова – с какой-то особой требовательностью.

– Братишка, давай встретимся... Прошу тебя, – ночной голос невероятно смягчился: хозяин явно сменил тактику. – У меня тут блокнот. Видно, потеряли. В нём записан и номер твоего телефона, а напротив – имя Рита. Я ищу владельца.

– Никакой Риты здесь нет. И блокнота я не терял. Извини, ничем помочь не могу.

– Слушай, мне нужно кое-что уточнить. Давай встретимся.

– Утром встретимся.

– Очень прошу, давай сейчас, – трубка почти взмолилась.

Арсену было крайне неприятно слушать этот неестественно фальшивый голос. И, скорее, чтобы избавиться от него, ответил:

– Ладно, минут через десять на кольцевой...

Арсен заставил себя накинуть на плечи куртку. Выходя, он бросил взгляд на настенные часы – три минуты до наступления полночи...

На пустынных улицах полувоенного города горели редкие уцелевшие фонари. Арсен

встал под одним из них, на самом видном месте кольцевой, разводящей улицы во все четыре стороны. Было достаточно свежо. Он прождал с четверть часа. Кто-то словно испытывал его терпение. Пробирали холод. Другой на его месте непременно закурил бы. Но Арсен не имел такой привычки, он никогда не курил, занимаясь с малых лет спортом...

Наконец ночную тишину стал резать издали мотор. Вскоре появились и огни фар, предварившие красную «Ниву». Однако машина проехала мимо и, обогнув кольцевую, притормозила на противоположной стороне улицы. Арсен понял, что сидевший рядом с водителем, лица которого невозможно было разобрать, наблюдал за ним. Через пару минут машина резко тронулась, двинувшись обратно вверх по улице.

Тот, кто столь настойчиво добивался немедленной встречи, явно не спешил появляться.

Арсен уже собирался уходить, как, блеснув фарами, почти бесшумно подкатила «шестёрка». Из распахнувшихся одновременно дверей машины вышли двое. Арсен знал их – это были люди «шефа». Они молча протянули руки для приветствия. Один из них, напоминая глыбу, с некоторой демонстративностью держал блокнот. Убедившись, что Арсен один, он незаметно подмигнул товарищу, и тот отошёл. Затем раскрыл блокнот, повернув его на тусклый луч уличного фонаря. В ряду телефонных номеров на первой странице записной книжки, действительно, был и номер Арсена. Напротив стояло имя – Рита. Человек, похожий на глыбу, стал уверять, что позвонил посреди ночи, чтобы в самом деле выяснить, кто является владельцем блокнота. Арсен заметил, что все номера были записаны одними и теми же чернилами и с очевидной небрежностью, на скорую руку.

Вдруг, захлопнув блокнот, человек-глыба злобно бросил:

– Что это ты по телефону материшься?!

И, не дождавшись ответа, въехал Арсену со всей силы в левую скулу. Таким ударом в кинофильмах, по идее, герой валит быка. Арсен же, к явному изумлению визави, даже не оступился. Далее всё происходило ещё более неожиданно. Правая, здоровая рука Арсена, которая словно вобрала на время в себя всю силу и ловкость раненой левой руки, как-то самостоятельно-механически стала забивать опешившего противника натренированными во время каждодневных спортивных занятий ударами. Едва прикрываясь от них, тот начал в растерянности пятиться – до тех пор, пока не упёрся спиной о перила по краю тротуара. Обернувшись назад, он с беспомощностью ребёнка стал звать, не голосом, а глазами, своего товарища, уже было севшего в автомобиль. Тот, ошарашенный подобным оборотом дела, крикнул в адрес Арсена надтреснутым голосом:

– Эй, парень, остынь!

Арсен допустил ошибку, близко подпустив второго. Воспользовавшись оплошностью, тот крепко обхватил журналиста за плечи. Тем временем первый уже пришёл в себя и, очевидно, получив знак от товарища, снова перешёл в наступление.

– Ты кого бьёшь?.. Тебе что жить надоело?!

В Арсене вскипели все прежние обиды, связанные с хамами-чиновниками и их приспешниками. Один из них, явно выполнявший начальственное поручение, сейчас стоял перед ним.

– Смотри, пёс, надорвёшься на службе у хозяина, – последовал ответ.

Матерясь, здоровила подскочил к своему противнику. Его товарищ ещё крепче зажал плечи Арсена. Вдвоем им удалось справиться с журналистом: били остервенело, куда попало – по лицу, животу, почкам... Арсен успел нанести пару ответных ударов. Напоследок он нашёл в себе силы выдохнуть мат в адрес своих обидчиков.

«Крысы и перестраховщики, не способные поговорить по-мужски, один на один. Вы ещё получите своё!..»

Арсен не заметил, что пока в горячке он обещал отомстить, Звёздный Мальчик, давно уже почти неприметно обитавший у него в душе, покинул его.

Уходя же, Звёздный Мальчик укорял про себя Арсена за слабость: «Нельзя низводить Будущее до настоящего...»

Глава 11

Густой туман окутывал гору, и, когда ребята, ещё пару часов назад изнывавшие от июньской жары, наконец достигли самой вершины горы Мров, неожиданно повалил крупный снег.

Здесь была совершенно другая жизнь – обособленная, неприступная и гордая. Внизу

плыли облака и летали птицы, и ребята (среди них и Арсен), сами немного гордые от сознания покорения трудной высоты и некоторой причастности к судьбе исторического высокогорья, написали на клочке бумаги свои имена, засунули листок в бутылку, закопав её в глубоком снегу, который не таял здесь даже жарким летом...

Трёхмесячные военные сборы начались в апреле – в тот самый период, когда, окончательно оправившись от зимнего оцепенения, природа, как кокетливая женщина, требует особого внимания к себе. Однако война вносила дисгармонию во всё окружающее, заставляя трепетать перед собой всё живое. словно вооружаясь против самой войны и чувствуя себя увереннее с оружием в руках, человек не спешил менять мечи на орала, откликнуться на зов цветущих садов и исходящих паром полей, соскучившихся по заботе и уходу. Оружие и человек, казалось, срослись в одно органическое целое.

На суровом высокогорье Мровского хребта время словно остановилось. Однако спокойствие было обманчивым: в горах затаилась смерть. По обе стороны усеянного минами лесистого ущелья где на километр, где меньше отстояли посты застрявших здесь из-за ненасытной войны вооружённых людей. Порой раздавалась автоматная очередь. Она была ненаправленной, практически безопасной и часто безответной: противники лишь проверяли бдительность, как чужую, так и свою. Мир перемирия, а иначе – война нервов, продолжался.

Солдатам в горах приходилось жить подобно зверям в норах. На военном языке эти нехитрые на первый взгляд сооружения называются блиндажом: здесь бойцы укрываются от дождя и холода, готовят еду, питаются и отдыхают. И несмотря на внешнюю свою примитивность, это сырое, тесное и низкое солдатское общежитие, где возможно передвигаться лишь пригнувшись, – вещь сложная и капризная. Нужно неустанно заботиться о том, чтобы печка не дымила, не кололись нары, сооружённые из грубого дерева, не развелись насекомые-паразиты. Но самое главное, чтобы крыша не протекала. Решить эту задачу, имея под рукой лишь дерево, землю да траву, нелегко. В горах же, где дождь порой непрерывно льёт целую неделю, и суперкрыша из утоптанного многослойного дёрна бессильна. Накопившаяся за такой мини-сезон в земляном потолке влага трансформируется в продолжительный внутренний «дождь», в то время как снаружи всё кругом снова изнывает от жары.

Нештатных ситуаций на передовой – хоть отбавляй. Впрочем, человек привыкает к ним довольно быстро: он может спать, упорно не замечая капающего прямо в лицо дождя; преодолевать крутые горные подъёмы, на которых гибнет лошадь, не осилив их; добывать себе пропитание, когда кажется, что кругом нет ничего, кроме чертополоха; переносить тесноту и обиду в сырых блиндажах, грязных полевых столовых с вечно остывшим чаем, довольствуясь скудным сухпаем. И это, разумеется, не самые страшные испытания...

Три полных месяца, а не три дня, как обещал «шеф», предстояло провести в горах на посту и Арсену, презрев вполне реальную, почти такую же, как на войне, но расконцентрированную и растянутую во времени опасность. Где-то на пути из большой столицы «затерялось» письмо его редакции с ходатайством, обнаружившееся лишь спустя полтора месяца, когда от сборов уже никого не освобождали. К тому времени постепенно отпустили всех тех, кому на гражданке посчастливилось устроиться на работу и за которых заступилось начальство, направив военному руководству письменное ходатайство о досрочном освобождении от сборов. Товарищи всё удивлялись, почему журналиста, единственного среди них, оставляют «мотать на всю катушку». Арсен отшучивался: «Действительно, что-то затянулась моя профессиональная командировка».

Между тем он незаметно подружился с горами, которые высились над белоснежными облаками, пронзив их своими седыми макушками. Ему нравилось, с каким философским спокойствием эти незыблемые создания природы наблюдали за полётом птиц под собой и всем, что творилось внизу. Горы учили быть всегда выше того, над чем удалось подняться и возвыситься, оставаясь при этом понятным и простым.

К концу сборов Арсен вместе с несколькими товарищами покорил вершину горы Мров, одолев почти четырёхкилометровую высоту. Потом он часто вспоминал это рискованное восхождение. И не только потому, что испытал необычные чувства, попав, вопреки законам природы, в течение нескольких часов из лета в зиму (ближе к вершине повалил крупный снег, в то время как внизу стоял июньский полуденный зной), но и потому, что на высоте, казалось, находящейся над временем и пространством, он услышал зов предков и, глядя на свой маленький, покорёженный войной, но гордый край, понял, что это его судьба, судьба его деда, его отца... его будущего сына... «Боже, если мне суждено появиться на свет ещё раз, позволь мне родиться здесь, в Карабахе», – это признание стало откровением для самого Арсена. От этого

ему, стоявшему по колено в нетающем снегу, стало тепло...

Арсен вернулся со сборов грязный и усталый, но на сердце было легко и чисто. Ничего другого, кроме сна, не хотелось. Постель казалась ему роскошью, поэтому он лёг прямо в военной одежде перед книжным шкафом на небольшом жёстком коврикe, свернулся калачиком и почти тут же заснул. Успел лишь вспомнить, что год назад ему пришлось вот так же провести ночь: дом был полон нагрывших коллег-журналистов из Еревана. Они приехали освещать годовщину победы в войне, но единственная тогда гостиница в городе была забита...

Отец же, как и в тот раз, не спал всю ночь: он укрыл Арсена своим одеялом и до утра следил, чтобы оно не сползло и сын не раскрылся...

Глава 12

С тех пор, как позвонила редактор газеты, предупредив, что собирается сократить штатного собкора, Арсен не написал ни строчки. Уже привыкший в свои двадцать восемь лет к самым различным ударам судьбы, он никак не ожидал его с этой стороны. Кто-то из коллег, желая то ли успокоить его, то ли, наоборот, сделать ещё больше, сказал, что газету купил один из влиятельных госчиновников, который теперь «заказывает музыку» и лично следит за подбором кадров.

Дело жизни, которому Арсен ещё в отрочестве решил посвятить себя, теперь казалось далёкой и несбыточной мечтой. Арсен уже не представлял, как можно взять ручку и, непринуждённо зажав её между пальцами, выводить буквы, слова, предложения. Плести паутину слов в пространстве и времени, опутывая ею людей, человеческие судьбы, явления и события, часто, быть может, не имея на то права. Опутывать других и самого себя...

Писать, писать и писать... Сейчас это казалось ему невозможным, и Арсен искренне удивлялся, как в течение пяти лет занимался этим каждый день со страстной охотой. Он молчал, находя в этом не только покой, но и своеобразную свободу. Не стал писать и позже, когда слово, казалось, стало выпутываться из теней, и журналистика оживилась, пополнившись новыми изданиями и лицами.

Он словно оказался между прошлым и будущим, настоящее же пребывало в вакууме и казалось нереальным.

– Ты не имеешь права не писать. Любая газета отхватит тебя с ногами и руками, – говорил тот или иной из бывших коллег, не понимая, как теперь Арсен далёк от них.

Он продолжал молчать, с безразличием отклоняя предложения различных изданий. Теперь Арсен ясно понимал, что невозможно подчинить слово времени, как и обратное – заключать время в плен слова. Он знал, что нельзя обманывать словом время, раболепствовать посредством слова перед временем. Звёздное видение подсказало ему, что слово, брошенное в вечность, сохраняется в ней в первичном своём виде и смысле и, возвращаясь, требует отчёта...

Разглядывая порой ночное небо, Арсен безуспешно искал там Звёздного Мальчика. В такие минуты появлялось чувство, похожее на жалость и тоску по прошлому. Он думал, что вот соберётся с силами, воспрянет духом и вновь, как прежде, начнёт жить настоящим и мечтать о будущем. Но, не находя рядом с Медведицей Мальчика, он снова уходил в себя...

Однажды в городе он случайно встретил Яну, и она попросила немного поговорить с ней. Девушка по-прежнему была очень красива, но Арсен теперь не заметил звёзд в её глазах. Она жаловалась на своего нового друга, винила его в мягкотелости.

– Представляешь, этот слюнтяй заявил, что не пойдёт на брак без согласия матери?! Если так будет продолжаться, я дам ему отвод...

Арсен поймал себя на мысли, что почти не слушает бывшую пассию и не реагирует на её слова. Потом, когда уже разошлись на перекрёстке, он подумал, что хотя бы ради приличия стоило высказать ей нечто вроде сочувствия и поддержки... Арсен невольно обернулся, но Яна уже успела превратиться в маленькую точку, которая не могла услышать его.

Он сначала пожалел, что его девушка, пусть и бывшая, превратилась в пятнышко. Но затем пришёл к мысли, что это даже хорошо, потому что слова, которые он собирался выдать из себя, наверняка получились бы неестественными, неискренними и лишь разбредили бы давно оконченный разговор.

Ещё он подумал, что Яна, наверное, тоже обернулась или вот-вот обернётся и найдёт его маленькой, ничего не значащей для себя точкой. А через минуту, когда они отойдут ещё на некоторое расстояние, вообще не различат в пространстве друг друга. От этой мысли стало неприятно, и дальше он шёл, чувствуя себя крохотным, никому не нужным пятнышком.

«Мал и ничтожен человек в бесконечности времени и громаде пространства, – думал он. – Лишь любовь, словно мощная лупа, увеличивает человека, возвеличивает его. Она находит и сводит во времени и пространстве двух существ, чтобы наполнить их жизнь смыслом и значением, слепить их судьбу... Без любви же человек – ничто».

Потом Арсен склонился к мысли, что разумно и логично, когда человек периодически осознаёт своё ничтожество и ограниченность. Благодаря этому он, пожалуй, больше прикрепляется к жизни, понимая, что не стоит сопротивляться ей.

«Зачем пытаться вернуть прошлое – надо жить настоящим, – Арсен почувствовал, что начинает обретать душевное равновесие. – Нельзя сопротивляться будущему – ведь оно может наступить и без нас».

Теперь Арсен не жалел о том, что через минуту от девушки не останется даже маленького пятнышка, видимого глазу.

«Растворюсь и я, окунувшись в бесконечность времени, доверюсь его течению – разумная волна прибьёт к новому берегу. Главное – не устать смотреть вперёд», – думал Арсен.

«Вперёд, вперёд к будущему! К будущему, где живёт Звёздный Мальчик!..»

Вместо эпилога

Годы спустя шестилетний сынишка почему-то спросит Арсена, заплакал ли он, когда умер его папа? Арсен скажет уклончиво: «Я не умею плакать...»

Сынишка хитро улыбнётся в ответ: «А мне показалось, что когда я назвал имя дедушки, ты чуточку заплакал, одним глазом».

Арсен отвернулся, чтобы малыш не увидел его слёз...

Примечание: * ГСВГ - Группа советских войск в Германии

2007-2009 гг.

Посвящаю памяти деда, пропавшего без вести в годы Великой Отечественной войны

Прыжок

Повесть

Глава 1

Жгут из нервов

Едва переступив порог дома, он, стиснув зубы, оторвал от руки гипс, в который за месяц успели врасти тысячи волос. Боль была чрезмерная и незнакомая – казалось, сдирает с себя кожу. Стерпел, даже не выругался, как обычно делал это при сильной боли. Лишь пронеслось в голове: «Наверное, деревьям бывает так же больно, когда буря вырывает их с корнями».

Арсену стало жалко вызволенную из месячного плена руку – жгут из сухожилий и нервов. Она безвольно свисала, не подчинялась ему, казалась чужой, чужеродной – будто приклеили к плечу что-то искусственное, бутафорское.

Впрочем, поначалу врачи «грозились» вовсе отрезать её. Но сама рука, раздробленная автоматной очередью, словно пожалела хозяина и стала потихоньку заживать: ведь целых двадцать четыре года она была его живой плотью, органичной частью. И всё же кость на предплечье срослась криво – скорее из-за безалаберности людей в белых халатах. Посмотрев рентгеновский снимок, врач преспокойно предложил раненому сломать кость и сращивать её

заново, «как положено». Что-то горячее – то ли возмущение, то ли обида – прилило к сердцу Арсена, терпение лопнуло. Он потребовал выписать из больницы, не дожидаясь окончания назначенного полуторамесячного курса лечения...

Арсен оторвал от руки гипсовую повязку вместе с вросшими в него волосами и с негодованием отогнал чувство жалости к себе, появившееся при виде того, что скрывалось под гипсом. Невероятно истончавшая рука, а вернее, кость, обтянутая кожей, казалась наполовину короче здоровой. Пальцы на уменьшившейся до детских размеров кисти не шевелились. Бесчувственную синюю кожу вокруг ран можно было спокойно, не морщась от боли, колоть шилом или резать ножом. Единственное, что свидетельствовало о наличии в руке жизни, был зуд...

Правда, Арсен вскоре с удивлением обнаружил, что больная рука обрела уникальную чувствительность совершенно иного рода, как бы стала «вторым» органом слуха. Вернее, это было «первое ухо»: прежде чем услышать какой-либо резкий звук, Арсен воспринимал его рукой – этот звук отзывался болью на месте ран...

Юноша раньше никогда не ломал себе руки или ноги, и теперь, помимо непривычности и всяческих неудобств, такое положение казалось ему унижительным, и он хотел поскорее избавиться от навалившихся незнакомых хлопот, войти в обычную колею, вернуться к прежнему ритму жизни. Арсен намеревался не только полностью восстановить раненую руку, но и сделать её сильнее здоровой правой руки. Конечно, это шло вразрез с законами науки и самой природы, но свойственная ранней молодости неутрачиваемая внутренняя буря не позволяла Арсену дать истинную оценку собственным возможностям, определить меру своих сил. В создавшейся ситуации это было даже хорошо, потому что стремление прыгнуть выше собственной головы помогало юноше бороться со своей немощью и продвигаться вперёд наперекор безнадёжности.

В качестве гантели вначале он использовал футляр пишущей машинки – первый попавшийся на глаза удобный предмет. С большим трудом зажимая при поддержке правой руки рукоятку футляра в безвольных, негнущихся, словно набитых ватой, пальцах левой руки и преодолевая режущую боль в плече, Арсен тщетно пытался хотя бы чуточку приподнять руку, которой ещё месяц назад спокойно жал тяжёлые гири...

Глава 2

Часы и сердце

Тик-так, тик-так... Бой часов напоминает биение сердца. Кажется, в один момент они сливаются – стук механических часов и живого человеческого сердца. Оба они отсчитывают время: часы – вселенское время, сердце – время, отпущенное человеку в скоротечной земной жизни. У Арсена вдруг защемило в груди: ему показалось, что часы вот-вот остановятся, а вместе с ними и сердце... Он очнулся от неглубокого сна весь в поту и ощутил привычную тупую наэлектризованную боль вдоль левой части тела – от шеи до стопы. Особенно давило в области сердца – одна из пуль прошла в нескольких сантиметрах от него и, пробив плечо, отскочила рикошетом от задней стенки бронезилета и вошла в лопатку. Её извлекли, рана почти зажила, но жжение осталось. Мучили спазмы, особенно по ночам. Порой так зажимало сердце в тиски (словно смыкалось кольцо вражеского окружения), что казалось, ещё немного, и...

«Ты только будь, пожалуйста, со мною, товарищ Сердце», – до Арсена стал доходить смысл внешне нехитрых строк из песни, выплывшей из его коммунистического детства (тогда эти строки казались ему странными, более того – нелепыми). В конце концов, рвётся там, где тонко. А что такое сердце, хрупкое человеческое сердце, как не мышца, кусок мяса? Ведь и оно однажды может не выдержать, разорваться, перестать биться...

От таких мыслей грудь наливалась тревогой, беспокойством – чувствами, которые сопутствуют физическому ощущению боли. Тоска сосала под ложечкой, казалось, вот-вот высосет из сердца все остатки сил и саму жизнь, удивительным образом поместившуюся в этот небольшой мускульный мешок. Душа съживалась в комочек, вызывая ощущение потерянности и безысходности. Всё казалось бессмысленным и бесполезным. В такие минуты у Арсена неожиданно появлялось и чувство вины из-за того, что выжил в нечеловеческих испытаниях, стоивших товарищам жизни... Ощущение сдавленности в груди усиливалось, затруднялось дыхание, выступал холодный пот. Ещё немного, и... Но человеческий организм – сложный механизм саморегуляции, который даже в почти тупиковой ситуации подсказывает, как надо

поступать и куда стремиться. И вот сквозь густые тучи, окутавшие душу, начинает пробиваться лучик, наверное, надежды. Душа постепенно разжимается, встряхивая с себя тревоги и сомнения, и над открывшейся перед духовным взором поляной выглядывает солнце...

Тик-так, тик-так... Часы невозмутимо отсчитывали время, и Арсену вдруг подумалось, что если обычного, здорового человека каждая новая минута приближает к смерти, то идущего на поправку тяжелораненого, наоборот, отдаляет от неё и возвращает к жизни. Эта парадоксальная мысль стала настоящим открытием для юноши...

Стрелки показывали половину пятого. Темнота за окном была густой и холодной. Тишину нарушал лишь доносящийся издали собачий лай, переходящий в скулёрж. «Подъём» через два часа...

Приходилось всё время лежать на правом боку – таким образом Арсен боролся со спазмами в области сердца. Это давалось нелегко: до ранения у него была привычка ёрзать в постели, переворачиваться во время сна с боку на бок. Спал он вполглаза и точно знал, что полседьмого проснётся. Внутри словно сидел часовой механизм, и даже если порой Арсен настраивал будильник, то за секунду до звонка непременно просыпался и отключал его, чтобы не будить домашних...

Ровно в половине седьмого он открыл глаза. За окном уже было светлее, ощущалось свежее дыхание утра.

«Пора!» – с этой команды Арсен начинал день, который почти целиком был посвящён борьбе со своей немощью и преодолению самого себя. Разбитое тело отчаянно сопротивлялось пробуждению, отяжелевшие веки никак не хотели размыкаться, но сила воли брала своё.

Глава 3

Линия жизни

«...Последствия сквозных пулевых ранений средней зоны левого плеча и нижней зоны левого предплечья с повреждением сосудисто-нервного пучка, плечевой кости и лучевой кости с обширным дефектом мышечных тканей... Огнестрельный консолидированный перелом средней зоны плечевой кости, неправильно консолидированный перелом нижней зоны левой лучевой кости с постоянным болевым синдромом... Полная непроходимость...»

От медицинской бумажки, написанной крайне корявым почерком, разило безысходностью.

«Интересно, почему врачи пишут столь неразборчиво и небрежно? – Арсен отложил эпикриз. – Что это? Пренебрежительное отношение к болезни или больному? А может, неуверенность в себе и диагнозе? Не поступают ли они так, как дети в школе, когда, сомневаясь в правописании, пишут неразборчиво, чтобы можно было принять букву «а» за «о» и наоборот?...»

Арсен не был суеверным, но однажды, ещё в студенческие годы, ему случайно попала на руки книжка по хиромантии. Просмотрев её, он из любопытства стал изучать узоры на своих ладонях. Они предрекали долгую жизнь, но... Но при условии, если удастся преодолеть серьёзное испытание, ожидающее примерно на трети жизненного пути... Удивительное дело: после гипса тоненькая, ранее не существовавшая линия соединила две глубокие линии, обещавшие достаточно продолжительную и благополучную жизнь! Юноша сейчас воспринял это как знак судьбы. Он больше верил тому, что написано на руке, чем на исцарапанных пером медицинских бумажках.

Подспорьем на нелёгком пути преодоления немощи служила книжка о шаолинской традиции боевых искусств – «Управление дыханием ци-гун», за которую в своё время Арсен выложил половину студенческой стипендии.

«Не обращайтесь внимания на зимний пронизывающий холод, на летнюю испепеляющую жару, не оправдывайте себя плохим самочувствием и тяжёлой болезнью, трудностями обстановки, нужно постоянно и усердно заниматься упражнениями, не поддаваясь лени... И если есть у тебя воля, то в результате усилий твоих железная балка сточится до размеров швейной иглки...» – учила книжка.

Когда-то, воодушевлённый фантастическими достижениями шаолинских монахов, Арсен ежедневно занимался по несколько часов внутренними дыхательными техниками и восточными видами единоборств. Но теперь внутренняя сила, которая тогда увеличивалась вместе с

крепнущими мышцами, упиралась в навалившуюся в один миг физическую немощь... Нужно было начинать всё заново.

И начав с самого малого, Арсен стал планомерно увеличивать нагрузки. Футляры, стулья, табуреты вскоре заменили спортивные снаряды. День ото дня он прибавлял диски к съёмной гантели. Резиновый эспандер терял упругость, отдавая последнюю мышцам своего «мучителя». От нагрузок и напряжения рука наливалась страшной тяжестью, казалось, что вот-вот лопнут раздувшиеся жилы. К вечеру юноша нередко валялся как подкошенный. Отгоняя прочь порой мелькавший призрак безнадежности, он часто доводил себя до изнеможения. Мускулы ныли, но кровь кипела и звала на подвиги во имя самозащиты и самосохранения.

Каждый день Арсен неизменно просыпался в назначенный час и с новой решимостью принимался за тяжёлую работу. Постепенно рука обретала прежний вид, возвращалась чувствительность. Поначалу это было неприятное ощущение покалывания и жжения, но оно радовало и вселяло надежду на исцеление.

Разумеется, Арсен не забывал и про здоровую руку, которая сама жаждала привычных ей физических нагрузок и, кажется, на время вобрала в себя всю силу левой, чтобы затем по щепотке возвращать её восстанавливающейся руке. Однажды бабушка застала его отжимающимся на одной руке и поспешила на помощь: ей показалось, что внук упал и никак не может подняться...

Глава 4

Необычный прыжок

Арсен давно внутренне готовился к этому, тем не менее сейчас сильно волновался. Он стоял неподвижно перед турником во дворе и, прикрыв глаза, пытался сконцентрироваться. Было ещё темно и достаточно свежо. Казалось, вместе с сердцем вокруг замерли и звуки, не было никакого движения. Редкие звёзды холодно глядели сверху.

Арсен готовился к прыжку. Служа в армии, он подтягивался на турнике до двадцати пяти раз, хотя для отличной оценки требовалась всего половина этой цифры. Мог подтянуться и на одной руке, для равновесия держась за предплечье кистью другой. Но сейчас была совершенно иная ситуация. Левая рука с трудом поднималась лишь наполовину, к тому же была короче правой сантиметров на десять. Арсен должен был прыгнуть, схватиться правой рукой за перекладину, потом попытаться каким-то образом дотянуться до неё и левой рукой. При этом он понимал, что боль будет страшной, ибо даже простое поднятие руки выше плеча причиняло страдание. Но что оставалось делать? Лишь таким образом можно было растянуть сжавшиеся, укоротившиеся от долгой неподвижности мышцы. Только так – более сильной болью – можно было одолеть боль и немощь.

В самом деле, предстоял необычный прыжок. Юноша понимал, что, подобно вожаку в волчьей стае, он не имеет права на промах. Образно говоря, это был прыжок в будущее: он должен оттолкнуться от настоящего, которое не было ему на руку, и прыгнуть в будущее. Если же вдруг не достигнет цели, то так и останется висеть между прошлым и будущим – хилый, слабый, не нужный никому...

– Овца кормится травой, а волк кушает овцу. Надо быть сильным, чтобы не слопали тебя, – Арсен вспомнил слова одного из боевых товарищей. – Слабых лишь презирают, их даже не жалеют. Когда орёл, выхватив из стада ягнёнка, лихо взмывает под небеса, не жалостью к жертве проникаешься, а невольно восхищаешься хищником...

«Надо быть сильным!..» – эти слова стали сигналом к действию. Сработала некая внутренняя пружина, подбросившая его вверх. Арсен схватился здоровой рукой за перекладину и стал тянуться к ней левой рукой, подтягиваясь правой. Достал, с трудом сжал непослушные пальцы, расслабил здоровую руку и... чуть не потерял сознание.

Предрассветную тишину разорвал крик. Арсен не узнал собственного голоса. Казалось, что кричал кто-то другой – впервые он реагировал на боль подобным образом...

Глава 5

А был ли страх?

«Изгони прочь из сердца страх, а боль сама потихоньку пройдёт», – первое, что сказала Арсену бабушка, навестив его в госпитале.

Эта маленькая, потерявшая в двадцать лет на войне мужа и истрадавшаяся за свою жизнь старушка, всячески оберегала внука с малых лет от боли. В свои шестьдесят с лишним бабушка залезала на дерево за грушами или яблоками, лишь бы огородить от этой опасной затеи Арсена. Она советовала ему, непоседливому ребёнку, не драться с дворовыми мальчишками, беречь себя, «быть осторожным». Арсен поступал наоборот: сам часто провоцировал драки, был первым забиякой во дворе, нередко лез в неравный бой с двумя-тремя мальчишками, ходил постоянно в ушибах и синяках. И, даже будучи побитым, мнил себя бесстрашным героем из любимых сказок и мультфильмов.

Чтобы усмирить его, мальчишки постарше однажды решили устроить показательное судилище. Они окружили Арсена, зачитали «обвинительный приговор»:

«Повесить на суке тутового дерева за тяжкие преступления в отношении детей, собак и кошек двора». Но нелегко было взять Арсена на испуг – он не выказал и тени страха, когда подростки, подтащив к дереву, надели ему на шею верёвочную петлю, напоминавшую ошейник. Арсен успел даже пнуть главу «инквизиторов», который давал команды неестественным писклявым голосом. Правда, из глаз неожиданно брызнули слёзы. Но это были слёзы обиды...

Лишь однажды мальчик дал промах, и этот случай он впоследствии вспоминал чаще всего с определённым стыдом и одновременно с нежным чувством, потому что эпизод был связан с матерью, рано ушедшей в мир иной.

Как-то раз на пути из школы, уже в нескольких метрах от своего двора, на него, второклассника, неожиданно напали двое незнакомых мальчишек-близнецов. До этого он заметил мать, которая, стоя у ворот двора, улыбалась ему. Он осклабился в ответ и уже собирался побежать навстречу, как почувствовал боль в области затылка. От того ли, что мать была свидетелем, или от неожиданности, Арсен растерялся, и мальчишки успели нанести несколько безответных ударов. А спустя миг он увидел мать рядом – она схватила мальчишек за шкуру, и те приняли жалкий вид. Он впервые видел в гневе всегда тихую, кроткую маму, которая не только не поднимала на детей руку, но и голос...

Этот эпизод сыграл свою роль: вскоре Арсен перестал драться, и из мальчишки с петушиным задором превратился в прилежного ученика, уразумев, что агрессивность – далеко не всегда признак силы и бесстрашия, скорее наоборот – слабости и страха...

А был ли страх, о котором говорила бабушка? Оставил ли он свой след в юношеском сознании, наложил ли он отпечаток на психику после того, как война коснулась парня своим чёрным крылом, а смерть посмотрела на него почти в упор?

Конечно, в памяти Арсена навсегда остались боль и кровавый след на, казалось, не имеющем конца многокилометровом пути с места боёв до полевого госпиталя, куда, к удивлению товарищей, Арсен добрался практически сам, молча, не прося кого-либо о помощи. Тогда ему было не до страха, нужно было выбраться, выжить. Сработал инстинкт самосохранения, задействовала заложенная природой программа защиты от саморазрушения. Арсена беспокоило лишь то, что, несмотря на все старания, может просто изойти кровью, что её, как бензина автомобилю, не хватит. Но кровь, к удивлению, не кончалась, и он шёл, оставляя в горячем от летнего зноя лесу непрекращающийся и не менее горячий красный след...

Однако это не был след страха, а путь преодоления страха – путь переосмысления и самоочищения...

Глава 6

Человек и животное

В щель дверцы пышущей жаром печки (в те военные годы, когда в городе не было газа, а электричество подавалось по строгому графику, в каждой квартире топили дровяную печку), выглядывала головешка. Вначале она удивительным образом напоминала оскалившегося волка с горящими глазами. Потом под воздействием огня головешка неожиданно превратилась в рыбу,

скорее – сома. Затем – в бычка. Потом огонь сожрал бычка, оставив на его месте кучку пепла...

Наблюдая за забавными метаморфозами, Арсен подумал, что человеку в жизни порой приходится незаметно для себя трансформировываться в животное, вернее, в зависимости от обстоятельств вести себя как тот или иной зверь. На войне, где человек настолько уязвим, что напоминает воздушный шарик (когда пуля достает человека, жизнь с шумом выходит из него, как воздух из лопнувшего шара), царят волчьи законы, и люди, чтобы выжить, невольно превращаются в хищников. Происходящие в человеке перемены помогают ему самозащититься в ситуациях, выходящих за пределы обычного жизненного опыта и угрожающих физической целостности.

С окончанием войны некоторые снова обращаются в миролюбивых животных, другие же не спешат или уже не в состоянии выйти из шкуры хищника. Различные превращения продолжаются до тех пор, пока жизнь не угасает в человеке, пока время, подобно огню, не пожирает все его силы, влечения, страсти, мечты детства и надежды юности, страхи и боли, связанные с земным существованием...

Печка стала остывать. Арсен открыл дверцу, заглянул в горячий зев нехитрого металлического сооружения, поворошил кочергой головешки, сгрёб их в передней части и наложил на них пару дров. Вскоре они стали шипеть, затем, когда разгорелись, послышался характерный треск, который придает домашнему уюту (особенно по тихим зимним вечерам) дополнительный оттенок, колорит. Наблюдая за игрой огня, Арсен унёсся мыслями в детство, в котором большую роль играла бабушка.

Несмотря на четыре класса образования, она знала много стихов, притч, сказок, легенд и умела так увлекательно и красочно рассказывать их, что персонажи: герои и злодеи, красавицы и чародеи – оживали. Нередко бабушка импровизировала, добавляла что-то своё. Арсен с интересом слушал её байки, но из рассказов старушки больше всего мальчика тронула реальная история отправки на фронт коня Тапала – так прозвали его за большую белую отметину на лбу. После того, как на вторую мировую, Великую Отечественную войну, мобилизовался дед, подоспел черёд и коня.

– Красивый был конь: с огромными агатовыми глазами, роскошной гривой, кроткий и умный, – бабушка всегда приходила в умиление, вспоминая Тапала. – Словно мысли наши читал, чувствовал настроение. Дед твой, будучи агрономом сразу на три села, не обходился без него. Ранним утром они выходили со двора, а возвращались в сумерках. Дедушка жалел Тапала, большую часть пути он шёл пешком рядом со своим неразлучным другом и всё разговаривал с ним как с человеком...

Но постепенно умиление проходило, и исхудалое, сплошь испещрённое морщинами лицо старушки становилось грустным. Арсена пронизывала жалость, когда бабушка рассказывала о сцене прощания с конём. Он представлял себе, что чувствовала тогда маленькая, худенькая женщина, оставшаяся с тремя малышами на руках, глядя на бедное животное, которое было её единственной опорой и поддержкой. В отличие от своих сородичей, Тапал не ржал и не брыкался – не выражал недовольство понукающим. Конь лишь поглядел на хозяйку краешком больших умных, полных человеческой грусти глаз и послушно впрыгнул в товарняк...

Бабушка, конечно же, понимала, что видит Тапала в последний раз и незаметно вытирала слёзы. Внезапно сердце пронзила другая боль – до неё вдруг дошло, что и мужа больше не увидит... Так, человек и преданное ему животное ушли, растворились в вечности.

Боль осталась...

Глава 7

Преодоление боли

Из всех разновидностей страха человеком, которому вообще свойственно периодически чего-то бояться, наверное, чаще всего овладевает страх боли.

Боль и угроза боли сопровождают человека всю жизнь. Боль старается всячески унижить его, подчеркнуть зависимость от себя. Она пробует превратить человека в труса и подхалима. Но однажды существо, обладающее даром мышления и речи, должно собраться с силами, преодолеть боль и, став выше неё, с гордостью осознать себя Человеком, доказать, что не страх является регулятором поступков и действий, а Дух, который зреет и крепнет вместе со становлением человеческой личности.

С момента, когда человек осознаёт, что боль – категория не только физическая,

начинается его взросление. Вдруг он обнаруживает, что больно не только боксёру, пропустившему прямой удар, или же женщине, рожаящей малыша на свет Божий. Оказывается, что и мыслителю порой бывает больно мыслить, а художнику – писать картину, что у поэта стихи часто рождаются из боли...

В отличие от боли физической, боль душевная не ограничена. Такая боль нередко кажется беспричинной, странной и незаслуженной. Вернее, её причину человек инстинктивно ищет вне себя, подобно ребёнку, у которого прорезывается зубик, а ему кажется, что в боли и страданиях виновата ласкающая и успокаивающая его мать. И не каждый готов выносить свою боль, нести её по жизни с достоинством.

Люди умирают на войне и в других экстремальных ситуациях по-разному: не только от смертельных ран, от боли и болевого шока, но и от ожидания смерти, быть может, ложного, от элементарного страха, чаще всего страха боли, невероятной боли. Умирая же, они по-разному относятся к причинённой им боли, нередко диаметрально противоположно реагируют на примерно равную по величине боль.

В одном из боёв на глазах у Арсена погибли трое товарищей. Первому было лет двадцать пять. Пуля попала ему прямо в лоб. Умирая, в агонии парень не кричал и даже не стонал, а лишь звал маму и, кажется, просил у неё прощения...

Второй, пулемётчик, раненный в живот, погибал с улыбкой на губах. Ему не было и девятнадцати, но он успел повоевать – в добровольцы записался в семнадцать лет...

Третий, зрелый крупный мужчина, был ранен осколками разорвавшейся неподалеку гранаты. Весь в крови, он кричал и просил ребят, чтобы не оставили его...

Арсен знал и случаи на войне, когда, спасаясь от смерти, боец, подобно волку, отгрызающему лапу, чтобы выбраться из капкана, отрезал себе руку, попавшую в ловушку смерти. Было и наоборот: чтобы погибнуть достойно и не попасть в плен, солдат, презрев боль и смерть, взрывал себя гранатой, унося неприятеля с собой в мир иной. Имели место и совершенно невероятные, неестественные случаи, когда, к примеру, боец со вспоротым миномётным осколком, словно скальпелем, животом совершенно спокойно разговаривал с товарищами, которые в полуобморочном состоянии, борясь со рвотой, вправляли ему внутренности...

В любом случае, война и смерть, причиняя человеку огромную боль, брали что-то своё – если не саму жизнь, то частичку тела или души. Но далеко не всегда, покалечив человека физически, война была в состоянии сломать его дух. Арсен поражался, как колясочники с парализованными, хилыми, иссохшими ногами, с пластмассой вместо черепа, люди без кисти и ступни умудрялись всегда быть бодрыми, во всяком случае, на людях: веселились, танцевали, сочетались браком.

С той поры, когда страшное увечье зажало их в тиски, задачей и проблемой номер один для них стало уместить себя во времени и пространстве таким образом, чтобы как можно меньше доставлять хлопот и неудобств родным и близким – тем, за которых они собственно и пожертвовали своим здоровьем на коварной войне. Борясь каждую минуту, каждый миг со временем и пространством, пространством, где время словно застыло, и каждая минута – длиною в целую вечность, они умудрялись стать выше боли и заражать окружающих своей жизнерадостностью. И порой казалось, что перед тобой не искалеченная войной молодость, а сказочный богатырь, которому судьбой велено сиднем сидеть определённое время, чтобы затем вдруг встать, расправить плечи и пойти совершать подвиги...

Арсен часто вспоминал и другого мужчину, с дородной фигурой и лицом интеллигента. Из-за нехватки мест в больнице его, страдавшего почечными коликами и не имевшего никакого отношения к войне, положили на пару дней в одну палату с ранеными. Этот здоровила патологически боялся боли, за что его невзлюбили даже врачи и медсёстры. Не стесняясь раненых, он, словно ребёнок, вечно стонал, ныл и брюзжал, упрекая врачей в том, что они якобы оказывают ему мало внимания. Вместе с тем, страх пронизывал все фибры его существа, когда появлялась медсестра со шприцем, чтобы впрыснуть ему болеутоляющее лекарство. Детина становился бледным, как полотно, глаза выпучивались от ужаса, его всего трясло... Всё это выглядело весьма карикатурно, походило на фарс и изрядно веселило раненых. «Надо же, снаружи – лев, а сердце – заячье», – не выдержал один из них.

Чтобы попытаться понять малодушного гиганта, Арсен разговорился с ним. Тот утверждал, наверное, стараясь оправдать себя, что героев как таковых в природе не существует, а есть люди «трусливые» и «более трусливые», которые кажутся на фоне первых героями, ибо вдобавок ко всему боятся и своей трусости, стесняются её и всячески стараются скрыть свой страх...

Переосмысливая увиденное и услышанное, Арсен пришёл к выводу, что человек, скованный страхом, обречён, имеет гораздо меньше шансов выжить в экстремальной ситуации, победить свой недуг, реинтегрироваться в общество. Заполняя в душу и постепенно овладевая ею, страх разъедает человека изнутри, убивает его морально, опуская на уровень животного.

Потому Арсен внушал себе, что его рана – пустяк. Пули всё-таки пощадили его: нерв не был повреждён настолько, чтобы умереть, и сердце не было поражено настолько, чтобы не выдержать. Худо-бедно, но раздробленные кости срослись. Главное – было над чем работать, что и делал он с большим усердием.

Постепенно рука стала заживать. Тошнотворная, наэлектризованная боль, пусть и медленно, но отступала. Рука обретала свой прежний вид. Вслед за большим пальцем зашевелились и остальные, в них возвращалась жизнь, а с ней – и сила. Сила жизни, подкреплённая верой, которая способна двигать горами...

Вместо послесловия

Как-то, уже после войны, Арсену повстречался в городе знакомый – иссохший и сгорбленный, словно спешащий превратиться в старика юноша. В годы войны он устроился в тыловую службу, а теперь занимал какую-то должность в городской мэрии. За те полсотни метров, которые они прошли рядом, попутчик успел объяснить Арсену свою жизненную концепцию.

– Главное в этой жизни – суметь прыгнуть как можно выше и поцеловать кое-кого в одно место. Не всякому это удаётся, тут особая прыть нужна, – говорил он с видом мудреца.

Разжёвывая свою мысль, непринуждённо добавил:

– Надо подличать, дорогой. Согласись, у каждого из нас есть такая способность. Так почему бы не использовать её себе во благо?

Когда Арсен, к изумлению своему, понял, что его попутчик не шутит и не иронизирует, а говорит на полном серьёзе, он искренне пожалел «счастливчика», покоровшего «высоту».

Да, иной раз падающему в бездну кажется, что он взмывает к вершинам своей заветной мечты...

2010 г.

Ожидание

С тех пор, как родная деревня была захвачена противником, Владимир жил одной мечтой – вернуться на старое пепелище, возродить домашний очаг.

Он оставил единственного сына в райцентре у родственников, а сам вернулся в отряд самообороны, который, отступив в лес, готовился к освобождению деревни.

Владимир периодически навещал сына, приезжая вместе с товарищами на старом грузовичке за провизией. Худой как щепка светловолосый мальчишка лет десяти с трудом расставался с отцом, заменившим ему и мать, которую мальчик не видел и знал лишь неосознанно, изнутри, находясь у неё в утробе, – она умерла, произведя его на свет. Однако он провожал папу на передовую с неизменной улыбкой на губах, хотя грусть в глазах выдавала внутреннее состояние. Словно чувствуя, когда грузовичок вернётся, мальчик непременно встречал отца с боевыми товарищами у въезда в город с той же приветливой улыбкой. Бойцы, обросшие и грязные, выпрыгивали из кузова машины и спешили погладить грубыми, заскорузлыми ладонями золотые кудри мальчика. Отец клал видавший виды автомат с выцветшим исцарапанным прикладом на землю и, несмотря на чудовищную усталость, поднимал сына на руки, сжимал его в крепких объятиях и держал с минуту так, словно давал послушать биенье родительского сердца...

Владимиру уже перевалило за 45 лет. Возраст непризывной, и не случайно боевые товарищи называли его Дедом. Образ «деда» дополняла густая с проседью борода, которую он обещал не брить до тех пор, пока не будет освобождена родная деревня.

Тем временем с переменным успехом продолжались тяжёлые бои; всё реже и только с наступлением сумерек приезжала полуторка. Но мальчик непременно находился на своем «посту» у мшистого валуна. Он неизменно встречал с ангельской улыбкой отца и его товарищей, теперь всё более усталых и грязных.

Накануне долгожданного освобождения деревни Владимиру приснился странный сон: вместе с сыном оказывается в глухом незнакомом лесу и, пробираясь сквозь густые заросли, пытается найти дорогу домой. Колючие кустарники, словно злые псы, цепляются за одежду,

сгущающиеся сумерки вот-вот проглотят лес и все сущее в нём. Владимир идёт впереди, с трудом пробивая дорогу, а сынишка, выбившись из сил, плетётся сзади, пыхтит. Но вдруг Владимир перестаёт чувствовать дыхание за спиной, оборачивается и не находит мальчика. Он зовёт сынишку, кричит что есть мочи. Но в ответ лишь ветер завывает в кронах деревьев. И вдруг из зарослей неуверенно, пошатываясь, выходит ягнёнок и произносит человеческим голосом: «Папа, это я. Не оставляй меня здесь одного...» Владимир берёт его на руки, прижимает к груди и... даёт волю слезам...

Боец проснулся в холодном поту и попытался отогнать нелепый сон: нельзя было расслабляться – через пару часов предстоял долгожданный штурм родной деревни...

Вскоре весть об освобождении села разлетелась по всей округе. Мальчик вышел на свой «пост» у валуна и в ожидании отца с товарищами нарвал полевых цветов, сложив их в пучок. Получился пёстрый праздничный букетик. Он был уверен, что отец непременно придет сегодня, чтобы обнять его, прижать к сердцу, в котором пульсировало счастье. На этот раз его глаза светились радостью. Он представлял сияющее родительское лицо, обрамлённое густой бородой, и невольно улыбался. Но шли часы, а машины всё не было.

«Наверное, папа приводит в порядок усадьбу, чтобы забрать меня домой», – успокаивал себя мальчик.

И он представил, как отец, доставив из сарая охапку дров, топит печку, чтобы комната согрелась к его приходу. А вечером они закопают в горячую золу картофелины и луковицы, как часто делали это в былое время, и вскоре те будут лопаться от жара с треском, напоминающим выстрелы, распространяя вокруг аппетитный аромат. От этого мальчик, успевший уже проголодаться, вкусно причмокнул...

Наконец издали послышался родной шум мотора грузовичка, и вскоре сумерки прорезали фары. Мальчик, прихватив пучок полевых цветов, побежал навстречу тормозящей машины с распротёртыми, словно крылья, руками... Но что за заминка? Никто не спешил прыгать из кузова. Никто не торопился приветствовать мальчика, как это бывало раньше. Стояла какая-то странная тишина.

Наконец кто-то, словно нехотя, выпрыгнул из машины, затем второй, третий... Отца среди них не было. А ведь мальчик каждый раз первым замечал его, даже если было темно, даже если отец находился где-то посерединке, между товарищами, всё равно сынишка видел, вернее, чувствовал его ещё издали...

Сейчас мальчик не верил своим глазам – кузов был уже пуст. Словно на замедленных кадрах фильма последний прыгавший из машины боец повис в воздухе. Слёзы заволакивали огромные глаза мальчика. Всё поплыло перед затуманившимся взором, букетик выпал из рук...

Взрослые, грубые, заросшие мужчины стояли, потупив взгляды. Они не могли ответить на приветствие мальчика. Никто не спешил погладить его по головке.

Но вскоре один из бойцов подошёл, положил выдавший виды автомат на землю, и, как это делал отец, поднял мальчика на руки, сжал его в крепких объятьях. И мальчик почувствовал, как неровно, тревожно бьётся солдатское сердце. По шершавым щекам бойца катились слёзы, и он не скоро выдал из себя слова, которые никто не решался говорить мальчику. Но тот, конечно же, сам догадался, что, осуществляя заветную мечту – освобождая родную землю, отец пал смертью героя...

Владимира похоронили на старом погосте, рядом с родителями и женой, и это было единственным утешением...

Однажды, когда бойцы приехали за провизией, увидели... мальчика. Он стоял у обросшего мохом валуна и пытался улыбнуться так, как раньше улыбался отцу...

Мальчик встречал и провожал бойцов до тех пор, пока не кончилась проклятая война.

2010 г.

Рецензии

Я с детства не любил овал

Я всё вспоминаю и вспоминаю этого фейхтвангеровского министра-фашиста, которого-де Эйзенштейн своим «Броненосцем Потёмкиным» на какую-то минуту превратил в коммуниста... Жаль, я не Фейхтвангер, и, даже занявшись Ашотом Бегларяном специально (Эйзенштейн у Фейхтвангера случаен и мимолётен), не смогу так ярко описать, КАК Бегларян на какую-то минуту сделал меня приверженцем пацифизма, кем я вообще-то не являюсь.

Я пишу о двух его рассказах: «Мать» и «Орёл». Они такие крошечные, что мне неудобно о них рассуждать. Как бы мало ни написал я – это будет неуклюже. Но я всё же разрешаю себе своё несимпатичное начинание, ибо очень уж редко натыкаешься на игру противочувствиями, а это я считаю единственным признаком художественности.

В «Матери» ложный сюжетный ход состоит в том, что солдат накануне ожидаемого утром боя, стратегически важного в данной войне, вечером покинул передовую, чтоб повидать мать, и даже удовлетворил её просьбу задержаться больше, чем позволяла ему совесть (мать никогда ни о чем не просила, а тут вдруг попросила). То есть очень похоже на шкурничество. Он боится, что в этот раз погибнет, и хочет попросить и убогачить мать как-то. А может, спастись всё же силою её любви, что ли. Она боится того же, уповает на то же и неосознанно пытается его оградить от смерти, задерживая. В общем, этот ложный сюжетный ход работает на эгоизм.

Война тут особая – в Нагорном Карабахе. Тыл и фронт рядом. Армия, видно, необычная. Можно отпустить самому себя домой, уведомив товарищей. Не возбраняется. Тем более что герой, Андрей, шофёр. Видно, подвозит боеприпасы. То есть окна какие-то мыслимы в его военной работе. Как у Махно в гражданскую: воевали возле своих сёл и хозяйство не запускали.

Итак, эгоизм. Казалось бы.

А в предпоследнем предложении рассказа – другой приватный приоритет: «Доехав же, наконец, не сразу понял слов старшины, который как-то виновато-исподлобья сказал, что загружаться не надо – ребята сами как-нибудь управятся».

В чём дело? Оказывается, мать Андрея умерла. То есть как и в мирное время, полагается-де освобождение от службы – для похорон.

Тут мистика какая-то: откуда они узнали? Но её не замечаешь. (Может, позвонили из города? Может, мать на виду умерла, на людях, а не в пустом доме. Может, выйдя из него поутру. А все всех знают. Город маленький. И где воюет сын умершей, тоже знали. И куда позвонить – тоже...) И вспоминаешь, что не зря она просила Андрея задержаться. Предчувствовала свою смерть? И не зря он вечером с передовой бросился домой, хоть утром бой. Тоже это предчувствовал? Что-то много мистики... Почему? Потому что тут то, ради чего написан рассказ? Ради акцентирования ценности частной жизни? Вон и название – «Мать».

Но в мозгшибает неожиданность: погиб не он, а она. От горя. Ибо убиты уже муж, дочь, старший сын и младший, Андрей, не застрахован. В общем, война. Она губит. И вот – очередная её жертва.

В финале рассказа сталкивается общественное начало («жал до отказа педаль акселератора», «каждая минута на передовой была на счету», «мчался по ухабистым дорогам к позициям») с частным («виновато-исподлобья», «ребята сами», «там, дома, не стало его матери»). И от столкновения этого рождается катарсис – пацифизм: «Нет войне как таковой!»

То есть название «Мать» тут выступает вперёд другим своим значением – рождающим началом в пику разрушающему. Главное в названии – противостояние войне. А не приоритет семейных ценностей.

Некая обманчивость сути, спрятавшейся под явлением, заложена в названии.

И то же – в названии другого рассказа, «Орёл». О той же войне. Лжеорёл там военный фельдшер Борис:

«Поднимаясь на четвёртый этаж, Костанян шутливо упрекал повисшего у него на плече Бориса в том, что тот поселился столь высоко.

– Орлы любят высоту! – парировал Борис».

Однако, хоть Борис и медик, не он там парит над схваткой армян и азербайджанцев, а

занимающийся обменом пленных майор Костанян. Борис ультрапринципиален и не хочет, чтоб в его доме говорили по-азербайджански, пусть и ради обмена.

Странность войны подчеркнута и в этом рассказе. Речь об обмене девушки-азербайджанки. Её содержат в армянской семье, как дочь. Костанян, уроженец Баку, для обменов пользуется услугами знакомых азербайджанцев. Приватное в этом рассказе тоже сталкивается с общественным (в лице Бориса). Но победителем оказывается третье переживание, пацифистское. Орлом, парящим над войной, оказывается не ультра-р-рапатр-риот Борис, так и не обратившийся к Костаняну, когда на фронте пропал его племянник, а майор Костанян...

Какое-то барочное соединение несоединимого видится в идеале автора. Причём идеал этот представляется практически достижимым. Автор – исторический оптимист. На такой вывод работает и какая-то, – да простится мне такое выражение, – домашность войны. Свои же люди вдруг ополчились друг на друга! И это хорошая модель для глобальных нынешних противостояний. Не тот нынче век. Слишком близко человечество подошло к границам своего вообще существования на планете. А ведь мы ж все свои же –люди...

Вот, повторю, такую необычность для себя мне, непримиримому, привелось пережить из-за Ашота Бегларяна.

Соломон Воложин, журнал «Открытая Мысль», №3 (Москва), 31.07.2006г.

Рассказ «Дед Мороз» – настоящая литература

Редко на «ПРОЗЕ.РУ» встречаются произведения, которые хочется читать и перечитывать. К которым возвращаешься и каждый раз находишь пищу для ума и сердца. Произведения, где словам тесно, а мыслям просторно.

Рассказ Ашота Бегларяна «Дед Мороз» – лучшее из того, что появилось за последнее время на литературном сайте. Нужно большое мастерство, чтобы изобразить в коротком рассказе скупыми, точными штрихами войну и тот неизгладимый след, который навсегда остаётся в сознании человека, участвовавшего в ней.

Девочки играют в «дочки-матери», мальчики играют «в войну». Сын требует от отца: «Папа, расскажи, как ты был солдатом».

И отец рассказывает немногословно о войне, с которой ему посчастливилось вернуться. «Детские» вопросы – самые трудные. Чаще всего на них нет ответа. Отец честно пытается объяснить сыну, как всё было. Воспоминания приводят к размышлениям. Снова и снова возникает вопрос «зачем?». Почему люди хотят мира, но вынуждены за него воевать? Почему история человечества – это история войн? Почему защищаясь, надо убивать? Из текста: «А почему взрослые играют в войну, если это плохо?» Великолепный диалог на мемориальном комплексе: «Папа, а почему ты тоже не стал камнем?» и т.д.

Выдёргивание цитат из текста, в данном случае, занятие неблагодарное.

Кратко и сжато автор разворачивает картину военных воспоминаний. Нет лишних слов. Одно последовательно вытекает из другого. Конкретный рассказ о реальной войне приобретает глобальный размах. От частного к целому, от единичного к множественному, от индивидуального к общему ведёт нас авторская мысль. Мы раздумываем и в который раз пытаемся решать философские вопросы жизни и смерти, добра и зла, войны и мира.

Мы обязаны помнить, что собственным примером воспитываем следующее поколение. Своим поведением в настоящем мы закладываем фундамент будущего для потомков. Люди несут ответственность за свои поступки даже после смерти. И без этого нет жизни.

Рассказ «Дед Мороз» – настоящая литература. Он представляет интерес для читателей любого возраста.

Светлана Лось, литературный критик (Торонто), 18.02.2008